

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 4 (43)

апрель, 2020

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами апрельский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Этот весенний месяц особенный для редакции нашего издания, так как в апреле отмечается два любимых праздника русского человека: 12 апреля – День космонавтики и 19 апреля – Светлое Христово Воскресение.

Не можем не написать, что в апреле 2020 года отмечает свой замечательный юбилей постоянный автор нашего журнала Владимир Скиф. Желаем здоровья, благодарных читателей и неиссякаемого вдохновения! Кроме того, 9 апреля исполнилось бы 75 лет поэту-сибиряку Георгию Кольцову, о творчестве которого мы узнали благодаря его брату Александру, совершающему поистине благородное дело, увековечивая в литературных произведениях имя брата. Вечная память Георгию!

В такой знаменательный месяц хочется произнести для вас все лучшие пожелания в мире! Пусть всё, о чём мечтается, приходит как дар от жизни, пусть каждое мгновение одаривает теплом и светом, пусть в душе царит любовь и тепло! И пусть гармоничным и радостным будет ваш маленький космос – мир, в котором мы живём!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

Поздравляю читателей
с праздниками
Воскресения Господня и
Днём Космонавтики!

 Олег Артемьев
лётчик-космонавт
России

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Апрель – особый месяц, в котором соседствуют два замечательных праздника: День космонавтики и Воскресение Господне.

День космонавтики – любимый праздник всех поколений. Впервые его отметили ровно через год после покорения космоса, 12 апреля 1962 года. Увековечить день перевернувшего человеческое сознание события предложил Герман Титов, лётчик-космонавт, дублёр Юрия Гагарина – первого космонавта, навечно вписанного в историю. Уже в 1968 году праздник получил мировое признание и обрёл приставку «Всемирный».

Есть вещи, которые действительно заставляют биться сердце чаще. Когда человек видит Землю со стороны – он меняется внутренне, понимает, что это необычно и сказочно. И не надоедает смотреть. Просто слетать, посмотреть на секундочку – и считай, дело важное сделаешь. Наша Земля и есть то самое невообразимое чудо!

И за это мы благодарны Создателю! В этом году празднование Пасхи приходится на 19 апреля. Христос воскрес!

В этот светлый праздник можно пожелать только здоровья, счастья, любви, мира и душевного спокойствия. Пусть в вашем доме всегда будет тепло и уютно. Пусть царят в нём понимание, любовь и забота!

Олег АРТЕМЬЕВ,
лётчик-космонавт, Герой России

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 4 (43), апрель 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.04.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

6 Олег Артемьев.
Космос и МКС: как всё устроено
на самом деле

13 Наталья Адлер.
Чёрно-белое кино

ИНТЕРВЬЮ

14 Мечта человечества

ДУХОВНОЕ

22 Анатолий Труба.
Покровитель космонавтов

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

33 Галина Бутова.
Ангел небесный,
или Пасхальная радость

ПАМЯТЬ

35 Владислав Бусов.
Памяти сибирского поэта

ЮБИЛЕЙ

38 Владимир Скиф

ЭТО ИНТЕРЕСНО

42 Вадим Кулинченко.
Наградная система России

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

48 Алексей Антонов.
Стихи последних лет

МАЛАЯ РОДИНА

51 Николай Чербаев.
Встреча

54 Запахи моей родины

ПРОЗА

57 Виктор Усов.
Токио: общество изучения Востока

ПОЭЗИЯ

66 Александр Дивеев

СОКРОВЕННОЕ

70 Алексей Ульянищев.
Девичья грусть

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

74 Евгений Ключов.
Мост над Авачинской бухтой

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

77 Ульяна Корчагина.
Синее море

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

82 Ирина Дёмина.
Продолжение

МИР ДЕТСТВА

85 Игорь Шарохин.
История с ёжиками

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

90 Война напоминает о себе

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

93 Анатолий Труба.
Чехов, Симонов, Берггольц,
Бондарев... Запущена
процедура присвоения имён
писателей новым деревьям

КОСМОС И МКС:

КАК ВСЁ УСТРОЕНО НА САМОМ ДЕЛЕ

Олег Артемьев – лётчик-испытатель, Герой Российской Федерации, борт-инженер МКС, у которого за плечами два космических полета, три выхода в открытый космос общей продолжительностью более 20 часов, самый известный космонавт-блогер Рунета (Twitter, YouTube, Instagram – более 500 тысяч подписчиков) – в своей дебютной книге «Космос и МКС: как все устроено на самом деле» показывает всё, что обычно скрыто от людских глаз.

Я не мечтал с детства стать космонавтом. Сам вырос и провёл детство на Байконуре – в космической гавани. Но все те, с кем я жил, дружил, детство провёл, хотели стать не космонавтами, а лётчиками, моряками... я хотел быть моряком. Всё, что связано с морем, было мне интересно. А космонавты для нас были людьми, которые нам, наоборот, мешали жить, потому что их надо было обязательно встречать, когда они приезжали. Нас выставляли вдоль дорог с флажками. Летом было жарко, зимой – холодно, поэтому они мимо нас быстро проходили, и было не очень приятно. Оттого космонавтом стать не хотелось.

После учёбы в школе и службы в армии поступил на подготовительное отделение МГТУ им. Н. Э. Баумана. Мы ездили по предприятиям, чтобы выбрать себе специальность и кафедру, однажды и попали в центр управления полётами. С лекцией выступал лётчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза В. А. Соловьёв, руководитель полёта. Тогда он руководил «Миром», а сейчас – полётом Международной космической станции. И вот он так интересно рассказывал, что все мы загорелись стать космонавтами. У кого-то получилось, у кого-то – нет.

К первому полёту 24 марта 2014-го я готовился 11 лет. Сначала я поступил в отряд космонавтов в 2003 году и стал кандидатом в космонавты, прошёл ОКП – общекосмическую подготовку, которая длилась около двух лет. После неё наступает подготовка в группах по специализации – там уже до трёх лет. По окончании нужно сдать больше 100 экзаменов и зачётов. Большинство результатов этих экзаменов действует около трёх лет, каждые три года надо пересдавать. Жизнь космонавтов-астронавтов – постоянная сдача экзаменов и зачётов, домашних заданий. Это считается одним из самых тяжёлых моментов.

Подготовка включает много направлений. Техническая подготовка – это сдача экзаменов по бортовым системам корабля, станции, их очень-очень много. Заземлённая подготовка – обучение полётам на реактивных самолётах Л-39. Это значительная часть подготовки. Физическая – это физкультура 2–3 раза в неде-

Мы готовили пиццу! Сами пекли в печи в модуле Node-1 («Юнити»), ингредиенты пришли на «Дрегоне». Получилось очень вкусно!

лю, но это зависит от человека, он сам должен держать себя в форме. Это могут быть занятия бегом, плаванием, бадминтоном, раньше были футбол и хоккей – их запретили, потому что это травмоопасные виды спорта. Также есть парашютная подготовка. Это сложная операторская деятельность. Человек ставится в экстремальные условия перед тем, как выпрыгнуть из вертолёта или самолёта, и затем, когда он уже стабилизировался в воздухе, он должен вести репортаж – рассказывать, что происходит, решать задачи. В первый раз двух слов связать не получается, но с каждым прыжком репортаж становится всё чётче, человек становится устойчивее. Первый этап этой парашютной подготовки – это 35–40 прыжков. Это достаточное количество, чтобы человек начал относиться хладнокровно к прыжкам. Таких этапов несколько – до трёх, после чего человек выходит на такой уровень, когда не особо страшно или страшно, но можно держать себя в руках.

Специальный вид подготовки – это гидролаборатория в скафандре, она считается самой опасной и трудоёмкой работой – имитацией выхода в открытый космос. Там мы в скафандрах в так называемой гидроневесомости отрабатываем различные типовые операции. Затем сурдокамера, когда ты в течение 72 часов в режиме непрерывной деятельности не спишь, выполняешь какие-то задачи, тесты. У нас есть подготовки на базах партнёров, так как помимо

Правнук отдаёт честь прадеду. Сожалею, что не получилось взять фотографии всех своих дедушек и бабушек... Но самое главное: наш долг – сохранить память о поколении, прошедшем через войну, и передать нашим детям. Это по-настоящему важно! Ещё раз поздравляю всех с Днём Победы!

российского сегмента есть американский: база подготовки в Хьюстоне – мы ездим туда сдавать экзамены по американским системам, а также в Кёльн (Германия) и Цукубу (Япония).

При подготовке бывают перегрузки, например в центрифуге. Это входит в медицинскую комиссию – ВЭК – врачебную экспертную комиссию. Её проводят раз в год, в течение двух-трёх недель проверяют все системы организма и выдают специальные заключения. Есть барокамера, которая поднимает на высоту

5 километров на полчаса, потом очень быстро спускает. Центрифуга, если предыдущие процедуры пройдены. Если ты будешь летать на самолёте, то перегрузка будет 3–5 g на голову, таз и грудь, на спину – это 4 и 8 g. Космонавта учат переносить перегрузки так, чтобы не потерять сознание и остаться работоспособным. Если человек не подготовлен, он теряет сознание сразу. Это специальные упражнения. Во время нарастания перегрузки надо напрягать те или иные части тела в зависимости от типа перегрузки. Такой вид подготовки только в России есть, даже в Америке нет. Этой центрифугой пользуются не только астронавты, космонавты, но и лётчики боевых истребителей.

Подготовка – это очень интересно, сначала это в новинку, а потом входит в привычку. Ещё есть подготовка в самолёте – полёт в невесомости. Это в основном для тех, кто ещё не летал в космос. Самолёт летает по параболе Кеплера. Космонавты учатся в невесомости надевать скафандр, передавать грузы и вообще чувствовать, что это такое. Один полёт – 10 горок, в каждой горке где-то 25 секунд невесомости. Горка – подъём на высоту 6 000 метров, затем под углом 45 градусов – добирание высоты 9 000 метров, где происходит переход через вершину параболы, – там и возникает ощущение невесомости в течение 25–28 секунд, затем самолёт спускается до 6 000 метров, и начинается новая горка.

Второй раз еду в космическом танке по случаю Дня Победы! В прошлом полёте у меня в напарниках был Миша Тюрин, а теперь мы на страже мира и порядка вместе с Антоном Шкапелёвым. Наш экипаж поздравляет всех с самым главным государственным, семейным и личным праздником страны! Бережём и храним память наших дедушек и бабушек, воевавших на фронтах и ковавших Победу в тылу! Мира и благополучия нашей планете и каждому на ней лично!

* * *

Случаются интересные ситуации на станции. У летчиков и космонавтов слух немного снижен из-за постоянной работы в шуме.

Наши врачи всегда предупреждают: «Защищайте слух! Пользуйтесь берушами!» И я взял их в первый полёт. Ко сну отправляемся. Достал эти беруши, памятуя о том, что всё-таки шумно. А жил тогда в каюте американского сегмента.

Когда проснулся утром, рядышком были японец, американцы, они и говорят с подколкой: «Молодец! Хорошо поспал!» Я думаю: «Что такое? Что случилось?» А когда прилетел на свой сегмент, там все чернее тучи ходят, не разговаривают. Потом на утренней конференции (там мы рассказываем, что было ночью, как работу провели, даются какие-то наставления по работе) выяснилось, что ночью произошло несколько ложных возгораний и пожарных тревог.

Во время пожарных тревог отключается вентиляция, чтобы дым и пожар не распространялись, надо уточнять причину – это долгоиграющие процессы. Мои соседи, мои друзья – американец и японец – не давали меня разбудить. Я не просыпался, потому что эти беруши затолкал в уши поглубже и вообще ничего не слышал. А мои товарищи всю ночь разрешали эту ситуацию, поэтому весь день были сонные, вялые. Один я за работу хватался.

По речи тоже слышно, когда человек уставший, еле-еле они говорили. Такая вот полузабавная ситуация. После этого с берушами больше не спал. Есть наушники активного подавления. Они как раз позволяют сигнализации проходить, а разговор и звуки станции заглушают.

* * *

Традиции у каждого экипажа свои, у кого-то их нет. Эти традиции люди сами придумывают. Какие-то отмирают, какие-то остаются. Основная традиция – экипаж видит ракету, когда идёт тренировка на корабле, она там лежит, ещё не собрана. А когда её увозят, основной экипаж её не видит.

На самом деле все традиции перешли из авиации. Нельзя фотографироваться на фоне ракеты, на которой ты полетишь, как и перед самолётом плохая примета сниматься. Никогда не говорят слово «последний», всегда «крайний», просмотр фильма «Белое солнце пустыни» перед полётом. Известна традиция подкладывать монетки под тот мотовоз, который тянет ракету. Они там сплющиваются, потом мы раздаём их тем, кто приезжает нас провожать.

Расскажу, какие бывают ситуации, связанные с техникой на корабле. Бывает так, что время перескакивает в компьютере, и программа, которая показывает местоположение, может сдвинуться на 5–6 дней вперёд или назад. И вот человек, которому надо что-то сфотографировать, смотрит, что скоро дойдёт до нужной цели. Он сидит, фотографирует, ждёт и говорит: «Так, Китай, Китай, Китай». А ты в иллюминатор смотришь, а это совсем не Китай, а Австралия. А он опять что-то там ищет, где же космодром.

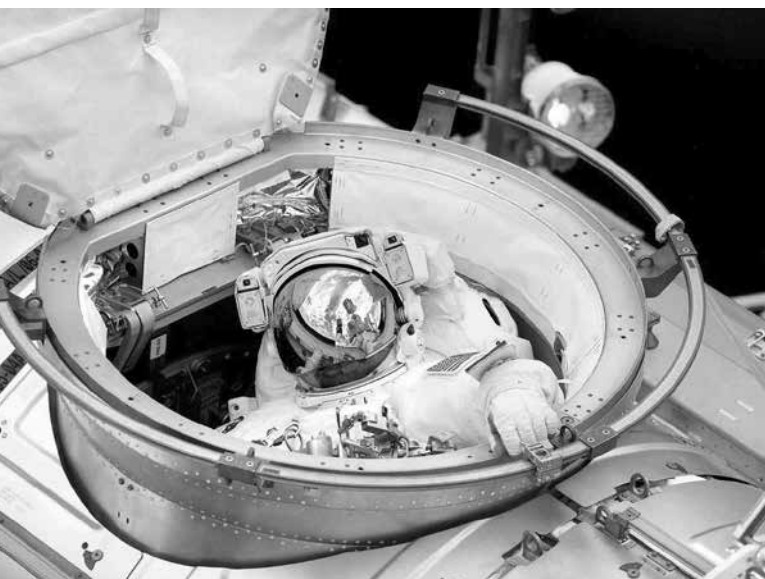
Говорю:

- Что ты ищешь?
- Сечан!
- А он что, в Австралии, что ли?
- Какой Австралии! Он в Китае, что, не знаешь, что ли?
- Это Австралия!
- Какая Австралия? Это Китай!

Вот такое бывает. Высший пилотаж, когда сразу всем говорят: «Пошли посмотрим, как он там фотографирует!» Понятно – там что-то интересное. Все сидят кружком и смотрят, как он Китай ищет.

* * *

Фотосъёмка – это работа. Может быть, она и переросла бы в увлечение, если бы я ходил постоянно с этим аппаратом. А так я любитель. Видишь хороший, интересный кадр – рука сама тянется сфотографировать. Это у профессионалов из десяти кадров один хороший, а у меня, может, из сотни один удачный. Иногда, бывает, десять сделаешь, и все хорошие – как повезёт. В детстве фотоаппараты были плёночные, я даже ходил в фотокружок. Цифровая съёмка –

другой уровень. Получается, что у нас сейчас все фотографии, особенно когда есть мобильные телефоны. У всех свой опыт, но каждый чувствует себя профессионалом.

Бывает, что снимок темноват, а это место уже тяжело снова сфотографировать, тогда ты пытаешься обработать. На самом деле на это времени нет. Особенно в первый полёт: у меня не было компьютера такой мощности. Стараюсь фотографировать так, чтобы ничего не обрабатывать. Иногда могут помочь: просто вырезают то, что интересно, особенно какой-нибудь храм. На фотографию смотришь и не поймёшь, где он находится, поэтому вырезаешь этот кусочек. Сначала общий снимок, потом дальше приближаешь, но так, чтобы он был более чётким. Если сильно обрабатывать фотографии, они неестественные получаются. Высший пилотаж – сделать такой снимок, который не требует обработки, но не всегда получается. Поэтому, чтобы хороший снимок получить сразу, начинаешь вертеть этими настройками фотоаппарата и так, и сяк. Бывает, что одно и то же место снимаешь, но с разными настройками.

Когда я фотографирую для соцсетей, репортажа, необходимо иметь несколько камер. Нужно, например, чтобы короткофокусный объёмный «рыбий глаз» был под рукой. Если надо сфотографировать, допустим, Астрахань, ты подлетаешь и фотографируешь сначала на «рыбий глаз», сразу видна вся дельта Волги

плюс её изветвления, может быть, до Саратова видна. Потом берёшь чуть-чуть длиннее объектив (200–400) – и дельта, и Астрахань. Потом берёшь 400–800, после уже тяжёлую артиллерию, 1600, и поквартально этот город фотографируешь. В итоге получается репортаж. Можешь по-разному расположить «карусель»: сначала самый дальний снимок, «рыбий глаз», или сразу квартал поставить, а потом по возрастанию и наоборот. Поэтому идеально, когда у тебя под рукой четыре фотоаппарата, но не всегда выходит.

* * *

Перед первым полётом никаких эмоциональных потрясений не было, только волнение: лишь бы эта командировка началась – просто потому, что причин не полететь очень много. Кто-то из экипажа заболел, сам можешь слечь и подвести экипаж, случится неисправность техники, которая может не позволить улететь.

Небольшое волнение может быть из-за этого, и то оно где-то глубоко. Если бы я не готовился очень долго, а просто шёл мимо ракеты, а меня запустили, то это было бы большим потрясением. А когда ты годами готовишься, когда ты знаешь, что каждую секунду, каждую минуту должно произойти, что за чем должно открыться, закрыться, включиться, засветиться, то просто работаешь.

Одно дело – тренажёр, другое дело – реальный корабль: там звуки другие, на это реагируешь. Там не до срывов было, там здорово, подъём эмоциональный. Когда все идеи по плану после двухлетней подготовки, очень приятно. Если срывается – то, конечно, немного обидно.

Космос вызывает зависимость. Хочешь вернуться обратно в эту атмосферу, невесомость, эту среду – как второй родной дом. Так же, как хочется всегда вернуться туда, где детство провёл, появляется чувство ностальгии. Тут тоже самое...

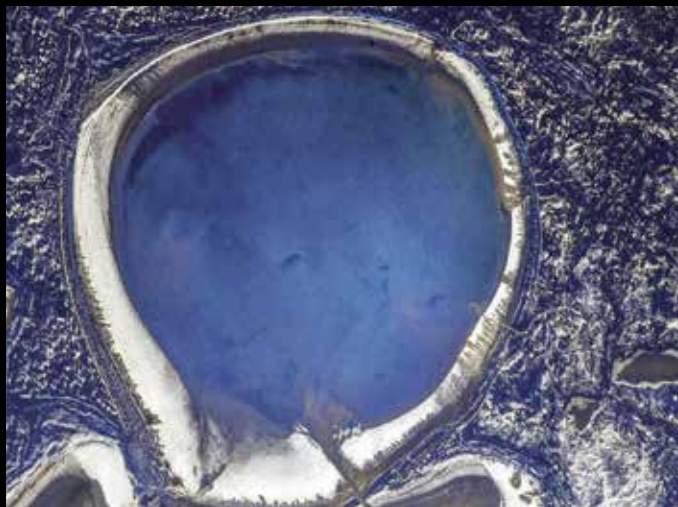
*Знаменитая Пальма Джумейра
на берегу Дубая в ОАЭ*

*В преддверии финала ЧМ-2018 поиграли с
Сергеем Проконьевым и Александром Герстом
в футбол в служебном модуле «Звезда»*

*Начинаем готовиться к возвращению на Землю. «Примерили»
наш «Союз» и проверили, насколько выросли в невесомости
за последние пять месяцев, влезает ли в кресло...*

Как-то раз в свободную минуту выглянул в окошко и сделал снимок загадочного озера солончак: Жаман-Аколь, Казахстан.

Сочи из космоса

Москва из космоса

Посмотрите, какую прекрасную «розу» я увидел, выглянув в иллюминатор. Правда, похоже?

Выступает группа «Астро Гавайи»!

ЧЁРНО-БЕЛОЕ КИНО

– Доченька, давай нарядимся в красивое платьице! Надевай-надевай, вот так, хорошо. Пойдём к тётке Любе кино смотреть по телевизору, мы сегодня на десять часов записались. Быстрее, а то опоздаем!

Наталке шёл седьмой год, осенью в школу пойдёт, поэтому мама уже брала её с собой к соседке телевизор смотреть, новенький, с маленьким экраном, чёрно-белый. Это была диковинка! Кино – дома! Не важно, что показывали: новости или фигурное катание, концерт симфонического оркестра или балет, футбол или «Алло, мы ищем таланты!», главное – просто смотреть телевизор! Ни у кого такого чуда ещё не было, а тётке Любе сын из города привёз!

Записывались на просмотр телепередач с вечера, человек по семь-десять на пару часов. Потом другие шли. Только уселись Наталка с мамой перед экраном, как зазвучал всеми любимый голос Левитана, но не из телевизора, а из соседней комнаты по радио:

– Говорит Москва, говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Московское время – десять часов две минуты. Передаём сообщение ТАСС о первом в мире полёте человека в космическое пространство. 12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич.

И далее голос космонавта: «Поехали!...», шипение, помехи и комментарии Гагарина о прохождении полёта.

Мамка и тётя Люба начали креститься, радоваться, потом обниматься.

– Ох, что будет?! Поди, Господа нашего Иисуса Христа там увидит! Возвернётся ли? А всё-таки как здорово, что мы Америке нос утёрли! Первые!

А девчушка представляла себе, как Бог сидит на облаке, а мимо советская ракета летит с красной звездой. Представила – и засмеялась. Ей было весело, потому что взрослые радовались.

По телевизору красивая дикторша тоже стала говорить о первом в мире полёте человека в космос. На весь экран показали портрет улыбающегося мужчины с добрым взглядом искрящихся глаз с какой-то неуловимой лукавинкой.

«Вот он какой, Юрий Гагарин! Красивый, – подумала Наталка. – Вот подружки удивятся, когда я им расскажу, что видела так близко на чёрно-белом экране телевизора первого в мире космонавта! Нашего, советского!»

И в голове девчушки сами собой зазвучали слова гимна СССР: «Союз нерушимый республик свободных...»

Эти слова торжественно и величаво неслись из репродуктора каждое утро и будили всех в доме, в том числе и её. Она, конечно, была ещё маленькой, чтобы до конца осознавать грандиозность произошедшего события, но чувство радости и гордости за свою страну, за свой народ и его героев захватило всё её детское существо. Это чувство она несла в себе, взрослея, переходя из класса в класс, из октябрят – в пионеры, из пионеров – в комсомольцы.

Осознание незыблемости и мощи своей страны не покидало Наташу никогда!

Наталья АДЛЕР

МЕЧТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Многовековую мечту человечества о полёте в космос воплотил Юрий Алексеевич Гагарин 12 апреля 1961 года. Не каждому человеку удалось увидеть первого космонавта Земли, а вот руководитель Музейно-выставочного центра Тамбовской области, заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин города Тамбова полковник Игорь Алексеевич Николаев пять раз общался с первооткрывателем космоса, знаком и со многими другими космонавтами планеты.

Игорь Алексеевич, хотелось бы, чтобы вы вспомнили теперь уже далёкий день 12 апреля 1961 года. Что вы чувствовали, узнав о первом человеке, полетевшем в космос?

– Был солнечный весенний день. И вдруг позывные Советского Союза, и взволнованный голос Юрия Левитана сообщает, что в Советском Союзе осуществлён запуск космического корабля, пилотируемого лётчиком-космонавтом, гражданином Союза Советских Социалистических Республик майором Гагариным. Слу-

шая сообщение ТАСС, я и предположить не мог, что уже через два месяца спустя увижу Юрия Алексеевича. Меня в тот момент, как, думаю, и всех моих соотечественников, переполняли чувства гордости, изумления и восторга. Константин Симонов написал:

*Рассвет. Ещё не знаем ничего.
Обычные «Последние известия»...
А он уже летит через созвездия,
Земля проснётся с именем его.*

И действительно, Земля проснулась с именем Гагарина. Весь мир, все люди нашей планеты ощутили в этот миг себя братьями, землянами, сделавшими первый шаг на пути покорения космоса. Ведь на крыльях мечты люди уже давно побывали на Марсе, совершили путешествие к звёздам, переселились на другие планеты. Человек преодолел земное притяжение и сумел создать спутниковое ожерелье Земли. А вот реальным воплощением многовековой мечты человека о полёте в космос как раз был старт Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года. Он, Гагарин, запустил часы космической эры Земли. «Он позвал нас всех в космос», – сказал о Гагарине Нил Армстронг, человек, который первым ступил на поверхность Луны. Юрия Алексеевича называли самым любимым человеком XX века. А лётчик-космонавт СССР Алексей Леонов говорил: «На долю этого человека выпало счастье первым совершить облёт планеты. На нашу – не меньше – быть его современниками, его народом».

А что оказалось самым запоминающимся от первой встречи с Юрием Гагариным?

– Самой запоминающейся оказалась улыбка Гагарина. На неё земляне израсходовали огромное количество эпитетов. Кажется, что уже ничего нового и не подобрать. Как-то в Звёздном городке я увидел гладиолусы и остановился, любуясь ими. Мне подсказали: «Это "Улыбка Гагарина"». Цветы были жёлто-розовые, с красным мазком внутри. Он напоминал отблеск улыбки.

Каким человеком Юрий Алексеевич был в жизни?

– От Гагарина исходило излучение жизнерадостия и сердечности, особого обаяния. Даже после короткой встречи оставалось впечатление, что ты знаешь его давно-давно... Речь его была лёгкой, с блёстками юмора. Он был прекрасным рассказчиком, душой любой компании. Простой, понятный, скромный, удивительно чистый и абсолютно естественный в обращении с людьми. Вспоминаю, как на Всесоюзном совещании комсомольских работников

он с увлечением говорил о присутствовавшем секретаре комитета комсомола своего полка. Или другой пример, свидетельствующий о его самодисциплине. Это было на Красной площади в Москве. Мы, группа военных, стояли у подножия Мавзолея, когда к нам подошёл Юрий Алексеевич. Поговорив, он направился к Мавзолею, чтобы подняться на него. Проверяющий пропуска узнал его и приветливо попросил проходить, но он, приложив руку к козырьку фуражки, сказал: «Нет-нет, я не буду вас подводить. Нельзя нарушать порядок» – и вынул из кармана пропуск.

Таким он был всегда и во всём: честным, благородным, порядочным. Вспоминаю его слова, обращённые к маме: «Спасибо тебе, мама, – говорил он, когда семья впервые собралась вместе в доме родителей после полёта, – что ты приучила нас в детстве трудиться. Приучила каждое дело делать на "отлично", а это в жизни главное». Всё это даёт нам право проникнуться особым уважением к Юрию Алексеевичу.

О Гагарине написаны воспоминания и поэмы, из поколения в поколение будут передаваться легенды, его имя и подвиг на космической орбите стали вечным символом высочайших человеческих достоинств. Борис Полевой, автор «Повести о настоящем человеке», писал о Гагарине: «Он самый настоящий из всех настоящих людей планеты». Это подтверждают многие люди,

близко знавшие Гагарина. Например, первый руководитель Центра подготовки космонавтов, врач Евгений Карпов, характеризует Гагарина как человека высочайших достоинств. «Прежде всего, – пишет он, – это непреклонная вера Гагарина в успех полёта, отличное здоровье, неистощимый оптимизм, гибкость ума, любознательность, смелость и решительность, аккуратность, трудолюбие, выдержка, простота, скромность».

Всё это позволило Юрию Гагарину не только успешно выполнить космический полёт, но и оставить нам в наследство бесценный дар – профессию космонавта, полную не только романтики, но и профессионализма, отваги и мужества. Именно он сформулировал «Кодекс космонавта». Вот небольшая выдержка из него: «Патриотизм, отвага, скромность, трезвость мгновенного расчёта, жизненная воля, знание и любовь к людям». Он следовал всю жизнь этому кодексу и делал своё многотрудное дело с безграничной верой в успех.

В первый отряд космонавтов отобрали 20 человек из 3500. Из них 12 поднялись на космическую орбиту, но первым был именно Юрий Гагарин. Сейчас уже невозможно представить на его месте кого-то другого. Как вы считаете, почему именно Гагарину выпало счастье первым совершить космический полёт?

– Я думаю, что образ его выбран совершенно идеально. За 26 лет до полёта Юрия Алексеевича в космос, в 1935 году, основоположник современной космонавтики Константин Циолковский сказал: «Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство. Он русский... Он гражданин Советского Союза. По профессии, вероятнее всего, лётчик... У него отвага умная, лишённая безрассудства... Представляю его открытое русское лицо, глаза сокола». Безусловно, в этих словах угадывается портрет Гагарина, хотя, когда Циолковский говорил об этом, будущему космонавту не было и года...

Юрий Гагарин обладал прекрасным физическим здоровьем, которое было необходи-

мо для полёта в космос, интеллектом. Сергей Королёв вспоминал: «В Юре счастливо сочетались природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие». Гагарина отличали целеустремлённость, деятельность и строгость в работе, безграничное чувство долга и ответственности. Ведь когда Гагарин уходил в полёт, он знал, что коэффициент надёжности всего-навсего 0,7%. Весь полёт был риском, цена риска – жизнь. И он пошёл, оставив завещание в школьной тетрадке в клеточку. Он писал, как он счастлив, что ему доверили это, что он непременно любой ценой оправдает доверие. Он писал своей жене, что очень её любит. И эта любовь действительно была очень красивой, божественной, надёжной. Он снимал с неё все обязательства перед ним. И через какое-то время она могла сама решать свою судьбу, если его не будет. Он высказал жене свои пожелания: вырастить девочек не белоручками и позаботиться о его родителях. Про это завещание забыли, оно было найдено через несколько лет, и Юрий Алексеевич потом говорил, что это была минута какого-то откровения, желания поговорить со своими близкими.

Подвиг Гагарина бессмертен или пройдут годы, и вырастет поколение людей, у которых будут другие, свои герои?

– Сегодня мы привыкли к сообщениям об очередном космическом полёте. 59 лет назад это было впервые! Первый полёт продолжался всего 108 минут. Но каких! Нас радовало и восхищало всё: скорость полёта ракеты – 8 км/сек, её вес – 287 тонн, мощность двигателя – 200 млн лошадиных сил и т. д. И ни с чем не сравнимое чувство восторга у всех вызывал первый космонавт – Юрий Гагарин. «В одно мгновение, – утверждал президент США Джон Кеннеди, – он стал принадлежать всему миру». Его ждали на всех континентах. Он же успел посетить 27 стран. Сверкнув, он не померк, а стал вечным героем нашего поколения и всех последующих.

Юрий Алексеевич прожил жизнь длиной в 34 года и 18 дней, отдав космосу 8 лет и те же 18 дней. Много летал, готовил товарищей

по отряду к космическим полётам, являлся дублёром Владимира Комарова, блестяще окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского, вёл большую общественную работу. Его жизнь трагически оборвалась 52 года назад. После его гибели ясновидящая Ванга утверждала, что Гагарин жив. Отчасти могу с ней согласиться. Он жив, но не физически, а в наших душах, в нашей памяти. И эта жизнь его будет продолжаться вечно. Чингиз Айтматов когда-то написал: «Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное. И в этом моё утешение».

«Патентное бюро истории» зарегистрировало подвиг Гагарина как первопроходца космоса, вписав именно его имя навечно в летопись космической славы. И поэтому 12 апреля – это день не только нашей чистой национальной гордости, но и гордости всего человечества. И я думаю, что так будет всегда. Сам же Юрий Алексеевич считал, что его Золотая Звезда принадлежит равнозначно всем – учёным, конструкторам, инженерам, рабочим, которые создавали новую космическую технику.

Сколько всего космонавтов и астронавтов побывало в космосе?

– По данным на 26 сентября 2019 года, насчитывается 563 человека, совершивших орбитальный космический полёт. 64 из них – женщины. Представители 35 ныне существующих государств побывали на орбите Земли.

В российском Центре подготовки космонавтов были обучены 290 космонавтов и астронавтов, побывавших на космической орбите. Общее же количество стартов пилотируемых космических аппаратов с космонавтами на борту, подготовленными в ЦПК, составило 145.

Самый большой суммарный полёт в космос имеет российский космонавт Геннадий Падалка – 878 суток за пять полётов. Самый длительный полёт совершил космонавт Валерий Поляков – 438 суток 18 часов.

За время полётов было совершено 155 выходов в открытый космос. Всего космонавты провели в открытом космосе 1410 человеко-часов. Больше всех выходил в открытый космос Анатолий Соловьёв – 16 выходов общей продолжительностью 3 суток 7 часов 2 минуты.

Самым молодым космонавтом, поднявшимся на космическую орбиту в 25 лет, был Герман Титов. Самым возрастным был Джон Гленн, совершивший космический полёт в возрасте 77 лет.

У вас ведь было немало встреч и с другими космонавтами помимо Юрия Гагарина? Кто-то из космонавтов бывал на Тамбовщине?

– Да, мне посчастливилось общаться со многими. У кого-то из них я бывал дома, с кем-то встречался в рабочей обстановке. Космонавты не раз становились гостями и Музейно-выставочного комплекса Тамбовского высшего военного авиационного инженерного училища радиозлектроники, и Музейно-выставочного центра Тамбовской области. Среди них дважды Герои Советского Союза Алексей Леонов, Светлана Савицкая, Георгий Береговой, Владимир Джанибеков, Герои Советского Союза Владимир Титов, Александр Волков и ещё более 10 космонавтов.

Немало имён напрямую связано с Тамбовщиной – Владимир Шаталов, Лев Дёмин, Валерий Быковский, Юрий Артюхин, Генна-

дий Манаков, Павел Виноградов, Александр Скворцов, Сергей Волков, Константин Козеев, Олег Артемьев, Сергей Прокопьев. Все они в разные годы жили, служили или учились на нашей тамбовской земле. Многие из них связаны глубокими родственными корнями с Тамбовщиной. Например, отец лётчика-космонавта СССР Владимира Шаталова – Александр Шаталов – родился в селе Сукмановка Жердевского района Тамбовской области. В годы Великой Отечественной войны возглавлял ремонтно-восстановительный поезд «Связьрем-1». Выполнял ответственные задачи на Дороге жизни, участвовал в прокладке свайно-ледовой дороги на линии Мгла – Волховстрой, строительстве переправы по льду Ладожского озера и эстакады через Неву в районе Шлиссельбурга. 5 ноября 1943 года был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Его сын, будущий космонавт, мальчиком был на правах «сына полка» в составе этого коллектива.

С пребыванием Владимира Шаталова и других космонавтов на тамбовской земле связано немало любопытных фактов. Например, Владимир Шаталов учился и служил в начале 50-х годов в Мичуринске лётчиком-инструктором. Однажды он взлетел на самолёте Як-9В вдвоём с курсантом. Они поднялись на высоту 170–180 метров. И тут мотор стал давать сбой. Оглянувшись, Шаталов увидел тёмный дымный шлейф. Он взял управление на себя и тут же выключил мотор, чтобы от случайной искры не загорелись пары бензина. Решил садиться. Но куда? Высота мала, и разворот на аэродром сделать не удастся. Тогда он повёл самолёт на посадку прямо по курсу в... мичуринский опытный сад... Хотя и сел самолёт на брюхо, но поломки были минимальными. Как потом оказалось, Шаталов посадил машину на тот участок сада, где работала его любимая девушка Муза. Впоследствии она стала женой Шаталова. А ещё получилось так, что Владимир во время службы квартировал вместе со своим другом Иваном Савченко у сына Мичурина, Николая.

Льва Дёмина вполне можно назвать тамбовским космонавтом № 1. С Тамбовщиной его

связывало, прежде всего, авиационно-техническое училище, которое он окончил в январе 1949 года досрочно с отличием. Позже Дёмин говорил об этом периоде своей жизни: «С благодарностью вспоминаю наше училище, оставившее большой след в моей жизни». Он постоянно поддерживал деловые и творческие связи с командованием и профессорско-преподавательским составом училища. Неоднократно Лев Степанович бывал в Тамбове, встречался с коллективами гимназии № 12, завода «Ревтруд», Тамбовского государственного педагогического института, производственного предприятия «Пигмент». Имя прославленного космонавта носит Тамбовский кадетский корпус. 12 июня 1974 года городской Совет народных депутатов своим постановлением присвоил Льву Степановичу звание «Почётный гражданин города Тамбова». Прежде всего, хочется сказать о его благородстве, доброте и щедрости души. Я знаю многих людей, которым он сумел помочь в жизни, облегчить участь, содействовал в решении жизненных проблем.

В Министерстве геологии СССР Лев Дёмин вёл активную научную работу по геологическому дистанционному зондированию Земли. Его серьёзно привлекали проблемы космической геологии, космического «природоведения». Изучению, как говорят учёные, крупных черт лица нашей Земли, её строения, подземных кладовых он посвятил многие годы своей жизни.

При первой встрече, после космического полёта, с курсантами и офицерами родного училища Лев Степанович говорил: «Я всегда испытываю трепетное отношение к Тамбову – городу моей юности – и нашему замечательному училищу. И эта память приумножает силы, она волнует сердце и наполняет его гордостью за Тамбов и горожан».

Частыми гостями нашего города можно назвать лётчиков-космонавтов Владимира Титова и Александра Волкова. Их связывает многолетняя дружба с заслуженным военным лётчиком генерал-лейтенантом авиации Василием Ключенком. Именно на его долю выпала честь поднять в небо и поставить на крыло будущего Героя России лётчика-космонавта Сергея Волкова.

Герой России Павел Виноградов тоже в Тамбове частый и желанный гость. И всякий раз, когда космическая орбита проходила над Тамбовом, через иллюминатор космического корабля он находил дом родителей, много лет проживавших здесь.

Игорь Алексеевич, как вы думаете, почему в наше время профессия космонавта не популярна среди молодёжи, ведь 30–40 лет назад чуть ли не каждый мальчишка мечтал полететь в космос?

– Говорят, ладонью солнце закрыть нельзя. И нельзя закрыть всю правду о космических полётах. Это очень сложная и опасная работа. Хочу вспомнить лишь несколько эпизодов из нашей космической эпопеи. Готовились к длительному полёту на орбиту космонавты Василий Лазарев и Олег Макаров, а продолжался он всего 21 минуту и 27 секунд. Но каких! На 261-й секунде произошла авария ракетополёта. С перегрузками более 20 g (допустимая для человека норма – 10 g) корабль устремился к Земле. При приземлении парашют зацепился стропами за дерево в районе Горного Алтая, и корабль с космонавтами завис над бездонной каменной пропастью. А пожар на старте и отстрел системой аварийного спасения корабля, в котором находились Владимир Титов и Геннадий Стрекалов?! А давайте вспомним о драме, разыгравшейся во время полёта Николая Рукавишникова. Он вместе с болгаринцем Георгием Ивановым стартовал с Байконура на «Союзе-33». И вдруг в полёте отказал «мотор» космического корабля – ракетный двигатель, потом начались неладки в системе управления. Можете представить, как себя чувствовали отважные покорители космоса.

И, кстати, полёт Гагарина тоже не был простым. Особенно заключительный этап – приземление. Оно требовало от Гагарина немалого мужества и воли. Катапультировался он на высоте 7000 метров. И вот здесь лётчика-космонавта подстерегали опасные неприятности с парашютом, стропы которого закручивались, и неоткрывшимся клапаном, который должен был подавать воздух для дыхания. На вопрос,

не смущает ли его эта цифра – коэффициент надежности 0,7%, – Гагарин отвечал, что летать надо с безграничной верой в успех. И вот эта вера и обеспечила ему приземление.

Примеры эти можно было бы продолжать, рассказывая о десятках опасных ситуаций на земле и в космосе у многих наших космонавтов – Владимира Комарова, Владислава Волкова, Георгия Добровольского, Виктора Пацаева и др.

Я лишь скажу: работа космонавтов – это тяжёлый труд людей большого мужества. В космос летают не за золотыми звёздами. Это романтики. Это люди, преданные науке. Это необыкновенно увлечённые люди. И мы не имеем права не гордиться, не восхищаться ими.

Безусловно, это тяжёлая, но нужная работа. Но, к сожалению, нередко можно слышать разговоры, что мы напрасно тратим средства на освоение космоса, когда на земле дел хватает. И даже раздаются призывы приостановить космические исследования.

– Прежде всего, хотелось бы напомнить высказывание академика Ивана Бардина: «Самый дорогой процесс в технике – это топтание на месте». Значит, остановить научную и техническую мысль мы не имеем права.

Разговоры о нецелесообразности космических исследований являются следствием плохой информированности людей о реальных затратах на космос и отдаче от полётов. Как-то на одной из конференций по космонавтике я слышал данные о том, что суммы, затраченные на космонавтику в течение 32 лет, соизмеримы с тем, что мы тратили на развитие сельского хозяйства за один год.

Польза же космических исследований очевидна. Например, количество информации от метеоспутника за один виток соизмеримо с информацией от 15–20 наземных станций, которые надо создать, а затем обслужить.

Или ещё примеры. Космическая съёмка обходится в 10 раз дешевле, чем аэрофотосъёмка той же площади. За пять минут съёмки с борта орбитальной станции «Салют» выполня-

лась работа, которую при аэросъёмках можно было сделать за два года, а геологам потребовалось бы 80 лет.

Георгий Береговой рассказывал, что обнаружилась интереснейшая особенность снимков, сделанных спутниками: на них отчётливо заметны глубинные структуры нашей планеты. Геологи увидели «подземные этажи» планеты Земля.

Статистика свидетельствует: каждый день где-то в Мировом океане гибнет корабль. Космический буй позволяет незамедлительно послать к месту происшествия самолёт, вертолёт или спасательное судно. И в плане обороны спутникам тоже отведена важная роль. Около тысячи ведомств и организаций являются потребителями информации, полученной из космоса.

Вывод и ответ маловерам может быть только один: космонавтика доходна, заниматься ею перспективно.

Игорь Алексеевич, возвращаясь к настоящему, хотелось бы узнать, как давно Тамбовщина сотрудничает с Центром подготовки космонавтов? Расскажите о формах этого сотрудничества, о вкладе нашего региона и о работе Музейно-выставочного центра Тамбовской области по пропаганде космической славы страны.

– Сотрудничество с ЦПК и отрядом космонавтов длится уже несколько десятилетий. Этому предшествовала целая система контактов, а венчало его проведение Дня Тамбовской области в Центре подготовки космонавтов. Наш регион единственный, осуществивший такую акцию. В её рамках мы познакомились с техническими средствами подготовки космонавтов. Это центрифуга с плечом 18 метров, гидролаборатория, бассейн глубиной более 12 метров для подготовки космонавтов к деятельности в условиях гидроневесомости, летающие лаборатории Ил-76 и Ту-154М.

Предложенная нами идея основывалась на вкладе Тамбовской области в развитие космической науки и техники. Прежде всего, это подготовка кадров в Тамбовском высшем военном авиационном инженерном училище радиоэлектроники. Среди выпускников этого училища – крупные

учёные, заслуженные деятели науки, лауреаты Ленинских и государственных премий, которые работали и работают сегодня в интересах космической науки и техники. В их числе Константин Власко-Власов, Геннадий Мельников, Владимир Соколов, Михаил Калинин, Александр Коробенко и другие. К числу выпускников ТВВАИУРЭ принадлежит и лётчик-космонавт Лев Дёмин. Здесь прошла курсантская молодость Юрия Артюхина. Долгое время они были связующим

звеном между Тамбовом и ЦПК. Немалый вклад в освоение космоса, подготовку космонавтов внесли и офицеры – выпускники училища связи Виктор Исаев, Георгий Стародубцев, Иван Ваганов, Валерий Латышев, Игорь Трашутин, Владимир Самородов, Виктор Стюжнев, Вячеслав Чуркин и десятки других замечательных специалистов, работавших в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, в космических НИИ, на Байконуре.

Лётчик-космонавт РФ Сергей Волков окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков имени М. М. Расковой. Здесь становился на крыло и ещё один лётчик-космонавт, Герой России Сергей Прокопьев. Кроме того, аэродром лётного училища активно использовался как аэродром для парашютной подготовки.

Долгие годы Музейно-выставочный комплекс активно сотрудничал с Центром подготовки космонавтов, со Звёздным городком. Именно из ЦПК имени Ю. А. Гагарина здесь экспонировалось пять уникальных выставок космического оборудования. Восемнадцать космонавтов побывали у нас, принимая участие в Гагаринских чтениях, научных конференциях. Делегации тамбовчан неоднократно выезжали в Центр подготовки космонавтов и в Центр управления полётами с большими концертными программами вокального ансамбля «Русский романс». Артисты пели не только во Дворце космонавтов, но и в ЦУПе – давали концерт для экипажа кос-

монавтов, который находился в тот момент на космической орбите, и Земля по просьбе космонавтов даже нарушила режим эфирного времени ради общения с тамбовским коллективом.

Что касается сегодняшнего дня, то Музейно-выставочный центр Тамбовской области наследует традиции Музейно-выставочного комплекса ТВВАИУРЭ по сотрудничеству с ЦПК имени Ю. А. Гагарина и ВКС страны. Формы сотрудничества самые разные, в том числе и научные, и культурно-просветительные.

Посетители Музейно-выставочного центра высоко оценивают экспозицию «Тамбовские космические орбиты», обращая особое внимание на то, что здесь десятки уникальных космических реликвий, побывавших в космосе, личные вещи космонавтов и т.д. Что вас, Игорь Алексеевич, побудило к созданию этой музейной экспозиции? Что было приоритетным в формировании такой экспозиции?

– Высоко оценивая успехи нашей страны, её победы, свершения во многих сферах, мы обязательно остановимся на том, что наша страна первой в мире осуществила заветную мечту многих поколений землян о полёте в космос. Это сегодня признано всеми странами и народами, всем человечеством.

Именно наша страна запустила часы космической эры Земли.

ПРЕПОДОБНОИСПОВЕДНИК СЕВАСТИАН КАРАГАНДИНСКИЙ

ПОКРОВИТЕЛЬ КОСМОНАВТОВ

Истина тогда ликует, когда за неё умирают.

11 июня 2015 года. Караганда. В международном аэропорту Сарыарка проходит встреча благополучно вернувшихся на Землю членов экипажа 42/43-й экспедиции Международной космической станции (МКС).

Российского космонавта Антона Шкаплерова, астронавта Европейского космического агентства Саманту Кристофоретти и астронавта NASA Терри Вертса в числе официальных лиц приветствовали клирики Карагандинской епархии – секретарь епархиального управления протоиерей Владимир Фрейганг и благочинный Карагандинского церковного округа протоиерей Александр Угольников.

Антон Шкаплеров передал отцу Владимиру икону с частицей мощей преподобноисповедника Севастиана, старца Карагандинского, с которой космонавты неоднократно облетели земной шар, выполняя программу научно-прикладных исследований. Святыня по благословению епископа Карагандинского и Шахтинского Севастиана пребывала в космосе около полугода.

«Я очень горд тем, что мне выпала честь доставить на МКС мощи святого. Эта икона была со мной 200 суток в моей каюте, она меня оберегала. И сегодняшняя благополучная посадка прошла, я думаю, не без помощи Божией. Да храни нас всех Господь! Я очень счастлив и передаю эту икону, которая сделала вокруг всей Земли более 2 000 витков», – сказал российский космонавт.

Отец Владимир, в свою очередь, отметил, что «в Карагандинской епархии была традиция облетать на самолёте Караганду – освящать город мощами преподобного старца Севастиана. Теперь же эта святыня облетела и весь земной шар. Хотел бы выразить огромную благодарность всем, кто принял участие в осуществлении данной инициативы.

Такая же святыня имеется в храме Преображения Господня в Звёздном городке. Ранее с мощами святого летал в космос россиянин Александр Самокутяев», – добавил священник.

После торжественной церемонии икона была возвращена на своё прежнее место пребывания – во Введенский кафедральный собор города Караганды.

Герой России В. Корзун, Кирилл и Даниил
Труба около храма в Звёздном городке

Космос и святой? Такое отношение космонавтов к святому Севастиану не случайно.

Большой вклад в строительство упомянутого выше храма Преображения в Звёздном городке внёс лётчик-космонавт, Герой России Валерий Григорьевич Корзун, который по моему приглашению в 2018 году посетил город Мичуринск и, узнав, что именно здесь в Ильинском храме служил Севастиан Карагандинский, поведал о том, что этот святой особенно почитаем людьми, связавшими свою работу с освоением космоса.

Дело в том, что посадка на Землю космонавтов с международной станции осуществляется в радиусе 100 километров от города Жезказган (Казахстан) и путь поискового отряда из аэропорта протекает через храм, где находятся мощи Севастиана Карагандинского. И для всех членов экспедиции стало доброй традицией молиться перед мощами святого об успешном выполнении своей миссии и благополучной посадке космонавтов.

Знаменательным стал случай, когда в числе приглашённых на встречу был военный в звании полковника, который осудил людей за их веру, удивившись, что люди, побывавшие в космосе, верят во всякую чушь. Каково же было всеобщее удивление, когда на следующее утро он в пять часов пришёл к членам экспедиции и попросил отвезти его в тот же храм принять таинство крещения. Объяснений у него не попросили.

* * *

Блаженный старец Севастиан (в миру Стефан Васильевич Фомин) родился 28 октября / 10 ноября 1884 года в селе Космодемьяновское Орловской губернии в бедной крестьянской семье. У отца Василия и матери Марфы росло трое сыновей. Стефан был младшим.

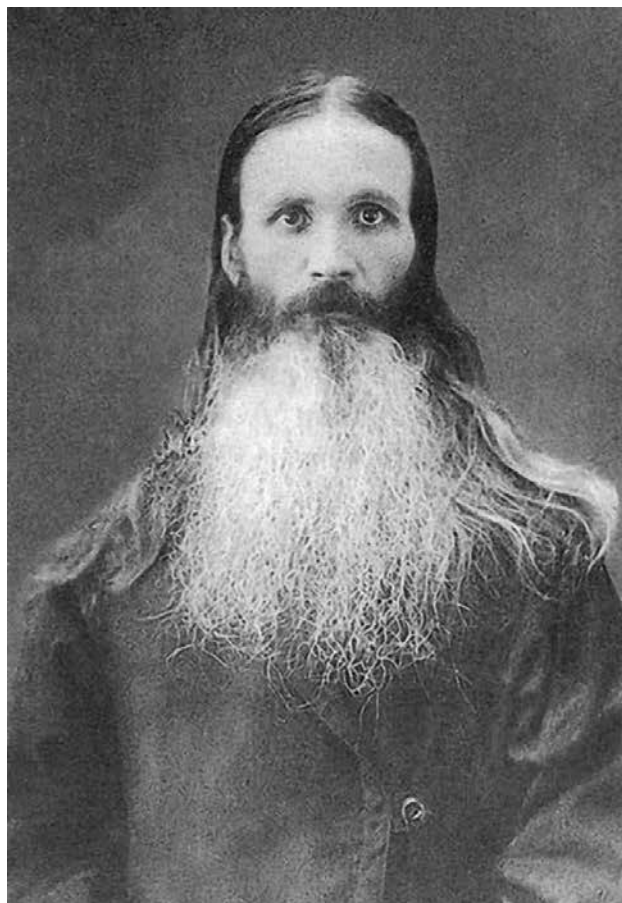
В 1888 году, когда Стефану было 4 года, родители отвезли детей в Оптину пустынь к старцу Амвросию, будущий святой хорошо запомнил это посещение и ласковые глаза благодатного старца.

В том же году случилась трагедия – умер отец семейства, а через год и матушка Марфа.

Стефан остался сиротой. Его старшему брату Иллариону было в то время 17 лет, и, чтобы справиться с хозяйством и укрепить семью, через год после смерти родителей он женился.

Стефан был привязан к среднему брату Роману за его нежную душу и мягкое сердце. А Роман, служивший примером для мальчика, избрал путь иноческой жизни и в 1892 году упросил Иллариона отвезти его в Оптину пустынь, где был принят послушником в Иоанно-Предтеченский скит.

Стефан хорошо учился, окончил 3-классную приходскую школу. Приходской священник давал читать ему книги. От рождения Стефан был слаб здоровьем и на полевых работах трудился мало, а больше на пастбищах пастухом. Радостным утешением было для него в зимнее, свободное от крестьянской работы время посещать в Оптиной пустыни среднего брата. Эти посещения имели большое духовное влияние на Стефана, и когда он подрос, стал просить Иллариона отпустить его в Оптину пустынь.

Но брат, желая, чтобы Стефан помогал ему в ведении хозяйства, не давал разрешения.

В 1908 году в скиту Оптиной пустыни средний брат, Роман Фомин, принял монашеский постриг с именем Рафаил, а 16 декабря 1908 года в монастырском храме во имя преподобной Марии Египетской о. Ксенофонтом был облечён в мантию.

«НАДО С ЮНОСТИ СВОЕЙ ПРИНОСИТЬ ЖЕРТВУ ГОСПОДУ САМИМ СОБОЮ, КОГДА НАХОДИШЬСЯ ВО ЦВЕТЕ ЛЕТ, ЗДОРОВЬЯ, ЧИСТОТЫ, ДУХА БОДРОГО, А НЕ ТОГДА, КОГДА ВСЕГО ЭТОГО ЛИШИШЬСЯ, ПОРАБОТАВ ДИАВОЛУ».

К этому времени окрепла молодая семья старшего брата, и Стефан, утвердившись в своём желании иноческого жития, приезжает к о. Рафаилу в скит Оптиной пустыни, где 3 января 1909 года был принят келейником к старцу Иосифу Оптинскому.

Находясь при старце, Стефан обрёл в нём великого духовного наставника. Впоследствии он часто вспоминал о том времени: «Жили мы (был ещё один келейник) со старцем, как с родным отцом. Вместе с ним молились, вместе кушали, вместе читали или слушали его наставления».

9 мая 1911 года скончался о. Иосиф, и в его келью перешёл старец Нектарий. Это стало утешением для Стефана, который остался при нём келейником и перешёл под его старческое руководство.

При всех своих необычайно высоких духовных дарованиях Стефан был очень болезненным. Болезнь его началась с нервного потрясения от смерти старца Иосифа. У Стефана сделался парез пищевода. Всю жизнь он мог есть только жидкую супообразную пищу: протёртую картошку, запивая её квасом, протёртое яблоко – очень немного, жидкое полусырое яйцо. Иногда спазм схватывал его пищевод, он закашливался и есть уже не мог, оставался голодным. Можно себе представить, как тяжело ему приходилось в лагере, когда кормили селёдкой и не давали воды – по вос-

поминаниям митрополита Питирима (Нечаева).

Испытания были уготованы Стефану на протяжении всей жизни, так, в Великую субботу, 13 апреля 1913 года, в больнице от туберкулёза лёгких скончался о. Рафаил, будучи за день до смерти пострижен в схиму.

В мятежном 1917 году Стефан принял постриг с именем Севастиан в честь мученика

Севастиана (память 18 / 31 декабря). Началось время гонения на Церковь Христову.

В январе 1918 года Оптина пустынь была закрыта. Монастырь стал существовать под видом сельскохозяйственной артели. На его территории был организован музей «Оптина пустынь». Скит тоже перестал существовать, но старец Нектарий оставался жить со своими келейниками в старческой хибарке и продолжал принимать народ.

В 1923 году в конце пятой недели Великого поста в монастыре начала работать ликвидационная комиссия. Церковные службы полностью прекратились. Монахи постепенно выселялись. В этот период о. Севастиан принял рукоположение во иеродиаконы.

В марте того же года был арестован и выслан за пределы губернии старец Нектарий. Первое время он жил в селе Плохино (в 45 верстах от Козельска), затем перебрался в село Холмищи Брянской губернии (в 50 верстах от Козельска). После ареста старца о. Севастиан жил в Козельске вместе с оптинской братией и часто навещал старца в его изгнании.

В 1927 году епископом г. Калуги о. Севастиан был рукоположён в сан иеромонаха.

29 апреля 1928 года последовала кончина старца Нектария. Выполняя благословение старца после его смерти уезжать служить на приход, о. Севастиан уехал сначала в Козельск, потом в Калугу, а затем по приглашению

**«БОЛЕТЬ НАМ НЕОБХОДИМО, ИНАЧЕ
НЕ СПАСЁМСЯ. БОЛЕЗНИ — ГОСТИНЦЫ
С НЕБА».**

настоятеля Ильинской церкви города Козлова и благочинного протоиерея Владимира Андреевича Нечаева приехал в Козлов и от архиепископа Тамбовского и Козловского Вассиана (Пятницкого) получил назначение в Ильинскую церковь.

В Козлове о. Севастиан служил с 1928 по 1933 год, вплоть до ареста, и вёл активную борьбу с обновленцами. Он поддерживал связь с бывшей в рассеянии братией Оптиной пустыни. В Козлов к о. Севастиану стали съезжаться сёстры по духу. Первыми приехали инокини разорённого Шамординского монастыря Агриппина, Феврония и Варвара, которые остались с батюшкой навсегда, были рядом в годы его заключения в Карлаге и в Караганде жили до самой смерти.

В это время в Козлове проживали и другие иноки и инокини из разорённых монастырей, а также миряне, посещавшие прежде Оптину пустынь.

25 февраля 1933 года о. Севастиана вместе с инокинями Варварой, Агриппиной и Февронией арестовали и отправили в Тамбовское ОГПУ для прохождения следствия. На допросах следователями выявлялись контакты о. Севастиана с едиными по духу людьми, а также его отношение к советской власти. На это батюшка дал прямой ответ: *«На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. Такие взгляды я высказывал среди своих приближённых, а также и среди остальных граждан, с которыми приходилось говорить на эту тему. При этом говорил, что нужно молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся. Я мало был доволен советской властью за закрытие церквей, монастырей, так как этим уничтожается Православная вера».*

2 июня 1933 года заседание тройки ПП ОГПУ по НЧО по внесудебному рассмотрению дел постановило: «Фомина Степана Васильевича, обвиняемого по ст. 58-10 УК, заключить в исправтрудлагерь сроком на 7 лет, считая срок с 25/2 1933 г.».

Много позднее батюшка рассказывал о своём пребывании в Тамбовском ОГПУ: *«Было у меня такое испытание: когда меня принуждали отречься от Православной веры, то поставили в одной рясе на всю ночь на мороз и стражу приставили. Стража менялась через каждые два часа, а я бесшумно стоял на одном месте. Но Матерь Божия опустила на меня такой "шалашик", что мне было в нём тепло. А утром меня повели на допрос и говорят: "Коль ты не отрёкся от Христа, так иди в тюрьму"».*

В семилетний срок о. Севастиан был отправлен в Тамбовскую область на лесоповал. Духовные дети узнали место ссылки и, невзирая на дальность расстояния, находили возможность приносить ему передачи, утешать и поддерживать кто чем мог.

Через год о. Севастиан был отправлен в Карагандинский лагерь, в посёлок Долинка, куда прибыл 26 мая 1934 года. Караганда в то время представляла собой сеть разрозненных посёлков, основанных в начале века переселенцами из России. Вокруг на сотни километров тянулась бескрайняя степь, выжженная палящим солнцем летом, а зимой – с бушующими буранами, пронизывающими леденящим ветром всё живое и заметающими снегом по самые крыши ветхие саманные домики.

В начале 30-х годов для освоения целинных земель Центрального Казахстана и разработки Карагандинского угольного бассейна в окрестности Караганды стали свозить «раскулаченные» крестьянские семьи, называемые «спецпереселенцами». Жилищем им служили ямы в степи, покрытые чем угодно, чтобы только можно было в них укрыться от ветра, дождя и снега. Эти жилища спецпереселенцы копали себе сами. Постепенно они стали выстраивать саманные бараки, которые были сырыми и неотапливаемыми. Антисанитарные условия, недостаток хлеба, воды, хо-

Старец Севастиан и отец Питирим

лод, цинга и разбушевавшийся тиф в период 1931–1933 годов стали причиной массовой гибели людей.

О своём пребывании в лагере батюшка вспоминал, что там били, истязали, требовали одного: отрекись от Бога. Он сказал: «Никогда». Тогда его отправили в барак к уголовникам. «Там, – сказали, – тебя быстро перевоспитают». Можно представить, что делали уголовники с пожилым и слабым священником.

По слабости здоровья батюшку поставили работать хлеботоргом, затем сторожем складов в зоне лагеря. В последние годы заключения о. Севастиан был расконвоирован и жил в каптёрке в третьем отделении лагеря, находящемся близ Долинки.

Он возил на быках воду для жителей ЦПО. Бывало, зимой привезёт воду, подойдёт к быку и греет об него окоченевшие руки. Ему вынесут и подарят вареники. А на следующий день он опять приезжает без вареников (подарил кому-нибудь или отобрали) и снова греет руки о быка. Одежда на нём старая, драненькая. Когда по ночам батюшка замерзал, он забирался в ясли к скоту и согревался теплом животных. Местные жители давали ему продукты – пироги, сало. Что мог, он кушал, а сало отвозил заключённым в отделение.

«В заключении я был, – вспоминал батюшка, – а посты не нарушал. Если дадут баланду

какую-нибудь с кусочком мяса, я это не ел, менял на лишнюю пайку хлеба».

Сестёр Варвару и Февронию, арестованных с батюшкой, не осудили, а сестру Агриппину отправили на Дальний Восток, где через год её освободили. Она написала батюшке о своём намерении ехать на родину, и он благословил её немедленно приехать в Караганду. В 1936 году она приехала, получила свидание с о. Севастианом, и он предложил ей купить домик в районе Большой Михайловки, поближе к Карагау, поселиться в нём, а к нему ездить каждое воскресенье на попутной машине.

Спустя два года в Караганду приехали сёстры Феврония и Варвара и купили домик на Нижней улице – амбарик старенький с прогнувшимся потолком. Сёстры познакомились с верующими и стали потихоньку собираться для совместной молитвы. Узнав, что в Долинке находится о. Севастиан, верующие стали помогать ему. В воскресные дни сёстры приезжали к батюшке в отделение. Кроме продуктов и чистого белья они привозили Святые Дары, поручи, епитрахиль. Все вместе выходили в лесок, батюшка причащался сам и сестёр исповедовал и причащал. Заключённые и лагерное начальство полюбили батюшку. Злобу и вражду побеждали любовь и вера, которые были в его сердце. Многих в лагере он привёл к вере в Бога, и не просто к вере, а к вере настоящей. И когда о. Севастиан освобождался, у него в зоне были духовные дети, которые по окончании срока ездили к нему в Михайловку. А много лет спустя, когда открылась в Михайловке церковь, жители Долинского отделения ЦПО поехали туда и узнали в благообразном старце-священнике своего водовоза.

Отец Севастиан был освобождён из лагеря 29 апреля 1939 года, накануне праздника Вознесения Господня. Он пришёл к своим послушникам в крошечный домик в Большой Михайловке. Сёстры работали, батюшка занимался хозяйством. Вместе молились, батюшка тайно служил литургию и ежедневно вычитывал суточный круг богослужений.

Перед войной он приезжал в Тамбовскую область. Духовные чада старца, много

**«БЛАЖЕН ТВОРЯЩИЙ ВОЛЮ БОЖИЮ, А НЕ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ, ПЛОТООУГОДНУЮ».
«ТВОРЯЩИЙ ВОЛЮ СВОЮ ИМЕЕТ РАБСКИЙ СТРАХ, ПРИВЯЗАННОСТЬ К ЗЕМНЫМ БЛАГАМ.
НЕ СТЯЖАВШИЙ СТРАХА БОЖИЯ ВОЛИ БОЖИЕЙ ТВОРИТЬ НЕ МОЖЕТ».**

лет ожидавшие его возвращения из лагерей, надеялись, что он останется с ними в России. Но батюшка, искавший исполнения не своей воли, а предавая себя в волю Божию, прожив неделю в селе Сухотинка, снова возвратился в Караганду, в тот удел, который был назначен ему Божественным промыслом.

Население Караганды в те годы составляли прикрепленные к угольным шахтам с пометкой «навечно» всё те же спецпереселенцы, а также освобождавшиеся со справкой «вечная ссылка в Караганду» бывшие узники Карлага. Более двух третей населения города не имело паспортов. Жили ссыльные в тёмных чуланах, землянках и сарайчиках, и каждые 10 дней они обязаны были отмечаться в комендатурах.

Караганда была голодным городом, особенно плохо с хлебом было в военные и послевоенные годы. О. Севастиан сам ходил в магазин получать хлеб по карточкам. Одевался он как простой старичок, в очень скромный серенький костюмчик. И вот он шёл, занимал очередь. Очередь подходила, его отталкивали, он снова становился в конец очереди, и так не один раз. Люди это заметили и, видя его незлобие и кротость, стали без очереди пропускать батюшку и давать ему хлеб.

В 1944 году был куплен на Западной улице дом побольше. О. Севастиан ходил по дому, всё по-хозяйски оглядывал и говорил, что и как надо переоборудовать. «Да зачем же, батюшка, – возражали сёстры, – не в Казахстане же нам век вековать! Вот кончится война, и поедем с вами на родину». – «Нет, сёстры, – сказал батюшка, – здесь будем жить. Здесь вся жизнь другая и люди другие. Люди здесь душевные, сознательные, хлебнувшие горя. Так что, дорогие мои, будем жить здесь. Здесь больше пользы принесём, здесь наша вторая родина, ведь за десять лет уже и привыкли».

В новом доме на Западной улице была устроена небольшая домовая церковь, где о. Севастиан тайно совершал Божественную литургию.

Однажды о. Севастиан пошёл с монахинями на кладбище, расположенное за посёлком Тихоновка. Посредине кладбища были общие могилы, в которые клали в день по двести покойников-спецпереселенцев, умерших от голода и болезней, и зарывали их без погребения, без насыпи, без крестов. Посмотрев на всё это и обо всем наслушавшись, старец сказал: «Здесь день и ночь, на этих общих могилах мучеников, горят свечи от земли до неба». Старец Севастиан стал молитвенником за всех них.

Со временем жители Михайловки узнали о батюшке и стали приглашать его в свои дома. Несмотря на отсутствие разрешения на совершение треб, о. Севастиан ходил безотказно. Народ в Караганде был верный – не выдадут.

Не только в Михайловке, но и в других районах полюбили батюшку, поверили в силу его молитвы. Со всех краёв в Караганду стали съезжаться духовные чада старца – монашествующие и миряне, ищущие духовного руководства. Ехали из европейской части России, с Украины, из Сибири, с дальних окраин Севера и Средней Азии. Он всех принимал с любовью и помогал устроиться на новом месте.

Известно, что преподобный Серафим Саровский каждого входящего приветствовал словами «Радость моя, Христос воскрес». Старец Севастиан был гораздо сдержаннее, мало говорил, но в нём было удивительное сочетание физической слабости и духовной силы, в которой растворялась любая человеческая боль, любая тревога. Когда смятенный, возмущённый чем-то человек ехал к нему, думая выплеснуть всю свою ярость, всё раздражение, – он успокаивался уже по дороге и, встретившись

со старцем, уже объективно излагал ему свой вопрос, а тот спокойно его выслушивал, иногда же, предупреждая волну раздражения, сразу давал ему короткий ответ.

В ноябре 1946 года по благословению старца православные жители Большой Михайловки подали в соответствующие местные органы власти заявление о регистрации религиозной общины. Не добившись на месте положительного результата, верующие неоднократно обращались с ходатайством в Алма-Ату, ездили хлопотать в Москву. Вопреки желанию народа в 1951 году Михайловский молитвенный дом был закрыт.

Только в 1953 году верующие добились разрешения на совершение в Большемеихайловском молитвенном доме церковных таинств и обрядов – крещения, отпевания, венчания, исповеди. Теперь к батюшке могло обращаться гораздо большее число людей.

К Большемеихайловскому приходу кроме Нового города примыкали районы Мелькомбината, Фёдоровского пласта, Михайловской железнодорожной станции, районы Сарани, Дубовки, 10 кирзаводов, район Новостройки, районы пяти карагандинских угольных разрезов, несколько шахт и прочие (всего около 20 пунктов). А батюшка был один, помогали ему только монахини. При этом, самое главное, литургию батюшка мог служить только тайно, на частных квартирах верующих. И после утомительного трудового дня, после келейной молитвы батюшка в три часа ночи шёл по карагандинским улицам в заранее обусловленный дом, куда по одному, по два собирались православные. По великим праздникам Всенощное бдение служили с часа ночи, а после короткого перерыва совершалась Божественная литургия. Службу заканчивали до рассвета, и так же, по одному, по два, люди расходились по домам.

Хлопоты об открытии храма продолжались. Снова и снова ездил в Москву преданный батюшке человек – Александр Павлович Кривоносов. И привёз наконец в 1955 году исходатайствованный им документ о регистрации религиозной общины в Большой Михайловке.

В Ильинском храме г. Мичуринска

Начались реконструкционные работы по переоборудованию жилого дома в храмовое здание. Всем руководил о. Севастиан. Были сняты перегородки между стенами, углублён пол, на крыше сооружён голубой купол-луковка. И в 1955 году в день праздника Вознесения Господня была освящена церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы. О. Севастиан был настоятелем этой церкви 11 лет – с 1955 по 1966 год, т. е. до дня своей кончины.

22 декабря 1957 года, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная радость», архиепископом Петропавловским и Кустанайским Иосифом (Черновым) батюшка был возведён в сан архимандрита и награждён Патриаршей грамотой «За усердное служение Святой Церкви».

В 1964 году ко дню своего ангела о. Севастиан был награждён архиерейским посохом – наградой, примеров не имеющей.

Святейший Патриарх Алексей очень желал видеть старца Севастиана и беседовать с ним. Он благословил владыку Питирима (Нечаева) привезти батюшку хотя бы самолётом. Но батюшка был уже слаб и не дал согласия: «Самолётом я не гоюсь летать», – ответил старец и остался в Караганде.

В январе 1966 года здоровье о. Севастиана сильно ухудшилось, обострились хронические заболевания. Очень угнетало о. Севастиана то,

что ему стало трудно служить литургию – он часто кашлял во время служения, задыхался. Врачи предложили ему утром перед службой делать уколы. Батюшка согласился. После укола и отдыха он мог, хотя и с трудом, идти в храм и служить. Но болезнь прогрессировала, и вскоре он не мог дойти до церкви даже после укола. Мальчики-иподиаконы, послушники батюшки, соорудили лёгкое кресло из алюминиевых трубок и в кресле стали носить о. Севастиана в церковь. Первое время он очень смущался, но потом привык.

Батюшка часто напоминал о смерти, о переходе в вечность. Когда к нему обращались с вопросом: «Как мы будем жить без вас?» – он строго отвечал: «А кто я? Что? Бог был, есть и будет! Кто имеет веру в Бога, тот, хотя за тысячи километров от меня, будет жить и спасётся. А кто, пусть даже и тягается за подол моей рясы, а страха Божия не имеет, не получит спасения».

Похороны старца Севастиана

вы ушли из церкви? Я ещё не умираю. Ещё успею и здесь, и с покойниками похристосоваться. Идите спокойно на службу».

Утром 12 апреля, во вторник Пасхи, о. Севастиан чувствовал себя лучше, дышал свободно. «Надевайте мне сапоги, – сказал он келейнице, – я должен выйти к людям, похристосоваться, чтобы они не печалились, я обещал. Скажу всем главное». Мальчики понесли батюшку в

«СМЕРТЬ НЕУМОЛИМА! НИ ОДИН БОГАЧ БОГАТСТВОМ, НИ СРЕБРОЛЮБЕЦ ДЕНЬГАМИ, НИ БОГАТЫРЬ СИЛОЮ, НИ ЦАРЬ, НИ ВОИН НЕ МОГУТ ОТКУПИТЬСЯ ОТ СМЕРТИ, И НИКТО ИЗ НИХ НЕ МОЖЕТ ВЗЯТЬ С СОБОЮ НИЧЕГО, ПРИОБРЕТЁННОГО ИМИ. НАГ ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ, НАГ И ОТХОДИТ. ТОЛЬКО ВЕРА, ДОБРЫЕ ДЕЛА, МИЛОСТЫНЯ ИДУТ С НИМ В БУДУЩУЮ ЖИЗНЬ, И НИКТО НЕ ПОМОЖЕТ: НИ ДРУЗЬЯ, НИ РОДНЫЕ».

Наступил Великий пост 1966 года – последний в жизни старца. Первую неделю поста о. Севастиан служил ежедневно, сам читал ясным и чётким голосом Великий покаянный канон преп. Андрея Критского. В воскресенье Торжества православия служил литургию. В эти дни он ни с кем не беседовал, никого не принимал.

10 апреля, в пасхальную ночь, о. Севастиан хотел, чтобы его несли в церковь, но не смог подняться. Все окружавшие его пришли в душевное смятение, но батюшка сказал: «Зачем

церковь. Он был в мантии, в клобуке. Посидел немного у престола, потом поднялся, вышел в царские врата на амвон. Встал, опираясь на посох, и стал прощаться с народом: «Прощайте, дорогие мои, ухожу я уже. Простите меня, если чем огорчил кого из вас. Ради Христа простите. Я вас за всё прощаю. Жаль, жаль мне вас. Прошу вас об одном, об одном умоляю, одного требую: любите друг друга. Чтобы во всём был мир между вами. Мир и любовь. Если послушаете меня, а я так вас прошу об этом, будете моими чадами. Я недостойный и грешный,

но много любви и милости у Господа. На него уповаю. Если удостоит меня Господь светлой своей обители, буду молиться о вас непрестанно. И скажу: "Господи, Господи! Я ведь не один, со мною чада мои. Не могу я войти без них, не могу один находиться в светлой Твоей обители. Они мне поручены Тобою... – и потом тихо, еле слышно: – Я без них не могу". Сказал, хотел поклониться, но не смог, только наклонил голову. Мальчики подхватили его под руки, повели в алтарь. В храме все плакали.

Вечером того же дня приехал из Кокчетава игумен Димитрий. Келейники позвонили в Алма-Ату владыке Иосифу – спрашивали разрешения, чтобы о. Димитрий постриг батюшку в схиму. Владыка ответил: «Не надо. Завтра из Москвы прилетит владыка Питирим и всё сделает».

В субботу, 16 апреля, в 9 часов утра приехал из аэропорта духовный сын батюшки владыка Питирим (Нечаев). Сразу прошёл к старцу и был поражён его видом. «Таким я его никогда, ни при какой болезни не видел», – сказал он потом окружающим.

Уже после обеда состояние о. Севастиана резко ухудшилось, он просил срочно пригласить к нему владыку Питирима. Пришёл владыка. Батюшка просил его сейчас же приступить к чину пострижения в схиму.

После пострига батюшка говорил очень мало. Удивительно преобразилось его лицо и весь его вид. Он был преисполнен такой благодати, что при взгляде на него трепетала душа и остро ощущалась собственная греховность. Это был величественный старец и уже не здешнего мира житель.

В понедельник вечером на парастас Радоницы о. Севастиана носили в церковь. Он слушал пение, часто крестился. Служил владыка Питирим. Когда пропели «Вечная память», велел нести его домой. После службы беседовал с прилетевшим из Мичуринска о. Иоанном. «Успели вы ко мне приехать, а я успел сегодня похристосоваться со всеми усопшими и помолиться за них. Вот ведь день какой хороший! Сегодня владыка помолился и завтра помолится за всех моих усопших чад. Дожил я до Радоницы.

Господь милостив. А усопшим так нужны, так дороги молитвы за них живых. Я за усопших больше всего всегда молился. И вам, о. Иоанн, завещаю: молитесь за усопших больше всего. За всё слава Богу! Слава Богу за всё!»

Утром 19 апреля в 4 часа 45 минут батюшка умер. Был вторник, Радоница.

В 5 часов 30 минут владыка Питирим стал служить панихиду. По окончании панихиды началось облачение. Батюшка был совсем тёплый, лицо спокойное, как живое. У батюшки тела почти нет, одни кости. Обтёрли его оливковым маслом, надели схиму, владыка покрыв его сверху мантией, закрыл клобуком лицо.

Со всех концов Казахстана, Сибири, европейской части России под благодатную сень батюшкиного храма съезжалось духовенство и миряне – духовные чада старца. Священники непрерывно служили панихиды, пел хор. А люди всё ехали и ехали. От Святейшего Патриарха Алексия I была получена телеграмма: «Выражаю соболезнование прихожанам храма по случаю кончины благодатного старца архимандрита Севастиана. Вашему Преосвященству, Епископу Волоколамскому Питириму, благословляется совершить погребение в Бозе почившего. Патриарх Алексей».

На третий день батюшку хоронили на Михайловском кладбище. На катафалке гроб везли только небольшой отрезок пути до шоссе. Свернув на шоссе, гроб понесли на кладбище на вытянутых вверх руках. Он плыл над огромной толпой народа и был отовсюду виден. Всё движение на шоссе было остановлено, народ шёл сплошной стеной по шоссе и по тротуарам. Окна домов были раскрыты – из них глядели люди. Многие стояли у ворот своих домиков и на скамейках. Хор девушек с пением «Христос воскрес» шёл за гробом. «Христос воскрес», – пела вся многотысячная толпа. Когда процессия проходила мимо цементного завода, весь забор был заполнен сидящими на нём рабочими, и вся смена в запачканных мокрым раствором спецовках высыпала на заводской двор. Сквозь толпу ко гробу пробивались люди, чтобы коснуться его рукой. Многие ушли вперёд и ожидали гроб на кладбище.

Могила для батюшки была вырыта на краю кладбища, а за ней простиралась необъятная казахстанская степь. У могилы отслужили литию, гроб опустили, насыпали могильный холм, поставили крест.

Мощи преподобноисповедника Севастиана были обретены в 1997 году. В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском соборе преподобный Севастиан Карагандинский был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских.

Интересна история, как спустя без малого полвека, в 2014 году, мощи Севастиана Карагандинского были доставлены в Ильинский храм города Мичуринска. Привёз их туда человек по имени Павел Михайлович Гурба, который родился в Караганде и, почувствовав ситуацию, которая складывалась в союзных республиках в 80-х годах прошлого века, стал выбирать место на территории России для переселения.

Судьба занесла его в город Мичуринск, осмотрев который он почувствовал, что должен остаться, и выбрал это место для проживания. А намного позднее, увидев у родителей фотографию старца Севастиана, узнал, что святой крестил его в Караганде, а его мама, работая строителем, сделала ремонт женщине, прислуживавшей в храме, и в благодарность попросила это фото, которое хранила как икону.

В разговоре же с настоятелем Ильинского храма Павел Михайлович узнал, что Севастиан служил в нём, но, что печально, никак не удаётся получить частичку мощей святого.

Так получилось, что у Павла как раз наметилась поездка в Караганду, и, прихватив с собой письмо-просьбу от священника, он поехал в город, где родился. На удивление всё сложилось очень гладко, и уже через три дня (в мае 2014 года) икона с частицами мощей святого была привезена в Мичуринск и передана в Ильинский храм.

Предсмертные слова старца Севастиана:
«Прошу вас всех об одном: живите в мире. Мир и любовь – это самое главное. Если будете иметь это между собою, то всегда будете иметь в душе радость. Мы сейчас ожидаем наступления праздника Пасхи – спасения души для вечной радости. А как можно достичь её? Только миром, любовью, искренней сердечной молитвой. Ничем не спасёшься, что снаружи тебя, а только тем, чего достигнешь внутри души своей и в сердце, – мирной тишиной и любовью. Чтобы взгляд ваш никогда ни на кого не был косым. Прямо смотрите, с готовностью на всякий добрый ответ, на добрый поступок. Последней просьбой своей прошу вас об этом. И ещё прошу – простите меня».

Анатолий ТРУБА

Мы никогда не поймём, куда нам идти,
пока не уясним, как мы здесь оказались.

Патриарх Кирилл

Ангел небесный, или Пасхальная радость

В каждой христианской семье благословением хранится родовая старинная Библия, написанная на церковнославянском языке.

На первый взгляд, она необычная, с совершенно пожелтевшими от времени листами. Древо прадедов и родители Ирины – люди верующие, и детей своих держали строго, в соблюдении заповедей Божиих. Тятя Лукьян, так называли отца, почти никогда не пропускал раннюю обедню и не позволял до молитвы приступать к делам домашним. Конечно, бывало, что если в село Новогригорьевка заходили нищие, то крестьяне на их просьбу о ночлеге указывали на домик Лукьяна, говоря: «Лучше ступайте к тому домику, там завсегда нищих накормят и обогреют. Да и переночевать на русской печи дадут».

Особенно готовились к Пасхе Христовой. Гавриил, дед Ирины, сказывал: «Кто грамотен, должен вооружаться псалмами, неграмотный –

Иисусовой молитвой. А если кто разбойник – да отстанет от того; кто грабитель – да отторгнется того; кто лихоимец – да отрешится от всего; кто блудник – да отринет от себя скверну сию; и спасутся, и обратятся к Богу, и исцелятся. Вот ведь оно, оружие православия, вот сопротивление по вере. Значит, в этом проявляется устав Закона». Вот это-то лечебное средство против общественных бед и оставлено ныне в наследство святым угодником Божиим. Русский народ получил это известие три столетия назад тому назад с амвона Успенского собора. В христианской семье учили жить по заповедям Божиим, несмотря на испытания мирской жизни.

Ангельский образ Ирины всегда пред очами. Она, как олицетворение русской души, христианки, продолжает утверждать в вере православной.

Как особое торжество встречали Пасху Христову. И видится тот заветный портфель

в её натруженных руках и как раскладывает перед собой фотографии, читает сокровенные поздравления своих чад – пятерых сыновей и младшей дочери. Рано овдовев, она сохранила к своему единственному мужу Павлу все чувства, нежность и преданность. Вместе провожали и встречали всех сыновей и внуков из армии, радовались любой живой весточке из горячих точек, с афганской границы.

Испокон веков в самое горячее время перед Пасхой и Рождеством Христовым паломники храма Вознесения и Андрея Первозванного выезжали в Верхотурье, где мастерицы выпекали тысячи просфор на предстоящие две недели – Страстную и Светлую, когда все работы в монастыре откладываются для глубокой, проникновенной молитвы и праздника: его преддверия и встречи. Ещё нужно было испечь артосы – особые большие пасхальные хлебы, которые требуют много усилий и, главное, умения. Причём изготовить их не только для Свято-Николаевского храма и ближних монастырей, но и для всех отдалённых селений и храмов. И, как правило, требовалось великое множество куличей на всю Светлую седмицу – и тоже не только для монастыря, но и для архиерейского стола, общего для всех прихожан, иноков православных и пришлых. Завсегда в храмах и в домах накрывался праздничный стол с куличами, пасхой, золотистым красочным яйцом и многочисленными яствами. Для христиан пост – это источник милости к окружающим, т. е. особенный отпечаток на самом бытии.

Одно из таких пасхальных сокровищ Ирина сохранила до конца своих дней на этой земле. Почти в 97 лет, отходя к Господу, произнесла тихие слова: «Спаси и помилуй, Господи, люди Твоя».

Светлым было отпевание в присутствии многочисленных односельчан, детей, внуков, правнуков и праправнуков. Верилось, что с молоком матери они впитали красоту веры, прочувствовали силу молитвы. Со звоном колоколов замирало сердце. Открывались бескрайние небесные просторы, и приближающийся звон верхотурских монастырей переливался, как от трепетного голоса той маленькой Ирины – певчей девочки на клиросе.

Со всею силою возникает вопрос: «Что такое истинный смысл бытия?»

Самое существенное в христианском учении не заповеди, не учения, а сам Христос. И. Тургенев писал: «Лик Христа был похож на все лики».

Самая значимая неземная сила, особенно в преддверии Светлого Пасхального Воскресения, – на зло отвечать добром. Ведь Христос общался и с праведниками, и с неправедниками. Вспомнить хотя бы мытаря, блудницу. Главное – всем помогать и проявлять милость к ближнему, прощая грехи.

Высочайшее смирение духа мудрости проявляется у Ефрема Сирина, наиболее глубоко среди великих пастырей.

Главное – принять опыт наших святителей веры, прийти в новом качестве и более глубинном осмыслении, даже пройдя через подводные рифы, невероятные испытания. И главное всё-таки – остаться верным тому единственному в жизни – чистоте научных помыслов с христианскою верою.

Душа ищет, что более возвышенно на земле. Смириться и искать, что, вероятнее всего, может проявляться с позиции гармоничного поиска импульса верности родовым православным святыням.

Русского человека беспокоит происходящее с Родиной, некогда православной державой мира. Такое осмысление волнует как крупных политиков, экономистов, социологов, так и обыкновенных граждан России. Без этой потребности в понимании нельзя уяснить, куда и каким путём нужно идти дальше в части формирования гражданского общества и в восстановлении православных традиций.

Галина БУТКО

Галина Павловна Бутко – д. э. н., главный научный сотрудник Уральского аграрного университета, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, автор научных работ в области управления конкурентоспособностью и инвестиционной привлекательностью в формате государственно-частного партнёрства. Участвовала в поэтических марафонах г. Екатеринбурга, Санкт-Петербурга.

75-летию со дня рождения Георгия Кольцова

Памяти сибирского поэта

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Разошлись пути-дороги,
Мы не встретимся уже.
Но среди поэтов многих
Стал ты люб моей душе.
Твой характер азиата –
Крепость кедра от корней.
К дому детства завсегда ты
Возвращался поскорей.
Мы ровесниками были,
Но не ведал я о том,
Что, живя в одной Кашире,
Мог бы быть с тобой знаком.
А сложись судьба иначе,
Уберёг бы я тебя:
В жизни всё переиначить –
Стала б новая стезя.
И стихи твои читая,
Однозначно понял, друг:
Душ родство я принимаю,
Ты – спасательный мой круг.

* * *

Окольцован я Музой поэта,
И теперь до конца с нею быть.
К каждой строчке его за ответом
Я иду, чтоб душой не остыть.

Он родился в краю, где кедры
У Байкала стоят на века,
И где дуют холодные ветры,
И свинцом отливает река.
Сам, как корень кедровый, был крепок,
Но своих не дожил сорока.
Знать, немало на сердце отметок,
Хоть была ещё верной рука...
И на родине малой поэта
Остаётся частица души,
Там, где Муза наполнена светом
И добро продолжает вершить.

НАСЛЕДИЕ

*И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытиё...*

ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ

На этом свете все мы гости.
Об этом вспомнил на погосте,
Когда к тебе я шёл, поэт,
Сквозь груды позабытых лет,
На свет твоих стихов весомых,
К земле родимой устремлённых,
На свет стихов без лишних слов,
Где нет невыверенных строф.
К тебе пришёл я на могилу
Твою былую вспомнить силу,
И поэтический заряд,
И творчества бесценный клад,
Где не утраченная верность,
Твоя к родному дому нежность.
И знай, наследие твоё
Не утечёт в небытиё.
Поэта лира золотая –
Она жива, не умирает.
Твой голос громкий слышу я,
Звучит, наследие храня!

НЕ ПРИШЛОСЬ БЫВАТЬ МНЕ НА БАЙКАЛЕ

Не пришлось бывать мне на Байкале,
Чистой в озере не пил воды.
Оказаться в том сибирском крае –
Не судьба, несбыточность мечты.

Но не станет трудною преградой
Часовых пространство поясов.
Для меня останется наградой
Сборник полюбившихся стихов*.

* Сборник стихотворений Г. Кольцова «Спасательный круг»

И препятствием никак не будут
Вёрсты заметенных дорог,
Потому что для простого люда
Плохо стих слагать поэт не мог.

Силу слова обретал у кедра,
Заряжался от родной земли.
Пели рифмы под напором ветра
Из долины речки Баргузин.

Помнят земляки его в Бурети,
В том селе у Ангары, где жил,
Где родимым краем был приветен
И пером которому служил.

И горел поэт не вполнакала,
О себе оставил добрый след.
От земли Каширской до Байкала
Памяти его струится свет.

О РОДИНЕ

*Я в эту землю врос,
Как корни кедра...
Георгий Кольцов*

О Родине – душевно, широко.
Он в землю врос корнями глубоко
И, отчий покидая кров,
Родного края слышал зов.
И жил он с мыслью, устремлённой
К любимой матери родной.
Над Ангарой, рекой студёной,
Светил ему луч золотой.
К «причалу» возвращался снова
И память о родне хранил.
Как драгоценную основу,
Её сильнее с годами читил.
С Иркутском песня не допета,
Обрёл безвременный покой.
В берёзках солнечного света
Сроднилась Ангара с Окой.

У КОЛЬЦОВСКОГО ПОДЪЕЗДА

У кольцовского подъезда
Вспоминаю я о нём –
О поэте в час безвестья,
О случившемся тем днём.
Эх, семёрка, эх, семёрка!
Ты счастливая цифирь.
Почему же раньше срока
Он покинул этот мир?!
Пел с душой он до рассвета,
Вторила ему река.
Озарялась алым цветом
Вся скала, как острога.
Знал он цену ратной дружбе,
Вспоминал однополчан
И в стихах армейской службе
Строчки братства посвящал.
Задавался он вопросом,
В чём смысл жизни для него?
Отвечая, как философ,
С жаром сердца своего,
Что «...одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие...»^{*}
Неизбывный дух поэта –
В слове точном и простом.
Вся любовь его об этом,
Всё о доме, о родном.
У кольцовского подъезда –
Здесь он жил недолгий срок –
Я стою и внемлю бездне
Расходящихся дорог.

* * *

Возьму сборник и снова читаю...^{**}
За отсутствием пышности строк
Столько света в стихах открываю –
Доброты неподдельной урок.

Слово каждое в них неизбито,
Всё здесь выверено до конца.
В каждой строчке ничто не забыто,
Только красного нету словца.

* Четверостишие из стихотворения Г. Кольцова «С отво-
ёванного детства...».

** Сборник стихотворений Г. Кольцова «Спасательный
круг»

И не это словцо стихи красит,
А поэта глубинная суть.
Потому-то так многое значит
Для читателя авторский суд.

НЕ ШУМЯТ ЗДЕСЬ МОГУЧИЕ КЕДРЫ

*Две Оки есть в России:
в средней полосе
и в Сибири.*

Не шумят здесь могучие кедры,
В среднерусской лесной полосе
Не гуляют сибирские ветры,
Но красавец Байкал знают все.

Знают, есть две реки, они тѣзки.
Звонким именем звать их – Ока!
Красотою известны неброской
Живописные их берега.

Породнились они добрым словом,
Что в стихах нам оставил Кольцов.
«Земледелец» – Георгий – ведомо,
Из сибирских он был молодцов.

На байкальской земле кедром рос он,
На ангарском речном берегу,
Где рассвет соловьиный и росный
Он встречал на весеннем лугу.

Может быть, снова я повторяюсь,
Но не скрою признанья, поэт:
Каждой строчке твоей доверяю,
Ты созвучный оставил мне след.

ПО ВРЕМЕНИ ВЕСНЫ ТЕХ СКОРБНЫХ ДНЕЙ...

*Светлой памяти
Георгия Кольцова*

По времени весны тех скорбных дней
Ты в сыновья сейчас бы мне годился.
Но как годами зрелости моей
С тобой, поэт ушедший, поделиться?!

Владислав БУСОВ

Владислав Сергеевич Бусов родился в 1946 году в городе Мариуполе. Живёт в подмосковной Кашире, работал по специальности «инженер-металлург». Соавтор коллективных сборников «Библиотека современной поэзии» (г. Москва), «Серебро слов» (г. Коломна). Член Каширского литобъединения, которым с 1976 по 1985 год, вплоть до безвременной кончины, руководил сибирский поэт Георгий Кольцов. Данная подборка стихотворений публикуется в канун 75-летия со дня рождения этого самобытного поэта.

Ровесник мне, открытая душа!
Спешил ты жить, навёрстывая время,
Бессребренно поэзии служа...
И новое тебя читает племя!

НА МОГИЛЕ ГЕОРГИЯ КОЛЬЦОВА

На могиле Кольцова
Первоцветы-цветы
Распускаются снова
По приходе весны.
А в далёкой Бурети,
Где течёт Ангара,
Не осталось отметин
От избы и двора.
Колокольные звоны –
Священ благовест...
Ветви кедра склонены
Перед силой поэт.
Дух поэта витает
Над родимым гнездом.
Баргузин на Байкале –
Это память о нём.

ВЛАДИМИР СКИФ

Владимир Петрович Скиф родился в 1945 году на станции Куйтун Иркутской области. Жил на станции Харик и в посёлке Лермонтовском Куйтунского района в большой семье, где воспитывалось пять сестёр и трое братьев. Окончил семилетнюю школу и поступил в Тулунское педагогическое училище. В 18 лет уже работал учителем в родной школе посёлка Лермонтовский. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. В 1975 году окончил Иркутский государственный университет. Автор 29 книг, выпущенных в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий. Лауреат Большой литературной премии России. Член Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

ЗОЛОТАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА

Сердце чуду осеннему радо,
Высоте поднебесного дня.
Золотая пора листопада
Обняла, закружила меня.

Время год намотало на оси,
Русской тройкой умчало в зенит,
Из кошёвочки выпала осень,
Обагрила байкальский гранит.

Я лечу с журавлями по небу,
Белой чайкой скольжу между скал.
А листва золотистой нерпой
Окунается в ясный Байкал.

И звучит, как живая гитара,
И пьянит, как шальное вино,
Листопад – огневой до угара –
И травы золотое руно.

Я с любимой женщиной рядом!
Отражается, как в небесах,
Золотая пора листопада
В опрокинутых женских глазах.

И не слитки минувшего лета,
Не листва с её гиблой игрой,
Поцелуи срываются с веток
Золотою осенней порой.

Ты – моё наслажденье, улада,
Искупленье последних грехов –
Золотая пора листопада!
Золотое сечение стихов!

ДУША

Сквозь печаль душа протаяла,
От беды убереглась,
Средоточье взяв за правило,
Ясной верою зажглась.

От безумства несусветного
Оклемалась, отошла.
До святилища заветного
Пепелищем добрела.

Не рассыпалась, не сгнула
Посреди большого зла.
Из себя всю силу вынула
И Отчизне отдала.

ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ, ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Продавит русская весна
Плотину замкнутого круга.
Россия будет спасена –
И в этом есть твоя заслуга.

Борьбы невиданной накал
Очистит Родину от смога.
Задышат Волга и Байкал –
И в этом есть твоя подмога.

Излечит русская душа
Народ от горечи и гнёта
Из православного ковша –
И в этом есть твоя забота.

Господь великий как-нибудь
Нас отведёт от замогилья.
Осветит солнце русский путь –
И в этом есть твои усилья.

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Край родимый опечаленный
Гуси-лебеди отринули,
Неоглядную сторонушку
Гуси-лебеди покинули.

Свищут пули смертоносные
Над ущельями заклётыми.
Плачет сердце материнское
По сыночку ненаглядному.

Плачет сердце материнское,
На четыре смотрит стороны:
За горою чёрной каменной
Над сыночком кружат вороны.

Ах вы, камни, камни мёртвые,
От солдатской крови влажные.
Сердце видит материнское:
У сыночка рана страшная.

Пролетите, гуси-лебеди,
Над его кровавой раной,
Опустите сердце матери
В грудь сыночка бездыханную.

Помоги ему, родимая
Пресвятая Богородица.
Пусть сыночек мой поднимется
И домой скорей воротится.

...Вот вернулся добрый молодец,
Ко сестре явился братушка
И спросил сестру любезную:
– Где моя родная матушка?

ЧАРА ЖИЗНИ

Е. М.

Как чару крепкого вина,
Я выпью эту жизнь до дна,
С её печалью и любовью.
Она мне Господом дана
И мне с надеждой вручена
Моими предками и кровью.

Ах, эта жизнь! Шальная жизнь!
Она – трагедия и шутка.
И я шепчу себе: «Держись!»
На Божье слово положишься.
Ведь ты, моя шальная жизнь,
В бездонном космосе – малютка!»

Моя земля, я – твой солдат.
Тебя, мой друг и мой собрат,
Я одарить хотел любовью.
Но я почти не виноват,
Что век двадцатый бил в набат
И умывался русской кровью.

Цвела весна в моей груди,
Гроза гремела впереди,
Моя земля меня качала.
Мне жизнь кричала: «Подожди!»
Но я летел через дожди
К её последнему причалу.

Пустая улица темна.
Не плачь, любимая, одна.
Не плачь, как будто бы на тризне.
Давай с тобой, давай до дна
Мы выпьем горького вина,
Как будто чару нашей жизни.

НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Всё наяву или в бреду?
Земля сухая, воздух плотен.
Я по Святой земле иду,
Я созерцаю Гроб Господень.

Я вижу камни, вижу твердь.
Я поднимаюсь на Голгофу,
Где наш Спаситель принял смерть,
Предвидя мира катастрофу.

Багровый облачный навес,
Тяжёлый, с отблесками злата,
Как будто падает с небес
Одеждой Понтия Пилата.

Я слышу звон ночных цикад.
Вон голубь – Дух Святой – летает.
И Гефсиманский чудный сад
В лучах Господних расцветает.

Я по Святой земле иду,
Переживаю потрясенье
И стражду Господа. Я жду
Его земного Воскресенья!

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Иуда бежал от чужого порога,
Как дьявол, скользил от куста до куста.
Хрипела тропа, шелестела дорога:
«Он предал Учителя. Предал Христа!»

Шумела, звенела вода Иордана:
«Как жаль – Иоанна Крестителя нет.
Иуда вернулся из вражьего стана,
Иуда продался за тридцать монет».

Он стражников вёл. Он привёл фарисеев,
Собой оскверняя святые места.
Предательство чёрное в мире посеяв,
Он шёл лобызаться в объятья Христа.

Качалась земля от подземного гуда,
И плакало море десятками струй.
Как только к Христу прикоснулся Иуда,
Зловонною серой запах поцелуй.

«Он предал, он предал Господнего сына,
Предательством сжёг своё сердце дотла», –
В лесу у дороги шептала осина,
Которая к ночи Иуду ждала.

ГОРНАЯ ЧУЯ

Виктору Грозину

– Горная Чуя! – с гор закричу я, –
Горная Чуя – чистый поток,
К морю бежишь ты, волю почуя,
Чуя, водицы дай мне глоток!

В дебрях кочуя, Горная Чуя,
Словно чалдонка, дразнит меня.
Горная Чуя, сердце врачуя,
На перекатах плещет, звеня.

Горная Чуя – чудо Природы!
В светлом порыве Север зачат.
Чайки речные чиркают воду,
«Чудная Чуя!» – чайки кричат.

– Горная Чуя, – тихо шепчу я, –
Горная Чуя, вечно свети.
Чёрную силу чувствует Чуя,
Чёрную силу, Чуя, смети!

От вымиранья – чур тебя, Чуя!
– Чур тебя, Чуя! – шепчем слова.
Горная Чуя! Гордая Чуя!
Чуя святая! Чуя – жива!

ТАТЬЯНЕ СУРОВЦЕВОЙ,
автору книги «Крыло судьбы»

Мы – птицы, мы – зяблики, мы – свиристели.
Мы пели, мы снились, наверное, Богу.
Мы в жизненной повести нашей летели,
Как мысль от пролога летит к эпилогу.

Мы – космос, мы облако видеть хотели.
От скал отрывались, где яшма и сланцы.
Куда мы спешили, куда мы летели
На призрачном нашем «Летучем голландце»?

Да нет же! И вправду канаты гудели,
На палубе брызги взлетали до солнца,
И мы по Байкалу с тобою летели,
Объятые светом до самого донца.

Куда мы летели? Мы счастья хотели!
За счастье цеплялись. Не надо цепляться.
Мы с палубы звонкой, как с жизни, слетели
Туда, где уставшие души пылятся.

Среди мировой поднебесной крутели
Вздыхалось холодное мёртвое солнце.
И крыльев не стало. Мы в бездну летели
На голое дно. Где ни сна, ни оконца.

Мы – птицы, мы – зяблики, мы – свиристели.
Неужто мы прокляты или убиты?
Давай оживём и по первой метели
Давай долетим до ближайшей ракиты.

* * *

Е. М.

Начало июля. Серебряный дождь.
Звенит по асфальту стаккато капли,
И ты в серебре, в золочёной купели
Со мною в обнимку по лету идёшь.

А юность стрижом или пулей сквозит,
Кричит нам вослед и крылом задевает.
Судьба нас в игольное ушко вдвевает,
И прошлое ниткой за нами скользит.

...Свирепые зимы встречаем вдвоём
И снова идём через пропасть в обнимку,
Проходим сквозь взрывы, как будто
сквозь дымку,
И помним себя под июльским дождём.

ОДА БАЙКАЛУ

Живое зеркало Байкала
В оправе скал.
Скала к скале.
Здесь совершенство отыскало
Себя в байкальском хрустале.

Здесь небо в море уместилось,
Рисунок гор – неотразим!
В распадах ветры угнездились:
Култук, сарма и баргузин.

Здесь быть и жить необходимо –
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет оградимо
Твоёместилище, Байкал!
Порою ты kloкочешь гневно,
Топустишь рябь, то гонишь вал...
И мне охота каждодневно
Читать, как Библию, Байкал.

Оно почти невыразимо,
То чувство древнее во мне,
Когда на крыльях баргузина
Душа несётся по волне.
Но, чу! Глухая ночь упала...
Деревья спят, и люди спят.
Лишь где-то рядом запоздало
Во тьме уключины скрипят.

Я, ощутив Байкала трепет,
В нем звёздную увидел взвесь.
Скажите, звёзды, а на небе
Подобное Байкалу есть?
Он вечный!
Вещий!
Драгоценный!
Он место в космосе искал...
И если есть душа Вселенной,
То это всё-таки Байкал!

К рождению 321 год назад в декабре наградной системы России

НАГРАДНАЯ СИСТЕМА РОССИИ

С ВОЗРОЖДЕНИЕМ 1 ИЮЛЯ 1998 ГОДА ВЫСШЕГО ОРДЕНА РОССИИ – ОРДЕНА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО – КАЗАЛОСЬ, ЧТО ГЕРОИ РФ ОСТАНУТСЯ «НА ЗАДВОРКАХ ИМПЕРИИ». К СЧАСТЬЮ, ЭТОГО НЕ ПРОИЗОШЛО. ХОТЯ ЗВАНИЕ ГЕРОЯ РФ И ПЕРЕСТАЛО БЫТЬ ВЫСШЕЙ РОССИЙСКОЙ НАГРАДОЙ, УТЕШЕНИЕМ ДЛЯ ЕГО ОБЛАДАТЕЛЕЙ МОЖЕТ БЫТЬ, ПОЖАЛУЙ, ТО, ЧТО «ПЕРВОЗВАННЫЙ» СТОИТ ЗНАЧИТЕЛЬНО ДЕШЕВЛЕ МЕДАЛИ «ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА», ПОТОМУ ЧТО ОНА СДЕЛАНА ИЗ ЧИСТОГО ЗОЛОТА, А НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА – ИЗ СЕРЕБРА И ТОЛЬКО ПОКРЫВАЕТСЯ ЗОЛОТОМ. А ПОТОМ – КАКОЙ ПРОК ОТ ЭТОГО ОРДЕНА?

Основателем орденской системы, как и многих других нововведений на Руси, был Пётр I, который одновременно с благим намерением награждения людей за их дела на благо Отечества ввёл бюрократическую систему чинов, плоды которой мы ныне пожинаем. Вспомните «Табель о рангах». Чин и орден – на первый взгляд, абсолютно разные вещи, на самом деле тесно переплетены. На основе «Табели» сложилась система чинов, званий и титулов, которая являлась одним из устоев царской государственной машины, а кроме того, важным элементом общественной жизни. Система ор-

денских и других награждений развивалась как её составная часть.

История чиновничества и награждения в России весьма интересна и изобилует не только положительными, но и отрицательными примерами, которых, пожалуй, даже больше. Например, в законе о российских орденах – «Учреждении орденов и других знаков отличия» – говорилось, что «мещанам и лицам сельского состояния ордена не испрашиваются».

Выдающийся артист и певец России Фёдор Шаляпин из-за этого страдал всю жизнь, будучи крестьянского происхождения. Неравноправие

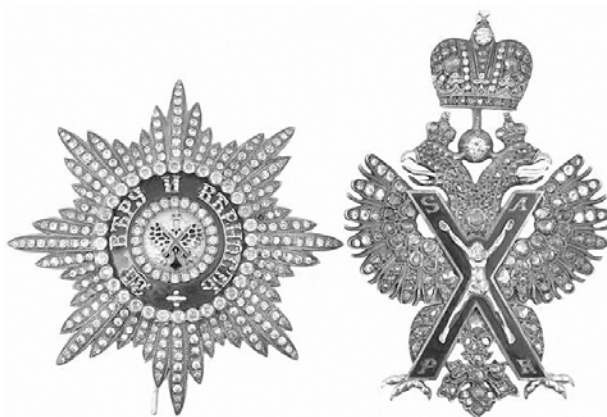

в награждениях приводило к казусным случаям. Об одном из них рассказывает Александр Васильевич Никитенко, цензор А. С. Пушкина, в своих воспоминаниях, относящихся к 1853 году: «...Ещё воровство, и на этот раз вор оказался юмористом. В Киеве уездный казначей украл 80 тысяч рублей серебром и скрылся, оставив письмо следующего содержания: "Двадцать лет служил я честно и усердно: это известно и начальству, которое всегда было мною довольно. Несмотря на это, меня не награждали, тогда как другие мои сослуживцы получали награды. Теперь я решился сам себя наградить..."» – и прочее в таком же духе о наградах. Вора не нашли. Говорят, он успел скрыться за границей.

За каждым из орденов, каждой из медалей стоят эпохи, картины исторических событий, судьбы людей, плохих и хороших. Русские награжденные знаки рассказывают нам о выдающихся полководцах и о ловких льстецах, делающих карьеру при дворе, о раболепных чиновниках и о простых солдатах.

Российские награды получали не только за преданность престолу и Отечеству. Среди с честью носивших знаки отличия есть те, кто, находясь на царской службе, радел об истинных интересах России, умножал славу своего Отечества, защищал его независимость. И всё же в списках награждённых – за исключением солдатских наград – подлинными героями истории составляют меньшинство. Их имена тонут среди моря имён высших сановников, фаворитов, карьеристов всех рангов и просто преданных служак.

Высшей наградой в царской России был старейший из русских орденов – орден Андрея Первозванного. Это был орден царей, высших сановников и генералитета. Пётр I учредил его, предположительно, в 1698 году, после возвращения из поездки в Западную Европу. Не только сам факт учреждения российского ордена, но и выбор его «небесного» покровителя был в тех условиях важной политической акцией. В ней, как и во многих других, сказалось стремление Петра всеми средствами укреплять престиж Российского государства, демонстрировать его право на равных стоять в ряду прочих европейских держав.

Орден Святого апостола Андрея Первозванного

В проекте ордена Андрея Первозванного, в составлении которого принимал личное участие Пётр I, сказано: «...в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и героическим добродетелям, ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолубия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние».

Мало кому известно, что работа над символикой ордена подтолкнула Петра I к учреждению в следующем, 1699 году русского военно-морского флага с изображением голубого Андреевского креста...

Первым кавалером ордена Андрея Первозванного стал генерал-адмирал Фёдор Алексеевич Головин (1650–1706) в 1698 году. В честь первого кавалера ордена была изготовлена в Голландии медаль с изображением Ф. А. Головина. Но статут этого ордена был официально утверждён только 15 апреля 1797 года. Пётр жаловал орден крайне редко, было награждено всего 38 человек, из них 12 иностранцев.

После Полтавской битвы Пётр намеревался учредить для солдат и низших офицеров крест синего цвета с распятием Андрея Первозванного, так как орден был слишком высокой и дорогой наградой. Он приказал по своему рисунку изготовить семь малых крестов, но дальнейшая их судьба неизвестна. Во всяком случае, за Полтавскую битву (1709) солдаты и низшие офицеры награждены были медалями без ушка

«За победу под Полтавой» и лишь немногие военачальники – орденом Андрея Первозванного. Одним из них стал командующий русской артиллерией генерал Яков Брюс. В Государственном историческом музее находится звезда его ордена, единственная из сохранившихся звёзд русских орденов петровской эпохи.

Ордена в Российской империи давались не только и даже не столько за конкретные заслуги, отличия или подвиги, но чаще всего за выслугу лет, а военным – ещё за участие в боевых действиях. Как правило, награждение орденами производилось в порядке постепенности, от низших к высшим. Возможность награждения определённым орденом зависела от многих обстоятельств: от класса чина, должности, выслуги, уже имевшихся наград. Для чиновников первостепенное значение имело отношение к ним начальства. Тому масса примеров и в литературе. Связь между действительными заслугами людей и рангом получаемых наград бывала часто не прямой, а обратной. Низшие степени орденов порой добывались большим трудом и выдающимися ратными подвигами. Малоизвестный широкой публике генерал-майор Константин Романович Семякин, который принёс единственную победу русской армии в Крымской войне, взяв турецкие редуты под Балаклавой 13 октября 1854 года и отбив атаки англичан, лично водил войска в атаки, был удостоен всего лишь ордена Св. Георгия 3-й степени. В это же время самые высокие, почётнейшие награды раздавались в известных кругах с необыкновенной лёгкостью – по случаю юбилеев, праздников, торжественных церемоний.

Заслужить орден зачастую было легче на чиновничьей службе, чем рискуя жизнью и проливая кровь. Изобилие «орденоносцев» возмущало тех, кто именно трудами и подвигами завоёвывал награды. Они даже объявляли бойкоты, отказываясь носить свои знаки отличия, – подобное созревало в наше время со стороны Героев, но так и не созрело.

Изобилие орденосцев даже несказанно удивило самого императора Александра I. Имевший обыкновение прогуливаться утром

по Петербургу, встретил на Адмиралтейском бульваре юнца-чиновника, уже украшенного Владимирским орденом, и коротко спросил его: «За что тебе его дали?» Молодой человек покраснел и смущённо ответил: «Ваше императорское величество, я, право, сам не знаю – за что. Ещё нет и года, как я поступил на службу!»

Орден Святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени

Орден Святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени стоял по старшинству сразу за «Андреем Первозванным». Для чиновников низшая, 4-я степень ордена Владимира могла служить и знаком 35-летней выслуги в гражданских чинах. Немало замечательных русских людей, оставивших след в истории нашей страны, были отмечены этим орденом.

На протяжении XVIII века каждый из российских орденов имел свою особую администрацию. Павел I передал все русские ордена, которых к его царствованию было уже немало, в ведение единому учреждению. Сначала оно называлось Орденской канцелярией, потом – Капитулом российского кавалерского ордена. Хотя после смерти Павла принцип единства орденов в расчёт не принимался, Капитул был сохранён и после 1831 года стал именоваться Капитулом российских императорских и царских орденов. С 1842 года пост канцлера Капитула занимал министр императорского двора, но «верховным начальником», или «гроссмейстером», российских орденов всегда считался император. Лишь ему принадлежало право награждать орденами своих подданных.

Капитул распоряжался значительными денежными суммами. Они складывались, помимо казённых ассигнований, из единовременных взносов, которые должны были платить все награждённые орденом, за исключением кавалеров ордена Георгия. Например, с 1860 года эти взносы составляли: при получении ордена Андрея Первозванного – 500 рублей, Владимира 1-й степени – 450 рублей, Александра Невского – 400 рублей, Анны 1-й степени – 150 рублей. В военное время для офицеров суммы уменьшались наполовину.

Средства эти шли на пенсии «недостаточным» кавалерам, число которых было строго лимитировано по каждому ордену. Кроме того, по статуту все награждённые орденами должны были заниматься благотворительностью. Например, орден Екатерины с 1797 года управлял Смольным институтом благородных девиц, на средства ордена существовали училища Св. Екатерины и Мариинский институт. На другие ордена возлагались надзор и устройство разного рода заведений для инвалидов и неимущих в обеих столицах. «Неизвестно, однако, – не без иронии писал журналист в конце позапрошлого века, – каким образом предписания эти исполняются на деле и с каким именно успехом». Такой вопрос мы с полным основанием можем задать сегодня относительно деятельности многочисленных благотворительных фондов.

Несмотря на то, что за ордена приходилось платить, возможность получить или «купить» орден была притягательной. Для множества мелких чиновников и офицеров награждение орденом было не только почётно и престижно, но и давало перспективу в жизни. Получив орденский знак, они могли рассчитывать на приобретение прав потомственного дворянства.

Попасть в привилегированное сословие дворян можно было, либо достигнув определённого чина, либо получив орден. В течение XIX века необходимые для этого класс чина и ранг ордена постоянно повышались. Первые ограничения в 1826 году касались купеческого сословия.

В начале XIX века иностранцы изумлялись, что некоторые из петербургских чиновников

получали чины, даже не служа. Несмещаемость некоторых чиновников до смерти тоже была предметом изумления иностранцев, особенно ввиду того, что чины получались не за заслуги, а за выслугу лет. Но и здесь разница в средствах была величайшая.

Несмотря на чин статского советника или полного генерала, недостаток содержания заставлял некоторых из них влачить жалкое существование. Другие чиновники, напротив, даже дома на халатах носили ордена и, выходя из дома, хотя бы в гости, надевали треуголку с перьями.

*Орден Святого Благоверного Великого
Князя Александра Невского*

Императорским указом от 6 августа 1809 года было разрешено служащим получать за выслугу лет чины только от регистратора до коллежского асессора, для получения следующего чина требовалось сдать экзамен. Новое постановление настолько встревожило чиновников, спокойно двигавшихся по лестнице повышений, что они потеряли голову и не знали, что им делать. Подобный экзамен требовался от служащих всех ведомств. Программа была

довольно обширной, и экзамены проходили по арифметике, геометрии, физике, истории, географии, статистике, политической экономии (термин уже существовал), естественному праву и иностранным языкам. В комиссии, специально образованной для таких экзаменов, царило вавилонское столпотворение. Поседевшие на службе коллежские асессоры, знающие только свои «входящие и исходящие бумаги» и трафаретное исполнение их, получившие крайне ограниченное образование и даже иногда никакого, становились в тупик уже от самого названия наук, по которым им приходилось экзаменоваться. Провалились на экзаменах почти 100%, но когда увидели, что благодаря экзаменам таким исчезнут со службы все коллежские асессоры, ретивость экзаменаторов поубавилась, и сдача превратилась в проформу.

Этим послаблениям чиновники были обязаны хлопотам министра финансов Гурьева, понимавшего, что служебной единице нужно больше всего знать своё дело: «В каждой малейшей точке находится большая сила, – было выражение министра, – многознание занимает только голову и вместо того, чтобы разъяснить, напротив того, всё затемняет и перепутывает».

А в общем этот экзамен имел благую цель, а именно: привлекая к служебной деятельности русское молодое поколение, заставить его серьёзно подготовиться к ней, так как большинство молодых людей известных семейств получали очень поверхностное образование, считая его вполне достаточным и надеясь на протекции разных высокопоставленных тётенок и дяденек.

Новый императорский указ 1810 года изменил порядок этих экзаменов. Комиссия была упразднена. И облегчённый экзамен на чин коллежского асессора стал производиться при пединститутах, корпусах, лицеях и университетах.

Ордена давались часто лицам очень юным по возрасту и не имевшим заслуг. Почему это происходило, иностранцы не могли понять. Такая щедрая раздача орденов привела к тому, что многие из лиц, действительно заслуживших награды, отказывались их носить. Редкий

Орден Святой Анны 1-й степени

коллежский регистратор не имел ордена, при котором появлялся на улицах, в кондитерских. В особенности давалось много орденов в департаменте водяных коммуникаций. Как курьёз рассказывали, что достаточно было какому-нибудь чиновнику постоять по колено в воде при осмотре водяных работ высшим начальством, чтобы получить Владимирский крест.

С 1845 года потомственное дворянство стало даваться только с орденом Анны 1-й степени. Такова же политика государства была и в отношении чинов. В первой половине XIX века потомственное дворянство в армии давалось с чина майора (на флоте – капитан-лейтенанта), в гражданских ведомствах – с чина коллежского асессора. С 1855 года: в армии необходимо было дослужиться до полковника (на флоте – капитана 2-го ранга), а на гражданке – до чина статского советника, что случалось весьма редко. Поэтому во второй половине XIX века потомственными дворянами становились чаще благодаря получению ордена, особенно гражданскими чиновниками. Так, в 1882–1896 годах из лиц, вписавших свои фамилии в дворянские родословные книги, заслужили это по чину 28%, а по ордену – 72%. В 1900 году было введено новое правило: потомственное

дворянство стало даваться лишь с 3-й степенью ордена Владимира. Однако 4-я степень военного ордена Георгия давала потомственное дворянство всегда.

Для каждого из российских орденов был установлен свой праздник в день его святого покровителя. При Павле I был введен и общий праздник всех орденов – 8 ноября. В этот день проводились богослужения, представлялись царю новые кавалеры орденов, во дворце давался торжественный обед.

До второй половины XIX века, пока не было орденских фабрик, знаки орденов изготавливались ювелирами и художниками. Каждый знак представлял собой неповторимое произведение искусства. Ордена по заказам делал даже знаменитый ювелир Фаберже. Массовым изготовлением орденов занимались золотых дел мастера московской Оружейной палаты, но в XVIII веке она утратила своё производственное значение, и дело перешло в руки ювелиров Петербурга. Ещё Петром I для изготовления орденов было установлено золото 84-й пробы, но после 1831 года уже шло золото 72-й пробы. С сентября 1916 года орденские знаки изготавливались уже только из бронзы. Особую ценность представляют знаки XVIII столетия, вышедшие из московской Оружейной палаты, но их сохранилось чрезвычайно мало.

Орденские знаки выдавались из Капитула, куда они должны были возвращаться после награждения орденом высшей степени или в случае смерти кавалера. В Капитуле хранилось много и не востребованных орденов. Несмотря на чины статского советника или полного генерала, недостаток содержания заставлял некоторых носить обтрёпанные платья, не говоря

уже об отказе от слуг. Они не могли выкупать свои ордена. В этом вся Россия давно и сегодня.

Если в начале XVIII века орден был исключительной почестью для немногих приближённых к монарху особ, то уже к концу века круг награждаемых лиц значительно расширяется, а в следующем столетии орден утверждается как знак отличия для бесчисленных представителей чиновничье-бюрократического сословия и армии – двух столпов самодержавного строя, да и любого государства. Для всех остальных существуют медали.

Крестьяне, равно как и другие лица из простонародья, в царской России орденами не награждались, подобное наблюдается и сегодня. Это была привилегия дворянства, чиновничества, офицерства. Нижние чины армии и флота – солдаты, матросы, унтер-офицеры – отмечались только медалями и специальными знаками отличия. Эти приобретённые потом и кровью награды, заслуженные смелостью и отвагой при защите Родины, иначе как знаками отечественной славы не назовёшь, в то время как ордена в большинстве своём являлись больше знаками отличия, чем славы и достоинства.

О месте медалей в наградной системе России нужно рассказывать в отдельной статье. К слову, сегодня медали можно отнести больше к юбилейным сувенирам, чем к боевым наградам. Изворотливые люди делают на них бизнес. Вообще, наградная система России – Союза – России за более чем три века претерпела значительные изменения, но многие традиции, как хорошие, так и плохие, остались.

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга

Стихи последних лет

ПЛАЧ

Плачь, душа! Горит восход
Алой лентой над бездной.
Плачь, душа! Любовь встаёт
Над вселенной бесполезной.
Плачь – растает чёрный лёд.
Плачь – и сердце возликует.
Плачь – тебя Христос зовёт,
Жизнь твою тебе дарует.

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

В апрельский день последний снег
Мгновенье чистоты подарит.
Растаяв в городском угаре,
Он вешних вод ускорит бег.

Они омоют всё вокруг
И только сердца не коснутся.
Но вы обязаны проснуться
И разорвать порочный круг.

И хлынет талая вода,
Источник жизни наполняя.
И вы увидите, рыдая,
Вблизи колодца тень Христа.

* * *

Сам себя на своей же ладони
Положу перед ликом Творца
И, склонившись в глубоком поклоне,
Никогда не покину Отца.

Но, наверно, безумная гордость
Эти звуки исторгла из уст.
Обрету ли духовную твёрдость
Непрестанно мятущихся чувств,

И услышу ли Божие Слово,
Пропитавшее истиной мир,
И созижду ли сердце Христово,
Над которым не властен кумир?

* * *

Зреет вечер – синий плод
Бесконечно чёрной нивы.
Сердце вздрогнет и замрёт.
Лес – зазубренная грива
Догорающей земли.
Тает розовое пламя.
Гаснет в сумрачной дали
Дня опущенное знамя.
Звёзды льют лучи в костёр.
И, сомкнув заката очи,
Ночь раскинула шатёр
Посреди безбрежной ночи.

ВОСПОМИНАНИЕ

Снегопада замёрзшие слёзы.
Мелодичный, чуть слышимый звон.
Жемчуга опадают с берёзы.
Светомузыки вздох или стон.

Плачет сердце, томимое жаждой,
Ожидая великой любви,
И, я верую, встретит однажды.
Боже праведный, благослови!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Плавятся стёкла, и вязкая лава
Льётся из окон и слева, и справа.
И жарко пылающих горнов каскадом
Восходим на небо за сказочным кладом.

Два сердца, летящих над сумрачным
полем,
Взирают на гряды небесной юдоли:
Их снежные кручи, и серую вату,
И полог свинцовый над рыжим закатом.

Лучи пробивают поющую чашу.
И голос Всевышнего, свыше звучащий.

* * *

Ночь. Чернильным одеялом
Предрассветный небосклон
Брошен наземь. Всё молчало.
Но некрепок этот сон.

Серебрятся туч просветы,
Раздвигая ночи тьму,
Каждый заревом сияет
В виде облака. Ему

Нет названья. Голос птицы.
Запад цедит скудный свет.
Туч узоры. Луч с востока.
И рассвет! Рассвет! Рассвет!

* * *

Куда бы я ни бросил взгляд, везде, где нету
человека, –

Любовь Творца. И Отче наш сопровождает
всё от века.

И только разум мог дойти в своём безумстве
до отказа

От этой жертвенной любви. Гордыни
страшная проказа.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Над безликим кубом дома –
Дождь слепой. Желтеет глина.
Кружит коршун невесомо
Выше стаи голубиной.

Вместе ласточки, вороны
На потоках восходящих.
Гром ворочается сонно
В хлябях неба морозящих.

Дом один. Одна стихия.
Флаги хлопают в ладони.
Снежно-белые, гнедые
Над полями мчатся кони.

Прозреваю мир распятый!
И любовь Его – без меры.
Ветер радости крылатый!
Обретаю символ веры!

* * *

Какая чистота! Промытое пространство
Прольётся на меня бездонной синевой.
Зелёная трава с извечным постоянством
Встречает солнца луч над влажною землёй.
Желтеет горизонт. И поле золотое
Пшеницей дней минувших прорастёт.
Я полон до краёв блаженного покоя.
Кругом молчит Любовь. Кругом Она поёт.
Она животворит. Она дарует слово.
Невидимую жизнь являет предо мной.
Непостижимый Дух – всемирная основа
И свет неугасимый над Землёй.

МОЕЙ ЖЕНЕ

Сухие травы – жизнь воспоминаний,
Ажурная надмирная вуаль.
Лишь контуры шуршащие желаний
И жажды жизни мудрая печаль.
Молитвы – мысли дверь свою найдите.
Стучитесь в мир, хотя не в нём ответ.
И в сердца храм сияющий войдите.
Войдите в храмы. И «да будет свет».

* * *

Последний снег искрится на земле.
И облака, как снег последний, тают.
И долго пребывавшая во мгле
Трава зелёная меня воспоминает.

Всё повторяется, но глаз не оторвать
От сахаристого намокнувшего снега.
Любви неизречённой благодать
К нам прорастает свежестью побегов.

Прими любовь! Желай её принять.
Лишь этим воздыханием томимый,
Отвергни смерть. Сломай её печать
Любовью Бога неуничтожимой.

О ПОСЛЕДНИХ СЕКУНДАХ

*Все наши секунды на самом
деле – последние.
И других не будет!*

Мгновение длится не меньше, чем вечность.
Но годы мгновенно уходят в песок.
Сосуд опустеет. Песка бесконечность
Уже на исходе. И близится срок.

Любовь и прощение. Разве не знаем?
В геенну иль к Богу отверстая дверь.
Мы ежесекундно Христу изменяем.
И кто же спасётся, в веках и теперь?

Никто на Земле никому не вручает
Ключи от Эдема. Пустые мечты.
Ты вспомни Адама. И кто побеждает?
Мгновенно паденье с любой высоты!

Последней считайте секунду любую.
И в это мгновение вам выбирать:
Прощать ли врага или щёку чужую
Под тяжкие руки судьбы подставлять.

ВАРИАЦИЯ ПО А. АХМАТОВОЙ

«Земной отрадой сердце не томи».
Отвергнись сына, и жены, и дома.
Остави всё, но Истину прими,
Никто не равен Господу живому.
«И будь слугой смиреннейшим того»,
Кто Богу раб. И выше нет награды.
Не ожидая никакой оплаты,
Моли спасенья. Больше – ничего.

О МНОЖЕСТВЕ ОБИТАЕМЫХ МИРОВ

В полях терялся горизонт.
Следы терялись в дымке снежной.
Казался облаком безбрежный
Над нами неба серый зонт.

И солнце бледною луной
Лучи скупые посылало.
Позёмка жидкая лизала
Холмов космический покой.

Для жизни жизнь сотворена.
Но нет её в далёких безднах.
Из чёрных пропастей межзвездных
Не жди её. Земля – одна.

ДРУЗЬЯМ ЮНОСТИ

*Жена моя, Наташа, –
подругам юности*

Вы ускользаете из сердца,
Минувшей юности друзья.
О, как хочу средь вас согреться!
Но время повернуть нельзя.
Но ваши лица, мысли, дети –
Почти мои. И сердца стук
Сквозь вихри долгих лихолетий
Меня вернёт в знакомый круг.
И грусть стеклянная нахлынет.
Сомкнутся двери тишины.
«Глас вопиющего в пустыне»:
«Вы мне немедленно нужны!»

Николай ЧЕРБАЕВ

Встреча

ПРОЛОГ

РАССКАЗ

Всё течёт, всё изменяется... Так и образ жизни людей, да и сам образ человека, меняется в зависимости от существующих условий. В нашей жизни появляются новые предметы быта, а значит, и новые слова в речи, уходят в прошлое неиспользуемые старые предметы, а вместе с ними уходят безвозвратно и слова – названия этих предметов. С расширением границ общения между народами, населяющими Землю, в нашем лексиконе, то есть словарном запасе, появляются заимствованные слова. С течением времени, со сменой поколения мы воспринимаем их уже как свои. Так и происходят изменения в родном языке.

На просторах нашей Родины даже у народов одной национальности можно наблюдать значительные различия в разговорной речи.

Даже в названиях одного и того же предмета есть заметная разница: это связано с произношением ударных гласных, окончаний согласных с мягким знаком, с «проглатыванием» (недоговариванием) окончаний. У населения расположенных по соседству сёл также наблюдаются значительные отличия как в разнообразии диалектной лексики, так и в её произношении. Колорит местной речи и характеризует людей этого поселения. По разговорной речи можно определить, из какой деревни человек.

Но опять же, возвращаясь к вышесказанному: с изменением быта меняется и местный лексикон, и колорит речи уходит в прошлое. Вот я и решил в своём рассказе, как фотограф фиксирует мгновение, которое уже не вернётся, зафиксировать разговорную речь нашей местности.

* * *

– Дуськ, Дуська, ай ня слышишь? Здорова, Дуськ.

– Ой, Вера. Здорова, Вер. А я и ня слышу, иду, свою думу думаю, а тебя и ня вижу.

– Далёк ты была-та, Дуськ?

– И-и-и-и, далёка-далёка, где ж мне ещё быть, вот за четвертинкой бегала.

– Чаво жа, опять твой запил?

– Ня то слово запил, с ума сошёл под старость. Вот уж неделю как не просыхаить. Иди, говорить, принеси похмелиться, ня то помру. А мне чаво: и зло берётъ, и по-другому думаешь, а то и вправду помрётъ. Тут тада до смерти сабе не простишь. Вот нясу. Грех один, ды и толька. Храшо, твой не пьётъ, у тебя и душа не болитъ. А тут ни дня, ни ночи покоя нет. Он вон када не пьётъ, и на душе покой. И по дому шиполить, и слухыитса, чаво ни скажу, тут жа сделать. А уж как запьётъ, то всё... Ой, Вера, пошла я, дабре спяшу, плохо яму. Другой раз и поговорила б с тобой, а щас не могу, быстрее надо. Ды тут, Вер, вот ищѐ чаво. Скажу, а ты никому... Мой-то надысь чуть не помер.

– Ды ты чѐ, Дусь?!

– Да, вот тебе и чѐ. Ты уж, Вер, никому... Сижу эт я вот у тиливизира, а мой – напротив. Гляжу, а он синеить и валитца набык. Я к нямму, по шакам яво, по шакам, а он ни лиагирвыить. Потом водой брызгыть нычала. Выбгаю, шумлю Нинке Пятрушиной. А она тады фельдшером работыла. Энт прибягаить, ды отходила яво. Во, Вера, во какая страсть-та была. Ты уж, Вер, молчи про эта, никому... А то вить народ-то какой, сразу слух пойдѐтъ, всё пирьвярнуть. Знають только вот Нинка Пятрушина, Любаня Липяхова, Зинка Болтушка ды ты вот таперча, четверо вас. Вот я тебе, как своей, сказала. Я их, Вера, тож предупредила, щоб никому об этим ни слова.

– Ды я-та, Дусь, не скажу.

– Ага, ня скажишь. А тады про петуха-то вон только ты и знала, а откудава ж Лена Приживалка узнала. Ой, ды как получилось-то по-чудному. Он, петух-то, павадилси моих кур топтать. А петух-то наш нервничить, а сделать

ничаво не могѐтъ. Вот я и бросила в ихняго комком и попала прям по главе, он и тут жа скопытисли. Я яво бросила им через забор и молчу. А потом-то я только с тобой и гварила про это. А на другой день мне Приживалка и гварить: «Ты, Дуся, как хошь, а за петуха плати, это ты учидила». Ну, я и ня стала спорить, отдала им сваю петуха, а у меня подростковые были, я сабе молодого оставила. Вот, Вера, какие убытки. И где ж тут здоровой быть, одни переживания, ды и только.

– А я, Дусь, про тваво мужика уж слыхала, только уж молчу, не гварю тебе.

– Вот тебе на тебе. Эт хто ж тебе, Вер, рассказал? Нябось Зинка Болтушка, кто ж ищѐ? Во какая. Я ж гварила ей: никому – а она вон чаво удумала. Болтушка, она и есть Болтушка.

– Да, Дуся, плохо дело. Он вон и мой тожа када и выпииить, но щоба запить, не-е-е-е, такова нет. Тово я и гляжу, тебя на смотринах ни было. Чѐй-та, думаю, Дуськи не видать? А оно вон чаво.

– Вер, погоди-кось, спрашу чаво, а ты была на смотринах?

– А как жа, была. Вот тебе и на, я ж гварю тебе, не видать тебя было.

– Хорошая была свадьба?

– Хорошая, Дуся, хорошая. Плохо не скажу, уж чаво храшо, то храшо!

– Невеста хорошая была?

– Ой, чѐ храша, то храша! Прям как в кине. Так-то она уж не скажешь, чѐ красавица. Ведь правда, Дусь?

– Ды в каво ей быть красивой-та? Они, Щемилкины, все носатые в деда Стяпана.

– Ды Васѐк у них вроде как и не носатый. А это надо жа, девке досталси нос от деда. Ну а тут, Дусь, при таком наряде и не заметишь, чѐ у неѐ такой нос. Так-та ведь всё при ней: и рослая, и полная, и глазами красивая. Ну, ничаво, смотрелась Светка храшо, красивыя была.

– А жаних как тебе, Вер?

– Ды пры жиниха, Дуськ, чѐ гварить-та. Сама знаешь, какой он, Сашка. О нём много девок сохнуть. Чѐ красота в нём, чѐ ум, а какой уважительный. Никада не пройѐтъ, всяда по-здоровыитса: «Здрасть, тѐть Вер».

– Вот тебе и Светка, всех девок умыла. Не красавица, а какого сокола отхватила.

– Ды она, Дусь, и Светка характером хорошая. Вот они и сошлись характерами.

– Ну дык дай им Бог счастья. Раз полюбились друг дружке, пусть живут.

– А посторонних-та обносили, Вер?

– А как жа! Ванятка два раза выносил вино и закусу. Разошелся: «Пейтя за моих, пейтя, ищё принясу».

– Ды Ванятка, он, Вер, такой, мужик-рубаша, особо када выпить. А яво Зинаида попримистей. Она-то как?

– А она, када он вынес второй раз, вышла и под руку его: «Ваня, Ваня, хватить, и так храло угостил».

– Ну а на столах, Вер, чаво было?

– Дуня, чаво ток и не было, всяво и не перескажешь.

– А Зинка, Ваняткина двоюродная, гуляла?

– А как жа, гуляла! Они всю родню пригласили, всех почли.

– Зинка, она любить погулять, Вер. Энт она и выпить, и закусить, ну и плясать гаразда. Рызайдётся – не остановишь. Гармониста замучиить.

– Да, Зинка там давала дрозда. Там смеху над ней было. Ох, и чудила она.

– Вер, погоди-кось ты, чаво ещё та, а-а-а, вот чаво, хотела спросить, Ванчок Глухой был?

– Был, как жа. И ентот, как яво, на отрубках живёт, ой, ды как жа яво бронять-то, во, вспомнила, Стяпан Буроба, тожа был, и Ягор Ваняткин со своей Маней был, и Миха Яжов был всей семьёй.

– Да, ты гляди-кось, Вер, много было народу.

– Ды я и гварю тебе, всех позвали, никаво ни обошли.

– И-и-и-и, Вер, а уж Ванчок-та Глухой чаво там делыл, уж если бы слышал чаво, а то так, выпить ды поесть.

– Не скажи, Дусь, он знаешь какие кренделя выделявал, и не подумишь, чо глухой, вот тебе и глухой, ты так ни сумеишь.

– И-и-и-и, уж обо мне и разговору. Была время, выделявала. Бывалча, начну плясать, не отступлюсь, покудыва Мишуня не устанит играть. А таперча чо про меня... Ну а невеста с женихом плясали, Вер?

– Ды ведь она, молодёжь-та, ныня какая, Дусь. Кто ж ныня плясать под гармонию? У них там своя музыка. Так, разок выходили, поплясали нямного. Иван-та расхорохорился: «Ну-ка, – шумить, – ну-ка, Света, дай кружок». Ну молодые, они не-е-е-е, они потешили чуток отца и ушли в свой круг.

– Ну храло, Вер, ты вот посмотрела, есть чаво вспомнить. А ты, Вер, в чём была?

– Ды в чём жа, в чём и на собранию надысь ходила, в энтот юбке ды кофте. Я-то чаво, была б я приглашённая, а так зачем мне надевать обнову, и так дабре храло.

– Да они у тебя и так как новые.

– Ды я их и года нет, как купила. Раза два или три одевала, не больше.

– А кто жа, Вер, ищё был на смотринах? Маньк Пяташкина была ай нет?

– Была, а как жа. Энт она нигде не упустить. Гулять не приглашали, а плясать пошла.

– Ды энт она теперч выпила, а плясать любить, вот и пошло дело.

– А молодых на чём возили, Вер?

– Дуськ, а Дуськ, а ты про сваво Петра не забыла? Мы уж тут с тобой битый час стоим, а яму, поди, плохо.

– Ой, Вера, я и забыла про няво. А яму и вправду гляды плохо, как бы ни умер. Ой, Верка, вот я глупая, ой, чаво я наделала. Ды ты ищё со своей свадьбой.

– Ды ты сама рспрашивала, а я-то чаво. Ну беги, беги скорей.

«Вот чума любопытная, – думала про себя Верка, глядя вслед Дуське, – от любопытства и про мужа забыла».

Запахи моей родины

Родина! Большое слово, просторное. Это большая территория России на земном шаре. Но для каждого из нас Родина начинается в том селении, в том доме, где мы появились на свет. Это потом, когда вырастешь, когда покинешь отчий дом и узнаешь другие земли, тогда и Родина станет больше, шире, просторнее. А пока родина – твой дом, двор, улица, село или город. Для меня родина начинается в селе Перкино Сосновского района. Там и сегодня стоит деревянный домик, в котором я родился и жил. Там, в Перкино, прошло моё детство и юность, там жили и умерли мои родители, там в памяти остались друзья детства, школа, голубое ласковое небо, летние тёплые дожди, речка с её ледоходом и тёплой летней водой, глубокое озеро с рыбалкой на заре, лесные дубравы и берёзовые рощи. И нет милее и прекраснее места, чем моя родина, и нет красивее восходов и закатов, чем на моей родине. Там самое тёплое солнце, самые добрые люди. А разве можно позабыть простор родных полей и лугов, с их зеленью по весне, разноцветными летними травами и их волнующим осенним увяданием, с белизной сверкающего снега? В разные времена года моя родина имеет свои запахи. Запахи

родины – это особые для меня впечатления, которые я помню и буду помнить всегда.

Стояла тёплая, сухая, солнечная осень. Совсем уже пожелтели листья и по утрам, схваченные первыми заморозками, они воробьиными стайками, трепыхаясь в воздухе, слетали на серебристую пожухлую траву. Обнажённые кроны деревьев пропускали меж ветвей ласковые лучи позднего солнца на мокрые травы, и, отражённые в каплях росы, лучики возвращались в осеннюю свежесть звёздными искорками. В деревне к этому времени заканчивались огородные хлопоты и наступало время заготовки дров. Но не всегда выпадала возможность заготовить их достаточно, да и денег не хватало, чтобы купить, вот и шли люди в лес собирать опавшую сосновую хвою, или, как называли у нас, сгребать колючки. Колючки были хорошим подспорьем для топки печей, если учесть, что за них не надо было платить денег.

В один из таких светлых осенних дней вся наша семья и отправилась в лес сгребать колючки. Мне тогда было лет шесть, и меня впервые взяли с собой. Я ещё никогда не был в лесу. Вышли мы из дому рано, когда заря робко выглядывала из-за горизонта и солнца

ещё не было видно. Родители и старшие братья несли с собой грабли и вилы, а у меня ничего в руках не было. Я и так еле успевал за ними, и приходилось то идти, то бежать следом. Мы быстро добрались до реки, по деревянному мосту перешли на другую сторону и в обход наезженной дороги, сокращая путь, зашагали напрямую через луг в направлении деревни Заречье, которая располагалась у самого леса. Здесь я и почуял тогда впервые запах луговых низин, смешанный с запахом речной воды. Мне не приходилось раньше дышать таким воздухом. А тут вот он, воздух с необычным запахом, совсем не похожий на тот, который в селе. Какой-то он волнующий, глубоко проникающий в сознание, сыровато-свежий, по-особому запоминающийся воздух. Ну вот я его и запомнил. Интересно устроен человек (это я уж позже, взрослым так рассудил): дышит лёгкими, а запахи остаются в памяти, связываясь с тем местом и временем, где пришлось их вдохнуть.

Мы прошли улицей деревни Заречье, вошли в лес и совсем недалеко от деревни остановились среди высоких сосен. Я впервые видел эти огромные деревья-великаны. Смотрел на их верхушки, подпирающие свод небосклона, а над ними проплывали редкие серые осенние облака, которые ненадолго прикрывали собою солнечный свет, а когда облака уплывали, то солнышко снова проливалось ласковое тепло между верхушками сосен. Но лишь редкие лучи могли пробиться ниже кроны, скользя по янтарным стволам деревьев. Родители и братья уже всю занялись работой, сгребая колючки, а я всё смотрел и смотрел вверх, пока не закружилась голова и не заболела шея. И тут я сделал для себя новое открытие – почуял особый запах. Здесь не такой был воздух, как на лугу. Этот необычный запах исходил от земли, освобождаемой от слежавшегося слоя колючек. Он отдавал прелостью, но не плесенью, а приятно пахнущей прелостью. Я взял в руки горсть колючек и понюхал. Не хватало лёгких, чтобы насытиться этим таинственным запахом. Я снова и снова вдыхал его, и лесной аромат заходил не только в лёгкие, но и в память. Я подошёл к сосне, потрогал шершавый низ коры,

отломил кусочек, поднёс ближе, разглядывая его, и, конечно же, тоже понюхал. И тут новое открытие – новый неповторимый запах леса. И этот запах осел в моей памяти. За свою жизнь я множество раз бывал в разных уголках своей родины: и в лесах, и в лугах, и в полях, на реке, на озере, и днём, и с ночёвкой, и в разные времена года – и отовсюду уносил в своей памяти запахи родных просторов.

Весна! Это особо ожидаемое время года. После продуваемой холодными ветрами и промоченной насквозь дождями поздней осени, после долгих тёмных ночей, после морозов и холодного зимнего солнца приход весны – это торжество. Торжественность во всём: в голубизне неба, в тёплом ласковом солнце, в построении людей, в прилёте птиц, в зелёных пупырышках почек на деревьях и, конечно, в запахе весенних садов. Весенний ветерок повсюду: с проталин, с дымящихся под солнцем бугорков земли, с рек и озёр, освободившихся ото льда, в лесу, в садах собирает запахи, наполняет ими воздух и разносит по всей округе. И тогда пахнет весной. И всплывают от этого запаха воспоминания о далёком детстве. Вспоминается мне разлив со звенящим хрустом льдин, ломающихся и плывущих вниз по течению реки, голубое бездонное небо с пролетающим косяком голосящих о возвращении гусей, с серебристой точкой далёкого самолёта, оставляющего за собой белую полосу на голубой лазури. Но вот началось буйное цветение садов. От этого запаха радостное чувство переменяется с чувством сожаления о безвозвратно ушедшем времени юности. Юность – первая влюблённость, ночи до зари на лавочке или на брёвнышках у душистой сирени, соловьиные трели. Будут и другие вечера, и другие сирени, но вспоминаются всегда первые.

Лето! В ожидании лета нет такой чёткой границы, как это бывает в ожидании весны. Природа плавно переходит в лето, запахи которого не вызывают сильного душевного волнения, но имеют свои особенности. Когда ешь зрелые ягоды земляники, малины, клубники,

то вместе с плодами как бы прожёвываешь их запах и ощущаешь его вкус. Особый запах в это время у свежескошенной травы, и невольно всплывает в памяти сенокосная пора. Раннее утро, луг, туман над рекой, и только слышна перекличка кос – вжик-вжик, вжик-вжик, и глубоко проникающий в память запах скошенной травы, сдобренной свежей росой. И мы, подростки, вместе со взрослыми убираем сено. А уж если тебе доверили лошадь с волокушей, то сердце переполняется радостью, чувствуешь себя мужиком. Но вот поднялось солнце, и спала роса, и запах травы становится парным, тёплым и неповторимым. Подходит к концу лето, и ложится на память душисто-горьковато-медовый запах спелых трав и цветов. И чувствуешь душой приближение школьной поры. Особенно мне напоминал об этом горьковатый запах бархатцев.

Осень! Подбирается медленно. День за днём уходит в небытие всё то, что цвело и благоухало, и как бы взамен преподносит нам свои дары ярких красок. Конечно, и осень – пора очарованья, пора необыкновенной красоты, но вместе с тем нет уже восторга, и свежий прохладный запах осенних зорь всё же наводит грусть. Грустит душа о весёлых днях весны и лета, о тёплой речной воде, о жарком солнышке

и ждёт неминуемого наступления холодных ветров и дождей, низких и тяжёлых облаков, неприветливого солнца. Осыпаются листья, исчезают краски, и становится всё грязно-серым. И остаются в памяти запахи осенней листвы в оголённых и молчаливых лесах.

Зима! Бывает так, что нагрянет неожиданно-негаданно. Проснёшься утром, а вокруг белым-бело. И радостно становится после осенней серости, слякоти и долгих тёмных ночей. А бывает так, что подкрадётся, сыпанёт снежку и скроется. Снег растает – и снова осенняя серость. Вот так и балуется, дразнит: то морозцем ударит, а то снова отпустит. Наиграется, а уж потом начинает засыпать снегом. Ну, как говорится в стихах С. Михалкова, «рады снегу зверь и птица и, конечно, человек!» Запах первого снега не забудешь. Я и теперь, как выпадет снег, возьму его, скомкаю, вдохну его сыровато-свежий запах, и напомним он мне детство: первый снег, игра в снежки, снеговик, промокшие варежки. Подержу-подержу снежный комочек, да и брошу его в забор, да так, чтобы он рассыпался, как в детстве.

И снова весна! И снова восторг! И всё повторится. Только детство не повторится никогда, и напомним о нём запахи моей родины!

Николай ЧЕРБАЕВ

Виктор УСОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ТАЙНЫ СИ-ХО-ТЭ ШАНЬ-МО»

Эмиро Эсами снились цветущая сакура на холме Уэно и он сам, степенно гуляющий с семейством среди раскидистых деревьев, сплошь облитых нежной пеной соцветий. Вдыхая пьяняще-винные ароматы весны, Эсами с умилением поглядывал, как госпожа Кумико, его дражайшая супруга, как наседка, старается уберечь их пятилетнего сына Кичиро-тян от несуществующей опасности. Малыш с непокрытой чернявой головой, осыпанной невесомо-розовыми лепестками, звонко смеясь, убежал от материнской опеки и прятался в самой гуще сада святилища Тосёгу. Вот шалунишка достиг подножья храмовой лестницы, которую стерегли злобные каменные чудища Дзиси. Этакая помесь китайских львов с корейскими собаками хиндо. Подбежал и в испуге замер. На сером камне первых ступеней в чёрном кимоно, при самурайских мечях стоял полковник Акаси, прикрывающий красным веером нижнюю половину лица. Не за-

мечая мальчика, суровый воин обратился к Эсами: «Господину пора вставать». Для начальника военной разведки империи голос пятидесятилетнего Акаси-доно звучал странно. Артикуляция его речи напомнила спящему Эсами кого-то из близких. Ну конечно! Его Кумико-тян, произнося фразы, точно так же растягивает слова. Поражённый таким странным обстоятельством, глава фамилии Эмиро очнулся от чудного сна. В робком поклоне у его изголовья склонилась жена. Доброй женщине не хотелось отнимать у любимого мужа возможность, укутавшись в тяжёлое ватное одеяло, лишний миг понежиться на тёплом матрасе футун. Ей грезилось, что её повелитель, оперев голову на валик-подголовник окитатами, сию минуту мечтает о будущих мирных днях. О своей отставке...

– Который час, милая?

Вопрос был праздным, через бумагу сёдзигоми, наклеенную на решётку лёгких дверей,

выходящих на веранду энгава, из сада просвечивали солнечные лучи. Жена молчала. Родное существо чего-то ожидало, покорно склонив перед ним худенькую спину, обтянутую лунно-белым кимоно. Он встал, за плечи поднял супругу с колен и, с удовольствием вдыхая запах помады для волос, поцеловал любимую в основание нежно-белой шеи. Прямо в ямочку у затылка. Кумико дорожила этой давней мужниной привычкой и тщательно следила за «тубо», волосами на затылке, округло зачёсывая жёсткие локоны наверх. Дабы не нарушить причёску, дарующую ей ласку супруга, во время сна любящая женщина клала голову на деревянную подставку такамакура.

Приходя в бодрое настроение духа: «День начинается просто чудесно», хозяин распахнул створки акари сёдзи и, ступая синими таби по циновкам мусиро, пружинящей походкой проследовал к порогу веранды. Снаружи, у приступки, на голой земле лежал плоский камень гэнкан, на котором стояли широкие сэтта. Обувшись в них, Эсами сошёл на чисто подметённый внутренний двор. Если повернуть направо и отворить в ограде маленькую калитку, то за хозяйственными постройками можно будет увидеть особую гордость семейства Эмиро – сад плодовых деревьев, пруд и стоящий на его берегу маленький, всего на четыре татами, чайный дом соан. Но этим утром посидеть в «Травяном доме» не получалось. Нет времени, а спешить при чайной церемонии – только гневить богов. Поэтому, пересилив желание, глянув хоть одним глазком, приветствовать церемониальное помещение, Эсами достиг следующего камня, на котором примостились сицунайбаки – тапочки для посещения нечистых мест: туалета и бани.

К моменту возвращения хозяина его спальное место перекочевало в шкаф-нишу оси-и-рэ, раздвижные стены малых комнат были убраны и внутренние покои дома превратились в одну большую залу. Шустрая прислуга даже успела возложить над утопленным в пол очагом ирори, обогревающим помещения и дарующим ночью слабый свет, деревянный каркас стола котацу. Укрыв короб стола одеялом, сверху на него водрузили столешницу. Владелец дома, до-

вольно усмехнувшись, присел на татами подле нескладного сооружения: «В ветреную зимнюю пору, когда от пронизывающих сквозняков в ознобе дрожит каждая планка дома, каждый лист бумаги в оконном проёме сопротивляющиеся злой силе ветра, приятно собираться всем семейством за этим тёплым столом!» Продолжая умиляться, Эсами, вежливо склонив голову, с вопросом принял из рук служанки первую гу-и-оми с подогретым саке:

– Сестрица не объяснит, куда попрятались мои домашние?

Служанка в сером пеньковом юката, замерев на коленях с кувшинчиком напитка наготове, улыбнулась:

– Молодой хозяин заявил, что отправляется любоваться восходом солнца, и госпожа Кумико отвела его в сад, к пруду.

Глава дома озабоченно покачал головой:

– Попроси кухарку подавать к столу, а сама ступай, пригласи мою жену и сына. Напомни им, что у меня сегодня особый день и я, как бы мне ни хотелось побыть дома, не могу подводить других людей!

Служанка, поклонившись, на коленях отползла от стола и лишь затем, поднявшись на ноги, семенящей походкой отправилась исполнять поручение. Глядя ей вслед, Эсами машинально взял яблоко и в нахлынувшей меланхолии машинально стал отрезать от красных боков плода кусок за куском. Строя планы сегодняшнего дня, он отправлял в рот сочную белую плоть фрукта, не сознавая, что хрустит у него на крепких зубах. Единственное, что доставляло ему некий дискомфорт при приёме пищи, была груда дров, лежащая по левую господскую руку. Молодого господина, человека деятельного, стесняла традиционность окружающего его быта. Взять хотя бы определённые на века места для тех или иных предметов. Вроде этих разнесчастных дров, неммым укором сгрудившихся подле него и заглядывавших ему в рот.

По заведённому порядку напротив, через стол, полагалось сидеть его супруге, справа от него – сыну. Эсами поморщился: «Кому это может нравиться? Пока ты дома, в кругу родных и близких, чаще... Нет – постоянно! Требуется

чувствовать тепло, исходящее от роскошного тела милой, касаться её, целовать... Будь оно неладно! Сдержанность в поведении входит в свод традиций, установленных исключительно мне во вред. Если задуматься – невесть кем и, главное, незнамо когда». Кромсая железом ни в чём не повинное яблоко, Эмиро Эсами дулся на чопорных предков. Зло хрустя яблочной мякотью, он, в который раз осматривая традиционную обстановку семейного гнезда, обижался на себя и злился на окружающий мир. С высоты своего места господин грустно взирал на глиняную площадку кухонного пятачка, собственно, и называемую до-ма. Посередь клочка утрамбованной глины, на печи кама-до, распаренная кухарка что-то обжаривала к завтраку. Вокруг очага теснились скучные кувшины для воды и нелепые бочки с продуктами. Ну а сверху, подумать страшно, как сотни лет тому назад, из-под крыши киридзума свешивались колосья, связки пряных трав, лука, бобов и ещё всякой всячины, связанной с поварской традицией.

* * *

Так уж сложилось, что однажды непокорная дочь известного торговца из Нагасаки, почтенного Эмиро Эидзаки, предпочла однообразно-скучной жизни в довлеющей атмосфере отчего дома бурный и яркий роман с элегантным иностранцем из голландской колонии. От этого недолгого, но потрясающе романтического евгенического эксперимента родилось дитё, названное счастливыми родителями Эсами. Впоследствии, после признания его существования дедом, отцом матери, малыш получил право именоваться почитаемой согражданами фамилией Эмиро.

Его мать умерла рано, а голландец, не испытывающий к плоду смешанной любви нежных чувств, без зазрения совести отплыл на далёкую родину. От родителей малыш Эсами унаследовал два качества, сыгравших в его последующей жизни немалую роль. Мать-японка наделила Эмиро неуёмным стремлением к свободе от ограничений, навязываемых ненавистными ей условностями, а отец-европеец – склонностью к авантюрам и открытостью к новым познаниям.

Первые годы жизни сирота воспитывался при синтоистском храме Хакусан, а в пятнадцать лет Эмиро призвал на службу Его Величество Император Страны восходящего солнца.

Майор военной разведки Акаси приветил способного мальчика, став для юноши первым кийёси в трудном восхождении к мастерству шпиона. Затем последовали долгие годы, проведённые Эсами в холодной России, и жуткая неудача в девяносто первом, во Владивостоке, обрушившая все его честолюбивые планы на блестящую карьеру. По возвращении на родину полковник (до этого чина к тем годам дослужился Акаси) потребовал примерно наказать виновника провала планов военного командования. В ожидании решения военно-полевого суда бедолаге Эсами даже пришлось несколько месяцев потомиться в одиночной камере тюрьмы Сугамо. Но как часто бывает, не было бы счастья, да несчастье помогло. Скончался дедушка проштрафившегося офицера, почтенный господин Эмиро Эидзаки, накоротке знавшийся с премьер-министром. В одночасье разбогатевший узник, заделавшись главой торгового клана, получил от жизни новый шанс. На высочайшем уровне было принято решение направить провинившегося шпиона в Маньчжурию. Подготовка к его засылке растянулась на полтора года, которые позволили Эмиро жениться, обзавестись в зелёном пригороде Токио, у холма Уэно, домом и попробовать на вкус обычную жизнь горожанина.

Пришла пора, и шпион покинул молодую супругу. Дела службы заждались его на Ляодунском полуострове, где в секте последователей Хуэй-цзы в бухте Да-Лянь-Вань одним адептом стало больше. К 1 августа 1894 года некто грязный, оборванный и волосатый, откликнувшийся на имя Пэй-син, уже более года изучал даосские практики «свиста» и «созерцания сердца». В те времена монаха Пэй-син можно было частенько видеть на побережье бредущим по пляжу от порта Чжи-фу к бухте Вэй-ха-вэй, в которой размещалась военно-морская база. Волочивший ноги монах замечался и подле крепости Люй-шунь-коу, что на мысе Гуан-тан. Пешие марши не особо утомляли оборванного,

худого и пьяного монаха-бродягу, всюду та-скавшего с собой желтобокую тыкву пао-гуа с рисовым вином. Изрыгавший винные пары расхристанный даос примелькался среди ры-жих скал и жёлтого песка обоих полуостровов – Ляодунского и Шаньдунского – и ни у кого не вызывал подозрений.

Кому могло прийти в голову, что ничтож-нейший из людей, якобы пытающийся постичь силой логических размышлений каноническую сущность природы, передавал сообщения воен-ной разведке Японии? А монах добывал немало важных сведений о мощи северной китайской эскадры Чжилинского залива. Он тщательно составил схемы десяти фортов крепости Вэй-ха-вэй, вооружённых пятью десятками пушек, и не поленился пересчитать её гарнизон. По головам: раз-два... – и так все одиннадцать тысяч бойцов.

Там, где в заливе Цзинь-хай нищий рыбак несколько лет кряду принимал его шпионские донесения, в японо-китайскую войну высади-лась армия маршала Ойямы, идущая на ре-шающий штурм той победоносной войны. Не вина военного разведчика Эмиро Эсами, что с началом военных действий хлипкая связь с командованием прервалась и он превратился в беспомощного наблюдателя, стороннего зри-теля маневров флота адмирала Тинга на флаг-манском броненосце «Тинг Иен», спешащем на встречу с эскадрами адмирала Ито. Немого свидетеля погрузки на транспорты живой силы неприятеля, отправляющейся морем к театру военных действий в Корею.

Славная война закончилась для победи-телей крайне бесславно. Европейские страны: Россия, Франция и Германия – просто не по-зволили маленькой Японии вкушать радость от своих законных завоеваний. Державы, не считаясь с её национальной гордостью, бесце-ремонно схватив за шкуру «территориального лилипута», отбросили Японию назад на свои острова. В 1896 году капитан Эмиро оставил вместе с Императорской армией захваченный порт Вэй-ха-вэй. От такого позора капитан даже собрался вспороть себе живот. Это была уже вторая пощёчина в его послужном списке, по-лученная от России, в этот раз позарившейся

на земли, по праву принадлежавшие импера-тору его страны. В тот роковой час капитану остро хотелось чужой крови. Хотелось выйти на улицу, под жгучее маньчжурское солнце, чтобы в исступлении кричать: «Азия для ази-атов! Великая Япония до Австралии, Урала и Камчатки!» К счастью для семьи офицера, та история ничем не закончилась. Капитан вер-нулся в родной дом к любящей жене и сыну. Горе национального позора выжигало развед-чика изнутри, и глупец, поддавшись чувствам, доверил бумаге своё видение выхода из по-литического кризиса и исправления военных промахов. Бог знает какую чушь, подсказанную ему гордыней молодости. Ладно бы написал и спрятал подальше от чужих глаз. Эмиро Эсами не терпелось нажать себе на голову новые про-блемы, и офицер направил свои предложения в Министерство армии.

Проблемы по службе не заставили себя ждать. Года два Эмиро стойко терпел всяческие унижения, пока эта бодяга не закончилась для прожектёра весьма плачевно. Акаси-тоно, на-чальник отдела военной разведки, исключил его, полного сил и чаяний тридцатилетнего офицера, из списков действующих агентов. Не абы как, а с гнусной формулировкой: «За про-фессиональную непригодность». Отставленного от дел капитана направили преподавать, и Эми-ро стали с почтением величать «киёси». Теперь неугомонный капитан, ставший учителем, на досуге от рутинной службы в Военной акаде-мии Императорской армии мог сколько угодно терзаться мыслями и мечтами об ушедшей в прошлое жизни разведчика-нелегала.

* * *

Но жизнь, бурлившая за хилыми стена-ми дома Эмиро-киёси, так же как и он сам, не терпела застоя. 20 января текущего, 1898 года Император своим указом учредил «Главную инспекцию боевой подготовки» под началом фельдмаршала Тэрати и одновременно назна-чил на пост министра армии опытного генерала Кацууро Таро. Неизвестно, как на глаза генера-лу Кацууро попал рапорт опального капитана,

поданный им два года назад, но дотошный военачальник, просмотрев несколько страниц сумбурных предложений, велел адъютанту звонить на связь фельдмаршала Тэрати Масатакэ.

– Моё почтение, Тэрати-сэнпай! Как ваше здоровье? – министр начал телефонный разговор с обычных приветствий.

Главный инспектор боевой подготовки вздохнул:

– Кацуро-доно, о чём вы говорите, какое тут будет здоровье! Вы же, генерал, прекрасно знаете моё отношение к совещаниям. По мне лучше обуть ноги в старые добрые цурануки и проехать верхом пару дней, чем пару часов отсидеть с деревянной спиной в зале военной мудрости. Можно подумать, что та мудрость проникает в тело... – старый фельдмаршал запнулся, – вы сами, министр-сан, понимаете, через какое место.

С доброй улыбкой министр подумал: «Самурай, даже забравшись на верхнюю ступень трона, остаётся рубакой».

– Дорогой друг, вы уже разобрались в ворохе уставов и инструкций своего ведомства? Определились персонально, кто и чем будет заниматься? – В телефонной трубке что-то затрещало, возможно, гнев фельдмаршала наэлектризовал телефонный аппарат. Генерал даже с опаской отодвинул от уха плюющуюся разрядами мембрану.

– С 20-го числа прошло меньше месяца, генерал, бумаг море, идей, как усовершенствовать техническую и тактическую подготовку армии, тоже, только вот толковых людей, Кацуро-доно, нет!

Министр, откашлявшись, высказал своё предложение:

– Тэрати-сэнпай, мне на глаза попался любопытный документ... – Он поправился: – Ну как документ... перебирал, собираясь выбросить оставшийся от предшественника хлам, и на самом дне ящика стола наткнулся на рапорт некоего капитана, ветерана прошлой войны. – Треск в трубке прекратился, собеседник министра слушал его внимательно. – Этот капитан служил лазутчиком на вражеской территории, и его донесениями пользовались как флотские,

так и сухопутные генералы. Я связался с начальником Главного штаба флота вице-адмиралом Ито Сукэюки...

– И что вам, генерал, рассказал Ито-тоно? – фельдмаршал не мог долго молчать.

– Вице-адмирал вспомнил эти донесения и положительно отозвался о собранных в них данных.

Главному инспектору не терпелось получить всю информацию:

– И куда, Кацуро-доно, подевался этот молодец? Олух полковник, начальник военной разведки, мне все уши прожужжал, что у него «голод» на способных офицеров!

– Капитан милостью упомянутого вами Акаси-тоно был отстранён от полевой службы и преподаёт в подведомственной вам, милейший фельдмаршал, Военной академии.

– Спасибо, генерал, мы с этим разберёмся! – заявил фельдмаршала, в трубке раздался щелчок, связь прервалась.

* * *

Завтрак семьи Эмиро завершила шалость самого младшего из её членов. Малыш Кичиро незаметно для матери приподнял край одеяла и что-то бросил в очаг. Дыма не было, но по дому разнёсся едкий запах горелой яичной скорлупы. Отец, поблагодарив солнце за утренний рис, встал и вышел из-за стола, ничем не подавая виду, что чувствует последствия сыновьих шалостей: «Детей, пока есть возможность, необходимо баловать». Этот пассаж из наставления по воспитанию начинающий киёси изучил ещё перед первым знакомством со своими курсантами. С кадетами, сержантами и солдатами, будущими офицерами Императорской армии, он, конечно, не мог воспользоваться таким знанием, но дома это было само собой разумеющимся делом.

– Кичиро-кун... – мать, не такая покладистая, как отец, принялась читать нотации баловню.

«Ого, моя радость назвала шалуна "кун" – "молодой человек", – покачал головой глава семьи, – не прибавила к имени плутишки

привычное "тян" – "дорогой". Но в воспитательный процесс глава семейства вмешиваться не стал, поспешил переодеться.

– Посмотри сюда, – сидя на коленях, его Кумико нежно, но крепко обнимала сынишку за плечи. – Видишь, в нише токономо висит свиток какиемоно, в котором заключён свод правил Буси-до?

– Угу! – надувая губки, засопел проказник.

– Ты помнишь, тебе об этих правилах рассказывал твой отец? – Сын, пережидая грозу, затих. – Милый, ты же хочешь стать настоящим мужчиной? – Малыш живо закивал головой. – Вот и замечательно. – Целуя его в лоб, мать вдобавок растрепала ему чёрные волосы. – Главное, не делай ничего плохого...

– Мама, а плохие поступки воняют так же противно, как и сейчас?

В мыслях назвав сынишку «бака» – «дурачок», Эмиро Кумико, пряча блеск слёз, отвернулась от сына. Её взгляд коснулся тростниковой бёбу. К плетёной ширме был приколот ещё один свиток оси-ито, и подле, в рамке на западный манер, висел диплом офицера Императорской армии, принадлежащий её мужу. «Как странно вышло, обветшалому свитку – два столетия, диплому всего пятнадцать лет, а его глянец уже пожелтел, и краски рисунка стали блёклыми... – Счастливая мать вздохнула. – Что поделать, время беспощадно».

От печальных размышлений женщину отвлекло появление Эмиро Эсами в гражданском платье. Серый костюм европейского кроя с белой сорочкой и стоячим крахмальным воротничком, жёстким, но не стесняющим худой шеи, подчеркнули его схожесть с отцом-голландцем. Обёрнутая по тулье атласной лентой с блестящей пряжкой серая фетровая шляпа была чуть сдвинута набок. Высокий лоб, чёрная чёлка, широко посаженные коричневые глаза, прямой нос и упрямо сжатые тонкие губы... европеец, да и только. Госпожа Кумико удивилась: подобным образом муж наряжался, служа в «известном подразделении». Ныне на службе его привычной одеждой стал зелёный капитанский мундир. Эмиро ободрил встревоженную Кумико улыбкой и, ничего не объяс-

няя – жена не вправе интересоваться делами мужа, – отодвинув тяжёлую створку внешних дверей о-до, вышел на улицу.

Опасаясь опоздать к назначенному времени, Эсами добирался до замка Эдо не на рикше, а в открытом конном экипаже. Большой Токио начинал медленно, но верно развиваться по европейскому образцу. В последние годы обыватели из предместий начали добираться в город железной дорогой компании «Сейбу». Всюду прокладывались широкие магистрали, возводились высотные здания, открывались новые производства, а с ними появлялись новые возможности. Переселенцы толпами стекались в столицу. В прошлом году вдоль главного проезда района Чуо-дори проложили рельсы конно-железной дороги. Пролётка подкатила к повороту на Гиндза-йон-чомэл, когда ему на глаза попался переполненный вагон той самой чудо-конки, весело катящий вдоль витрин универмага Хаттори. Вальяжно покачиваясь на подушках экипажа, Эсами, придерживая шляпу, улыбнулся малиновым физиономиям пассажиров, стеснённых дорожными обстоятельствами: прогресс требует жертв.

У широкого рва, заполненного водой, его путь подошёл к концу. Дальше несколько шагов по гулкому деревянному мосту, и вот он, замок Эдо. В 1888 году подле старого замка был отстроен новый императорский дворец, и в крепости, окружённой гранитными стенами, разбили английский парк. Чудное место, где горожане на европейский манер устраивали променады жёнам и детям. Семейство Эмиро не было исключением. Однако бывать здесь по делам службы ему не только не приходилось, об этом капитан не мог и мечтать. Когда два дня назад его вызвали в кабинет начальника Военной академии и с поклоном вручили белый конверт с красной печатью Императорской ставки, бывший разведчик несказанно удивился. Внятные причины столь странного обстоятельства ему не приходили в голову.

На мосту никого не было, но стоило капитану торопливо пересчитать шагами его доски, как из караульного помещения ему навстречу

вышел невзрачного вида тип, одетый во всё чёрное, который поинтересовался:

– Капитан Эмиро-доно? – И низко поклонился посетителю.

– Да, господин... – Эсами запнулся, не ведая, как обращаться к этому «привратнику», – это я! – И, смущённый недоверчиво-пристальным взглядом неизвестного, на всякий случай извинился: – Покорно прошу простить моё опоздание...

– Вы нисколько меня не задержали, господин капитан, – заверил посетителя господин, не желавший представиться. – Мы проследуем сразу же в нужное здание... – его рука в чёрной кожаной перчатке указала направление, – или вы пожелаете осмотреться? Возможно, вас заинтересует хиранива...

Холодный приём подсказал капитану, что предложение прогулки по «философскому саду с созерцанием природы в миниатюре» лишь фигура речи. Не более! Подчёркнутая вежливость в обращении с гостем. Видимо, встречающему было велено продемонстрировать, насколько уважительно к его персоне относятся некие царедворцы.

Ответ офицера также был сдержан:

– Премного благодарен вашей милости, но я с удовольствием подожду аудиенции в приёмной фельдмаршала.

Апартаменты члена Императорской ставки были вызывающе роскошны. Оттого, будучи приглашённым к фельдмаршалу в кабинет, Эсами был сражён простотой помещения. Вместо обоев белёные стены кабинета прикрывали пожелтевшие листы, вымаранные строками хокку, а с боевых пик, прибитых к ошкуренному потолочным балкам, свисали разноцветные знамёна с камоном самурайского рода фельдмаршала.

Капитан, сделав три шага в сторону начальственного стола, громко отрапортовал о своём прибытии и замер по стойке «смирно». Широкий, как поле генерального сражения, фельдмаршальский стол на гнутых ножках был усажен аккуратными стопками писчей бумаги, сплошь исполосованной неровными строчками иероглифов. За этой цитаделью «писца» восседал руководитель Главной инспекции боевой

подготовки, член Императорской ставки, лицо, занимающее третью по значимости должность в армии и флоте, подчиняющееся лишь императору. Нацепив на нос очки в простой серебряной оправе, маститый военачальник углубился в изучение грязноватого вида бумаги, и на вторжение громкоголосого офицера прославленный стратег даже не повёл бровью. Наконец фельдмаршал Тэрати Масатакэ оторвался от чтения.

– Странно! – пророкотал седовласый воин. Командный голос фельдмаршала был поставлен во времена рукопашных баталий и наверняка сквозь шум битвы был слышен сражавшимся по всему бранному полю.

– Что именно, господин фельдмаршал? – с подобающим почтением переспросил капитан.

– Странно, капитан, что такое усердие... – рыкнул хозяин кабинета, – ваше усердие... до сих пор не получило достойную оценку! – Фельдмаршал небрежно уронил поверх прочих записей замызганный лист, удостоившийся его внимания.

Потев от навалившихся переживаний, капитан узнал в измятом документе свой давешний прожект. Он было открыл рот, желая что-то сказать, пояснить седому военачальнику причины, побудившие его составить эту треклятую докладную записку, но Тэрати Масатакэ сурово взирал на него, и у несчастного перехватило горло. Освободив от стёкол слезящиеся щёлочки глаз, фельдмаршал небрежно бросил поверх опрометчивых капитанских умозаключений ненужные очки, придавив это «неслыханное вольнодумство» сухой ладонью. Офицер решил: «Это конец» – и, замерев, ждал, когда его заколотившееся сердце, взорвавшись, избавит его от позора. Сил найти оправдания не оставалось вовсе.

– Виноват... – только и просипел офицер, но фельдмаршал, подняв от стола усыпанную коричневыми пятнами жёлтую кисть, велел ему умолкнуть.

– Для себя я уяснил, что прежнее ваше начальство, капитан, практиковало старую добрую традицию: «Солдат не должен думать, он должен исполнять приказ!»

Эмиро Эсами десять лет прожил в России и слышал множество подобных прибауток на каждый случай жизни, и теперь эти

пустяковины непроизвольно выскакивали из него: в радости и страхе, растерянности и обретении уверенности. Их не могли сдерживать ни традиционная вежливость истинного японца, ни чинопочитание, ни уважение к старшим.

– У русских, господин фельдмаршал, есть более хлёсткое выражение: «Я начальник, ты дурак...» – Произнеся эту фразу, офицер смутился. – Дальше всё наоборот.

Старый фельдмаршал хохотнул.

– Метко подмечено, но губительно для любого дела! – Военачальник прихлопнул ладонью по столу. – Мы, господин капитан, пойдём другим путём! Будем с вами прислушиваться к любым советам, от кого бы они ни исходили. Просеивая гору пустопорожнего умничанья, капитан, поверьте старику, на дне нашего сита мы обязательно отыщем истинные перлы, которые позволят обожаемому нами Императору победить всех врагов империи. – Фельдмаршал позвонил в колокольчик. На зов явился тот же безликий тип в гражданском платье, что встречал Эмиро. – Акацуки-коухан, пригласите начальника Западного подотдела.

Стоило молчуну Акацуки выйти из кабинета, как двери вновь отворились, и в помещение зашёл высокий моложавый полковник с орденом Золотого коршуна на кителе и в ярко надраенных сапогах.

– Господин фельдмаршал, полковник Сато Итиро прибыл по вашему приказанию!

Фельдмаршал Тэрати указал полковнику на стул.

– Присаживайтесь, полковник-сан, и вы тоже, Эмиро-кун, можете располагаться поудобней. Как утверждают ваши русские «друзья», в ногах правды нет. Кстати, не подскажете, где она есть – правда? – Ответа от капитана с полковником не требовалось, и они благоразумно отмолчались. Фельдмаршал же заявил: – В подведомственном мне учебном заведении капитан Эмиро-киёси заслуженно числится в экспертах по иностранным языкам. – Заметив пустоту в глазах Сато Итиро, фельдмаршал строго добавил: – Это я говорю для вас, полковник!

Полковник Сато вскочил со стула, словно с раскалённой сковородки.

– Господин фельдмаршал, разрешите?! – оглушающе гаркнул резвый полковник. – Меня вызывал начальник Генерального штаба Императорской армии генерал-полковник Кавакама Сороку. Генерал Кавакама-доно передал мне приказ явиться к вашей милости на приём. Вы изволили спросить, знаю ли я послужной список господина капитана Эмиро Эсами. – Полковник постучал косточками пальцев по своей «папке для докладов». – Господин фельдмаршал, заявляю со всей определённою: здесь собрана подробная информация на одного офицера! – Службист раскрыл папку и принялся поспешно перебирать вложенные в неё документы. – Так, момент рождения, обучения и первых заданий от службы военной разведки мы пропускаем...

– Чего вы там бормочете, полковник? – В голове фельдмаршала задребезжали недовольные нотки.

– Вот здесь! – продолжал гнуть своё Сато Итиро, приступая к чтению вслух: – «По возвращении в метрополию фигурант написал рапорт, в котором изложил свои выводы о военной кампании 94–95 годов в Корее и Китае. Однако из-за воцарившейся в Министерстве армии в 1896 году кадровой чехарды, когда один министр исполнял обязанности восемнадцать дней, а уважаемый в войсках маршал Ояма Ивао вообще пробыл в высочайшем кабинете два неполных дня, его обращение было необоснованно отклонено. Впоследствии документ обнаружен в ящике стола министра армии генерала Такасима Томоносукэ, ушедшего в январе текущего года в отставку. Капитан Эмиро Эсами всё это время с должным рвением служил преподавателем начальных курсов Военной академии Императорской армии. Специальной квалификационной комиссией ему присвоен...» – Полковник Сато прекратил чтение. – Господин фельдмаршал, я изучил деловые качества вашего подчинённого и прошу вас не препятствовать моим настоятельным требованиям о переводе означенного капитана для прохождения дальнейшей службы в подотдел «Запад» разведки Генерального штаба.

Фельдмаршал прищурил глаза.

– Довольно полное досье на означенного капитана. – Слушая похвалу военачальника, полков-

ник Сато удовлетворённо вскинул подбородок. – В вашей канцелярии, полковник-сан, признав чужие заслуги, забыли указать, что подчинённый мне капитан играет на сякухачи. – Нелепость замечания мигом слизнула самодовольство с полковничьей физиономии, сделав её похожей на сморщенную сушёную сливу. Промашка задаваки-полковника заставила фельдмаршала грустно улыбнуться своим потаённым мыслям. – Так случилось, полковник, капитан играет на бамбуковой флейте. – Фельдмаршал вздохнул. – Для пользы дела впредь попрошу вас, Сато-кан, и вас, Эмиро-кун, не забывать, что человека прежде всего характеризует его внутренний мир, а уже затем деловые качества!

– Позвольте, господин фельдмаршал... – Полковник Сато извлёк из папки заранее заготовленный рапорт и, щёлкнув каблуками, попытался подать его руководителю Главной инспекции боевой подготовки.

Как от надоедливой мухи, старый военачальник отмахнулся от бойкого полковника.

– Ладно, ладно – соглашусь! Но с одним условием, полковник. – Сато замер, преданно глядя в глаза Главному инспектору. – Я завизирую ваш рапорт о переводе, если увижу представление на присвоение капитану очередного звания. В противном случае мне в моём ведомстве самому позарез нужны молодые, энергичные, всесторонне развитые майоры. – И, выдержав паузу, Тэрати Масатакэ подвёл черту под затянувшейся аудиенцией – Я вас, господа, более не задерживаю! Можете быть свободными!

В приёмной Главного инспектора посетителей не было. Эмиро Эсами сдержанно раскланялся с полковником, прошептавшим ему на прощание:

– Играйте вне службы хоть на кото... мне без разницы, звуками арфы или флейты вы, капитан, терзаете слух домашних. До встречи в моём кабинете!

Никому больше не нужный, Эмиро подошёл к столу, за которым работал с документами адъютант фельдмаршала.

– Акацуки-коухан...

– Подполковник с вашего разрешения, капитан! – не отрываясь от срочных сводок, без

всякой интонации уточнил маленький невзрачный служащий.

Эсами поразился: «Ого, в каких чинах здесь служат делопроизводители!»

– Прошу меня извинить, господин подполковник...

Занятый сверх меры Акацуки замахал на него рукой, прося не отвлекать от чтения, однако, когда обиженный таким обращением капитан собрался выйти из приёмной, окликнул его:

– Сядьте и подождите немного, я сейчас доложу суточные сводки фельдмаршалу и займусь вами. Тем более что без меня вас, капитан, всё равно не выпустят из замка. – Через пару минут, прихватив нужные для доклада материалы, подполковник скрылся за массивными дверями начальственного кабинета.

По возвращении его лицо выглядело озабоченным.

– Хорошо, капитан, что я не успел вас проводить. – Взмолванный неизвестными обстоятельствами, Эсами обречённо ждал плохих известий: «Что ещё со мной могло произойти за столь короткое время после аудиенции?» – Фельдмаршал изволил сообщить вам о вашем новом назначении?

– В общих чертах!

Подполковник Акацуки привстал.

– Идёмте, я передам вас на попечение секретаря Общества изучения Востока.

– Общества изучения...

Неподдельное удивление капитана заставило сухаря Акацуки рассмеяться.

– Вы же сами, господин капитан, в письменном виде утверждали, что без ресурсов Сибири Япония не сможет завоевать полмира! – Эмиро Эсами насторожился. – Великая Япония полагается на ваше рвение! Вам предстоит вместе с сим обществом изучить все возможные пути решения этой проблемы...

В лицо капитана Эмиро бросилась кровь.

– Значит, прощай, Токио, – здравствуй, Владивосток?!

Подполковник подхватил:

– Чита, Иркутск, Новониколаевск! Не припомню, господин капитан... до Урала ещё есть населённые пункты?

Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Ртищевского района Саратовской области. Выпускник экономического факультета СЭИ. Работал в финансовых структурах, руководителем отделения миграционной службы.

Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2014». Член Союза писателей России. Живёт в г. Ртищево Саратовской области.

В дорожное окошко мне теперь уже
не достучаться.
А зелёная краска, словно листья, пожухла
на раме...
Я сюда вырывался – Боже праведный, каюсь! –
нечасто,
Говорил, улыбаясь: «Вот и я! Не ждала?
Здравствуй, мама!»

Ты уходишь всё дальше по дороге,
 где ходят и боги.
Я в сомненьях терзаюсь: «В жизни вечной тебя
 догоню ли?»

Ради слов несказанных: «Вот и я! Не ждала?
Здравствуй, мама!»

Глаза закрою – мнится мне:
Имба. Под низкой маткою
Тихонько зыбка в тишине
Качается лампадкою.

В истоке хлопотного дня
И ноченькой бессонною –
Там мама смотрит на меня
Божественной иконою.

Там ножками смешно сучу.
Сосу с пристрастьем пятки я
И «ма-ма, ма-ма» лопочу,
Слова такие сладкие!

А горько как: «Не забывай!...» –
Шепчу девчонке милой я.
И слово чёрное «Прощай!...»
Над маминой могилою...

Устал в иллюзиях парить,
Всё в мире ложью маzano.
Как трудно – Боже! – говорить,
Когда уже всё сказано.

Пред тем, как вырвусь из цепей
Земного притяжения –

Лишь не забыть бы у людей
Мне попросить прощения...

В избе небесной – свой порог,
Путь Млечный – мгlistой маткою,
А месяц-зыбка, видит Бог,
Качается лампадкою...

КУЛЁМА

Фотографий на стенке немало:
Мать, отец, муж, невестка, сынок...
И все видели: снова упала,
О родимый споткнувшись порог.

Как, заплакав от старческой боли,
Утешала себя: «Невзначай».
А надысь – вместо сахара соли
Намешала в малиновый чай.

Для неё не осталось опоры.
Всё зовут за собой облака.
Сердцем чувствует старая: скоро
Сын приедет за ней. А пока...

Не сидится без дела кулёме
(Так себя, упрекая, зовёт).
Посшибала траву возле дома,
Дескать, тут ещё кто-то живёт.

Телефон... Сразу сбилось дыханье.
«Не дозвонишься? Как до Кремлю!
Как я тут? Да всё отдыхаю,
Телевизор смотрю да дремлю...»

Затуманилось сердце надеждой,
Что не скоро уедет, хоть впрок
Припасла чёрный узел с одеждой
И землицы родной узелок...

За чужие ль грехи или просто,
Что душою уж больно светла –
Бабка мимо родного погоста
На чужбину свой крест пронесла...

ЖУРАВЛИНЫЙ РОМАНС

Солнце. Тишь. Прохлада
Над рекой и полем.
Цвет губной помады
Поменяли зори.

Горизонт в корсете
Серебристой дымки.
Паучки, как сети,
Тянут паутинки.

Синь небес латает
Облаками осень.
Тёплый вечер. Стаи
Листьев бьются оземь.

Над рябиной рыжей,
Над дорогой длинной –
Плач романса слышен
Скрипки журавлиной...

ЗИМНЕЕ УТРО

Солнечно ли, пасмурно иль вьюга –
Всё равно в семье заведено:
По утрам, похлопотав, супруга
Открывает в зимний мир окно.

На рябине ждут уже синицы.
Воробьи – на сушке бельевой.
Сытный корм зимой им только снится,
Впроголодь летают день-деньской.

И отлив становится кормушкой.
Отдыхает авитаминоз:
Семена подсолнечника, крошки,
Сало, рис, пшеница и овёс.

И свои права, душе на радость
С птичьими правами уравнивая,
Жду, когда же наконец отрада
Своего накормит журавля.

Не замедлит «скатерть-самобранка».
В дверь стучатся. За порогом, глядь,

Снегирихой юная цыганка
Просит тихо что-нибудь подать.

Хлеба, сала, денег – всё дал в меру.
Посулила отдых на Бали.
Я-то думал, что пенсионеру
Пенсию «в кормушке» принесли.

Воробьи вытягивают шейки,
Глядя с удивлением в окно.
Улетели. Я читаю «...Швейка»,
Только отчего-то не смешно...

ЧЕРНОБЫЛЬНИК*

*Вот моя деревня;
Вот мой дом родной...
Иван Суриков*

*...И на Марсе будут яблони цвести.
Е. Долматовский*

Спит в степи забытая деревня.
Синь над ней мнут облаков стада.
Там в садах засохшие деревья,
И везде полынь да лебеда.

Заросли тропинки и дороги.
А среди померкших очагов
Бродит дух попённого налога
И его сородичей – пеньков.

Там теперь мой старый добрый садик
Не в цвету весною, а во мгле.
И на Марсе яблони посадят,
Но зачем их гробить на Земле?!

Остров нежилой средь моря пашен.
Не открытые ждёт его – покой.
И никто отсюда не помашет
Осенью журавушкам рукой.

Эти «перегибы-недогибы»
Затянули – не вздохнуть – ремень.
С головы гниёт, вестимо, рыба,
А держава – с бедных деревень.

Дом над прудом... Садик... Не забыл их.
Вновь добрался до родимых мест.
Тишина окрест и чернобыльник –
Мой Чернобыль, боль моя и крест.

ЗВЕЗДА АНТАРЕС

Когда, случилось, тело и душа
По жизни неприкаянно скитались –
Из бездны тишины, чуть-чуть дрожа,
Смотрела на меня звезда Антарес.

И ощущалось с юных лет душой,
Звезды холодным светом опалённой,
Что я рождён под странную звезду
Далёкого созвездья Скорпиона.

Давно покинул звёздный я порог...
Случалось, шёл по жизни спотыкаясь.
А было – брёл и вовсе без дорог,
Любя-страдаю, ненавижу-каюсь!

Не упрекну Антарес никогда.
И, глядя ввысь, шепчу я в час бессонный:
«Благодарю, заветная звезда,
За доброту и нрав твой непреклонный».

Когда в последний раз я упаду,
Уставясь в синий купол небосклона,
В моих глазах увидите звезду
Далёкого созвездья Скорпиона.

И, разрезая темь и синеву,
На блеск светил сапфировых не зарясь,
Я в мареве межзвёздном уплыву
К звезде с прекрасным именем Антарес...

СТАРЫЙ ДОМ

Всё тебе непривычно кругом.
Осмотришься. Улыбнись. Не спеши.
Ты вошла осторожно в мой дом,
Старый дом одинокой души.

Ставни окон, как веки, открой.
Здесь не смерть – летаргический сон.

* Чернобыльник – полынь обыкновенная.

Здесь давно не живёт домовой:
Как и я, всё скитается он.

Серых дум облака разгони.
Ты поплачешь потом, а пока
Паутину повсюду смахни
Бедным венником из полынка.

Окна тёплой водою умой.
Приберись. Отдохни. И, как знать,
Может быть, не случайно в трюмо
Голубую увидишь тетрадь.

И на росной забытой заре
После светлых бессонных часов,
Как в Дивеевском монастыре,
Окунись в мой источник стихов.

Ранним утром, халатик надев,
Ты сойди потихоньку с крыльца
И послушай щемящий напев
Развесёлого раньше скворца.

Этой грустью прошита вся Русь.
Не пугай ты его, не тревожь:
Я сюда никогда не вернусь,
Да и ты – погостишь и уйдёшь...

ПАМЯТЬ

Вечер... нить... веретено...
Кот... цветок алоэ...
Клуб... индийское кино...
Счастливы герои...

Шорох... тихие шаги...
Ветра тайный шёпот...
Блеск серебряной реки...
Аромат укропа...

Чувств беспечных детский всхлип...
Сердца трепетанье...
Стук в окошко... двери скрип...
Первое свиданье...

Память... вид издалека...
На столбе афиша...
Двадцать коп. из кошелька...
Стук в окошко...
Слышишь?

ЗВЁЗДНЫЙ БУКЕТ

Это имя добром поминал я всегда,
В день веселья и в грустный свой час...
Нашей встречи с тобой полыхнула звезда –
Вот и вспомнил Радетель о нас!

В тихий вечер у звёзд голубых на виду
Растревожат покой соловьи...
Я тебе подарил бы, как прежде, звезду,
Только звёзды теперь не мои.

И с тобою такой я почти не знаком.
Снова влюбишь? Наверно, уж нет.
А ромашки тебе я нарвал с полынком –
Это, видно, мой звёздный букет.

Он к твоей прикасается робко груди,
Как и я прижимался не раз.
Не грусти: будем вместе на Вечном пути,
Только жизнь эта станет без нас.

Скоро снова зажжётся разлука-заря –
Растворяются звёзды, как дым.
И, за позднюю встречу друг друга коря,
«Слава Богу!» – Ему говорим.

В тихий вечер у звёзд голубых на виду
Растревожат покой соловьи...
Я тебе подарил бы, как прежде, звезду,
Только звёзды теперь не мои.

Алексей УЛЬЯНИЩЕВ

ДЕВИЧЬЯ ГРУСТЬ

Лето 1954 года. Первый раз приехал в незнакомый мне городок поступать в Плодоовощной институт. Раннее утро. На привокзальной площади кругом цветники, в центре большой розарий. На лепестках роз блестят капли воды, то ли от росы, а может, и от ночного дождика, но смотрелись они, как рассыпанные бриллианты. Необычно тихо. На площади ни души, и не у кого спросить, как мне добраться до института. Ни такси, ни возчиков на бричках не было. Да и сошёл-то я, как мне показалось, один на этой станции. Пошёл по главной улице. Дома все дореволюционной постройки. В городе чисто и пахнет утренней свежестью и цветами. За памятником Ленина – сплошное море роз в сквере среди улицы. Вышел на широкую площадь с памятником Мичурина. И опять цветущие розы. Это не город, а сказка! Так мне казалось в то время. В стороне увидел институт. В сквере вдоль аллеи к институту – плодоносящие яблони, увешанные зрелыми плодами. Через дорогу мемориальный комплекс могилы Мичурина с колоннами из серого мрамора.

Наконец открыли двери института. По красивой лестнице поднялся на второй этаж. Стою у доски объявлений приёмной комиссии. В вывешенном списке абитуриентов ишу себя.

Рядом пристраивается русский парень в белой с вышивкой рубашке-косоворотке, подпоясанной ремнём, в коротких узких штанишках. На ногах потрёпанные ботинки.

– Ого! Ничего себе! – сказал парнишка, глядя на список. В нём было больше 1200 фамилий, и все по алфавиту. Уже на другой день от местных абитуриентов мы узнали, что каждый год на плодовоощной факультет принимают по 120 человек. Это получается, что на одно место 10 человек?

Второй раз я столкнулся с этим парнем в подвале мужского общежития, где каждый получал матрац, подушку и одеяло. Постельного белья уже не было. Здесь я более внимательно рассмотрел этого парня. В нём было что-то от Серёжки Есенина, такой же русский чуб, похожие глаза, но губы были тонкие, невыразительные. И всё равно он чем-то напоминал Есенина.

– Ты случайно не рязанский? Не родственник Серёжке Есенину? – спросил я.

– Я бы рад с ним породниться, но я из Смоленской области.

Мы познакомились. Его звали Ваня Казаков.

Разместили нас на полу спортивного зала школы, которая располагалась недалеко от общежития, рядом с мельницей по улице Гагарина. Кинули матрацы на пол, личные вещи

сдали в камеру хранения здесь же, в школе, а сами пошли гулять по городу.

Приходим, а рядом, с другой стороны от меня, лежит на таком же голом матрасе высокий красивый парень. Волосы тёмные, слегка курчавые, нос прямой, очень красивые губы, вообще красавец парень. Это был Генка Лушников, и приехал он, если мне не изменяет память, с Поволжья.

Так мы трое подружились и вместе готовились к экзаменам, вместе ходили питаться в студенческую столовую, а вечерами выходили побродить по городу, посмотреть на девчонок.

Штудировали все предметы в двух пустых классах школы. Ваня нас «натаскивал» по русскому языку и литературе, Генка прекрасно знал биологию и нас консультировал, а я помогал им двоим решать задачи по физике. Ещё весной в местном своём университете купил сборник задач для поступающих в вузы. Эти задачи летом почти все решил, а сейчас делился с ребятами.

После сдачи первого экзамена, а это было сочинение, мы, уставшие, опустошённые, пошли гулять по городу. Идём по улице Карла Маркса вдоль ограды коллекционного сада, и Генка толкает нас локтем в бок.

– Вы поднимите глаза и посмотрите на балкон! Какая чудная, небесной красоты девушка!

Мы остановились как вкопанные. Такой красотой можно любоваться без конца. Ей было 17–18 лет, не меньше, но возраст у девушек определить трудно. Волосы светлые с дымчатым отливом. Глаза большие, немного выпуклые и ярко-голубого цвета, брови чёрные и по краям приподняты навзлёт, ресницы длинные, загнутые вверх и тоже чёрного цвета, нос прямой, аккуратный, губы алые, выразительные. В её лице не было ни малейшего изъяна. Шея высокая и тонкая, как у царицы Нефертити. На плечи накинута капроновый шарф с красивой вышивкой. Но всё её лицо выражало грусть, тоску, как будто у неё было горе на душе. Эта скрытая грусть передалась даже нам. При такой красоте надо радоваться жизни, а её глаза выражали скорбь и отрешённость.

В старину бытовало мнение, что у девушек существует особое чувство, которому ещё,

пожалуй, точного названия нет, – замирание сердца перед неизвестным будущим. При этом им бывает грустно, они чего-то ждут, а сами не знают чего. Может, и нашу красавицу одолевало это странное чувство?

Мы решили отвлечь её от мрачных мыслей, попытаться развеселить, чтобы увидеть её улыбку, удовлетворение и даже радость в глазах. Ваня, как наиболее опытный в общении с девушками, начал развлекать её разговорами.

– Разреши, красавица, нам поговорить с тобой?

Девушка молчала, только моргала своими длинными красивыми ресницами.

– Посмотри, какая хорошая погода. Вечерняя заря окрасила всё в сказочный свет. Ну что ты сидишь на балконе? Выходи на улицу. Смотри, сколько симпатичных ребят гуляет вокруг, покажи свою красоту, не стесняйся, доставь удовольствие на тебя смотреть, ведь это приносит радость, и хочется жить, когдамотришь на красивую девушку!

Смотрим, наша красавица заволновалась, глаза стали излучать синий свет, она покраснела и стала ещё симпатичней. А Генка продолжал:

– При такой красоте у вас должен быть гибкий и тонкий стан, высокая грудь, и вся вы, как богиня, будете смотреться на улице...

Такие разговоры мы с ней проводили два или три вечера. Но наша красавица молчала и ни разу нам не улыбнулась.

– И всё же мы тебя когда-нибудь рассмешим, и ты улыбнёшься нам, – сказали мы в последний вечер.

На следующий день мы решили ей спеть серенаду. Я с собой привёз гитару из Воронежа, мне её подарила сестра после успешной сдачи выпускных экзаменов. Нот я, конечно, не знал, но быстро научился подбирать на слух любую песню. У нас троих оказались неплохие голоса: у Генки сочный бархатный баритон, у Вани тенор, а у меня ещё не сложившийся мягкий баритон. Мы уже несколько раз ходили по городу и пели песни втроём, и ребята говорили, что у нас неплохо получалось. Тогда вся страна пела в прогулках по городу, на отдыхе, дома во время работы.

В дни нашей юности культовыми фильмами были «Кубанские казаки» и «Свадьба с приданым». Вот из последнего фильма мы и решили спеть куплеты Курочкина. Фильм вышел на экраны в 1953 году, и песни из него все пели на улице. Это была серенада на советский лад, но другой мы не знали.

Подожли к балкону. Наша красавица, как всегда, сидела с потухшим взглядом. Генка и Ваня встали на одно колено, а я – в центре с гитарой, и запели:

*Хвастать, милая, не стану –
Знаю сам, что говорю.
С неба звёздочку достану
И на память подарю...*

*Я тоскую по соседству
И на расстоянии.
Ах, без вас я, как без сердца,
Жить не в состоянии!*

Мы ещё не успели допеть до конца, как со двора выскакивает мужик, весь чёрный, заросший волосами, даже на распахнутой груди заросли из волос. Глаза жгуче-чёрные и злые, нос с горбинкой, говорит по-русски, но с небольшим армянским акцентом. В руках двуствольное ружьё, и на ходу возводит курки.

– Сейчас же отойдите от балкона и идите своей дорогой. Больше к балкону не подходить, не петь песен и не вести никаких разговоров, а иначе буду стрелять. А ты, – он обратился к девушке, – марш в свою комнату и не выходи больше на балкон!

– Ты что, мужик, мы же с добрыми пожеланиями?! Ну как не полюбоваться такой красотой? – обратился к нему Иван.

– Любуйтесь своими девушками, и нечего глаза пялить на чужих! – Потом более спокойным тоном продолжил: – Да поймите же, она волнуется, плохо спит ночами, начала разговаривать во сне. Вы влезли в её душу, а ей это совершенно не нужно!

Последующие три или четыре вечера красавицы не было. Мы приуныли: значит, ей запретили сидеть на балконе. И кем она ему

приходится? Племянница, приёмная дочь или какая-нибудь дальняя родственница? Но дочерью такого орангутана она точно быть не может.

Мы уже сдали все экзамены, вывесили списки зачисленных абитуриентов. Ура! Мы все успешно прошли экзамены и стали студентами. Только Геннадий не добрал двух баллов на плодовоощной факультет. Он очень расстроился и подал заявление на агрономический факультет, на котором конкурс был в два раза меньше, чем на плодовоощном. Его зачислили с этими баллами на специальность агронома общего профиля.

Завтра мы собирались разъезжаться по домам. На радостях выпили и пошли проститься с городом и с ребятами, которые тоже любили вечером погулять. Проходим мимо балкона, а наша красавица сидит и, чувствуем, ждёт нас. Мы подошли поближе и слышим её голос:

– Ребята! Спойте для меня что-нибудь!

А голосок такой нежный, без акцента, немножко протяжный, но приятный и ласковый. И мы неизвестно с чего запели кавказские частушки, в то время они были модные и выпускали пластинки с ними в исполнении П. Лещенко.

*...На Кавказе есть гора самая большая,
А внизу течёт Кура, мутная такая,
Если на гору залезть и с неё кидаться,
Очень шансов много есть
С жизнью расстаться...*

– Нет! Нет! Ребята, не то! Спойте мне что-нибудь романтическое, про любовь. Вы не бойтесь, папы нет дома, он придёт нескоро.

Мы опешили, этот орангутан – её папа?! Как же так? Как вышла такая небесная красавица у этого безобразного, похожего на обезьяну мужика? Только через двадцать лет я узнал от одного армянина, что коренные армяне все были светловолосые, с голубыми глазами. Это при Османской империи турки изменили наследственность, перемешали кровь истинных армян, и они почти все стали черноволосые. Только высоко в горах сохранились коренные армяне. Значит, мать её была именно из тех мест.

По её просьбе мы спели красивую песню о любви из кинофильма «Свадьба с приданым»:

*На крылечке твоём
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим
И расстаться не можем на миг...*

*И сады, и поля,
И цветы, и земля,
И глаза голубые,
Такие родные твои...*

*Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда,
Никогда разлюбить.*

Девушка вся расцвела, глаза стали ярко-синие и излучали какой-то свет, как нам казалось. Радость светилась в её глазах. Губы что-то шептали, может, она нам подпевала, но мы, конечно, не слышали. Её милая детская улыбка не сходила с лица, она вся светилась. Мы не ожидали, что эта песня ей так понравится.

– А сейчас, красавица, – сказал Ваня – я расскажу тебе чудесное нежное стихотворение Серёжки Есенина. Ты не возражаешь? Ты знакома с поэзией Есенина?

Она от волнения ничего не могла сказать и только кивнула головой в знак согласия.

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда...*

Смотрим, улыбка с лица девушки исчезла, глаза потухли, губы мелко задрожали и она вот-вот заплачет. Но Ваня ничего этого не видел. Он в экстазе, с большой душевной теплотой продолжал читать.

И тут случилось непредвиденное. До этого момента была тихая безветренная погода. И вдруг налетел порыв ветра. Её капроновый шарф подняло с плеч вверх, и он вот-вот должен был улететь с балкона. Красавица вскочила на ноги, подняла руки вверх, вскрикнула «Ой!» и бегом умчалась с балкона. Шарф медленно опустился нам под ноги. А мы стояли в оцепе-

нении. Левая рука у неё была, как у двухлетнего ребёнка, маленькая и недоразвитая. Пальчики растопырены и смотрят в разные стороны. За что же Бог её наказал? Создать такую нежную, прекрасную с лица девушку и одновременно наградить уродливой рукой! Как несправедливо и обидно. Нам стало её очень жалко.

– Давайте для неё сделаем что-нибудь очень хорошее, – предложил я.

Ваня сказал:

– Я напишу прямо сейчас доброе, хорошее стихотворение.

Он нам раньше читал свои стихи. Мне они очень понравились. Через два часа он прочитал стихотворение, посвящённое этой девушке. Я его не могу вспомнить дословно, но смысл заключался в том, что и к ней придёт возлюбленный, что она будет счастливая и будут у неё дети такие же красивые, как и она.

Генка Лушников предложил ей подарить большой букет роз. В него мы вложим стихотворение и перевяжем её шарфом.

В два часа ночи мы перелезли через ограду городского сада со стороны школы и срезали почти все розы в цветнике, прилегающем к этой ограде. Тогда в городском саду было два розария: один около школы, второй на том же месте, где и сейчас растут розы.

Рано утром, как только рассвело, мы кинули подготовленный букет на балкон и пошли спать. Больше мы этой красавицы никогда не видели. Мы даже не узнали её имени.

Р. S. Ваня Казаков – известный селекционер, доктор с/х наук, профессор, академик РАСХН.

Геннадий Лушников – доцент, кандидат экономических наук. Но в душе оставался приверженцем плодоводства, дизайнером декоративного садоводства, большим любителем виноградарства.

Алексей Ульянищев – профессор, соавтор пяти учебников и учебных пособий, двух учебных фильмов для высших и средних учебных заведений, двух монографий. С 79 лет написал и издал четыре мемуарные книги по истории своей семьи.

МОСТ НАД АВАЧИНСКОЙ БУХТОЙ

Я понимаю, что мост этот не для меня,
Мне по нему не уйти от дождей и тумана.
Капли стучат и стучат, о железо звеня.
Мост разрушается призрачно и неустанно.

И слёзы, пролитые веком,
Сияют в золоте венца,
И с каждым русским человеком
Я выпью чашу до конца.

Я СТРОИЛ МОСТ НАД РЕЧКОЙ...

Я строил мост над речкой
В далёком Сыктывкаре,
И дружески морозы
Ладонь мою сжимали.
Пурга брала за плечи
И пьяно напевала,
И как-то по-собачьи
Вдруг в нос поцеловала.
Из бороды сосульки
Выдёргивал я с матом:
Когда завербовали,
Я был чуть-чуть поддатым.
Потом привык к сосулькам
И вместе с коллективом
Я грелся у буржуйки
В беседах с позитивом.
И будущие зэки,
И те, что оклемались,
Про результат работы
Почти не сомневались.
Конструкции из стали
Ещё лежали грудой,
А сны про арматуру
Запоминались трудно.
И швеллер пятитонный
Подтаскивая снизу,
Словами объяснялись
Мы только из каприза.
Как зелень, пробивались
Бутылки из-под снега,
И всполохи от сварки
Побили их с разбега.
На перекурах тема
Была про «в город, к бабам»,
А снег то прекращался,
То под прожектор падал.
И я, борясь с фуфайкой,
До вшей заледеневшей,
Про то же, в общем, думал,
Не говоря, конечно.
И вышедшим на смену
Под ковшиком хрустальным
Замену всех радостей
Был ломик персональный.
Нарядные проценты

Срезая нам украдкой,
О гордости строителя
Нам говорили гладко.
Но, глядя на махину,
Что лёд ломала в речке,
Я попрощался с нею
Почти по-человечьи.

ФИЛОСОФСКОЕ...

Жизнь течёт без оглядки на лица,
Позвонишь... а его уже нет.
Изменяется наша столица,
В мае все спортивных побед.
То мы делаем всё, «как в Европе»,
То Китай нам объятья раскрыл!
В мае снег, батареи не топят,
Но снабжает рязанский нас тыл.
И листаю я книги поэтов,
Чьих имён не открыла «ЛГ»:
Суется под звон минаретов
И достоинства ищут в ЕГЭ.
Всё меняется ради чего-то,
Кто-то знает, как надобно жить:
Не откроют вам план «ни на йоту»,
Но вокруг будут низко кружить...
И мерцающим звёздам вопросы
Задаю, и мигают в ответ.
И рождаюсь я вновь, как философ,
Рано умерший всё ж, как поэт.

БЕЗЖАЛОСТЛИВОЕ...

В этой стране ты не знаешь, который сейчас час.
В этой стране, что случается, всё не для нас.
В этой стране снег до дьявола ангельски чист.
В этой стране президент, без балды, оптимист.
Вот мне по радио про светофоры твердят.
По телевизору видно, как устриц едят.
Кто-то на флейте играет крысиный мотив.
Столько же, как и метро, стоит презерватив.
В этой стране все копейки лежат на полу.
В этой стране превращаются книги в золу.
Здесь же рабочий с завода унёс пулемёт,
Но за забором Рублёвки таджик лишь живёт.
Падает снег на дорогу, ментов, провода.
Едешь куда-то, а спросят – не знаешь куда.

И аритмия в анамнезе стрелки часов,
Как эпидемия в хоре звучащих басов.
Глядя на снег, ты не спросишь, откуда летит.
Ставишь вопросам диагноз: склероз иль рахит?
Смотришь на доллар, в ответ он мигает, любя.
Доллар не жалко, и даже не жалко себя.

ЗАЯЧЬЯ БАСНЯ

Пришёл к Медведю как-то Заяц,
Превозмогая в лапах дрожь:
– Есть у меня проступки, каюсь!
Но ты ведь мудрый! Ты поймёшь!
Ведь что у нас в лесу творится?
Скажу я только пару фраз!
Обманет рыжая лисица,
Пугал нас серый волк не раз.
Стучит по дубу старый дятел,
Так, что трясётся голова!
Бобёр совсем, наверно, спятил,
Всё пилит для себя дрова.
Ёж колет всех, кого ни встретит,
И долго всем шипит вослед.
По головам ворона метит,
Других как будто мало бед!
Как жить в подобной обстановке?
Как пятерых растить зайчат?
Хоть беспокоить Вас неловко,
Но кочерыжки-то горчат!
Медведь, ворочаясь в берлоге,
Ответил зайцу не спеша,
А тембр низкий был и строгий
(Тут вмиг скукожилась душа):
– Твои проблемы мне бы в лапы,
И я б их вмиг упаковал!
Волк ходит, говоришь, поддатый?
А ты залезь на сеновал!
Хитрит бесстыжая лисица?
Так у неё весь род таков!
Но в сказках к месту, пригодится,
А как же жить без дураков?
Меня избрали вы всем лесом
И над зверьём мне дали власть!
Я управляю здесь прогрессом
И чётко различаю масть.
Но я за всякою вороной

Гоняться в чаще не могу,
Тут, если ночью слушать стоны,
Захочется сбежать в тайгу.
Я до весны здесь лягу в спячку,
И ты меня уж не тревожь.
Зачем сейчас пороть горячку?
Ищи в полях под снегом рожь...
Придёт весна, проснусь и сразу
Займусь вопросами всерьёз!
А вот про рыжую заразу
Расскажешь зимний мне курьёз.
Ну всё... иди, уж замечает...
Кружа меж ёлок и берёз,
Запрыгал Заяц, мыслью тая:
«Осталось пережить мороз!»

В чём басня? – враз спросили дети.
И я не смог им дать ответ.
Здесь нет «трагедий Капулетти»,
А лишь от зайчиков привет.
Затем мне позвонил приятель
И стал учить: «Трудись как вол,
Бездарный ты изобретатель
Нигилистических крамол.
Придумай басне окончание
И сформулируй в нём мораль,
Что главное – не впасть в отчаянье,
А там уж близок и февраль.
Не актуальны плагиаты,
Что были изданы давно!
Остались жаркие дебаты
Лишь в целлулоидном кино.
Прогресс шагает по планете
И так уже зажал в тиски,
Что скоро даже в интернете
Исчезнут лишние мазки!»
И, огорчённый до предела,
Я вывожу, итожа труд:
До зайцев нет природе дела!
И график популяций крут.

Синее море

Ульяна КОРЧАГИНА

Данька стоял у самой кромки воды и смотрел на море. Оно было бескрайним и переливалось за горизонт. Там, где море встречалось с вечерним небом, вода казалась фиолетовой, потом, чуть ближе, светилась, словно нарисованная, полоса ярко-синей воды, ещё ближе – зеленоватая полоса. У ног же море шипело, как газированный напиток, пытаясь дотянуться до Данькиных сандалий, и обиженно пятилось, не получив желаемого, забирая с собой только круглые, глухо постукивающие друг о друга камешки. Поверхность уходящей волны была разрисована причудливыми пенными иероглифами. Потом, выждав и будто собравшись с силами, море набегало снова и с шипением обнимало ноги мальчика. Данька отпрыгивал и опять замирал, не в силах оторвать глаз от бескрайнего живого пространства воды. «Большое, какое же оно большое, это море, – думал потрясённый мальчик. – На реке, на озере или даже на водохранилище всё не так, там вода спокойная, а здесь – живая».

– Что, москвич, очкуешь?

Данька вздрогнул и обернулся. За спиной стоял, криво улыбаясь, Макар Соболев – худощавый мальчишка лет тринадцати, ставший в

прошлом году чемпионом Санкт-Петербурга, а потом, кажется, даже России. Теперь его кривая ухмылка светилась со всех календарей, которые щедрой рукой раздавала Федерация парусного спорта. Макар презрительно хохотнул и резко вскинул голову вверх и влево, отчего его длинная косая чёлка взлетела и снова опустилась светлой волной на лоб.

– Понаприедут... пешеходы!.. – презрительно хмыкнул он и вразвалочку прошёл мимо, не уделяя больше Даньке своего звёздного внимания.

Даниил Ромашов с неполных семи лет занимался парусным спортом, но за два года ездил всё больше по местным соревнованиям Москвы и Московской области. Он уже давал неплохие результаты и занимал места, но исключительно на пресных водоёмах. Академия же парусного спорта, основанная в Санкт-Петербурге, готовила своих спортсменов на Балтийском море, где мальчишки учились преодолевать и ветер, и волны, занимаясь даже в штормовую погоду.

Чего греха таить, море пугало своей масштабностью, непредсказуемостью и глубиной.

Данька сунул руки в карманы и, загребая сандалиями мелкие камушки, с притворным оптимизмом отправился в корпус гостиницы.

Следующий день для юных спортсменов начался в семь утра. Позавтракав, мальчишки приготовили гидрокостюмы, перчатки, привязали свои кепки и солнечные очки верёвочками, чтобы не дарить морю, и, прихватив спасательные жилеты, двинулись к лодкам.

С утра море выглядело тревожным, даже сердитым. Ветер, холодный и рваный, гнал из-за горизонта облака. Они клубились по небу, сталкиваясь и образуя горные цепи. Солнце показывалось временами, но было слабым и каким-то безжизненным. Зато вода стала как будто темнее, плотнее. Первобытной силищей дышала она, поднимая свои тяжёлые волны и скалясь на ребят белыми барашками пены. Данька почувствовал лёгкую дрожь, пробежавшую по его спине и замершую в коленях.

На обязательном параде открытия главный судья, лысеющий немолодой дядька, советовал спортсменам и их тренерам адекватно оценить собственные силы и опыт хождения в такой ветер... «Кто не готов – можно остаться на берегу, сегодня это не позорно», – говорил он с высоты своего многолетнего морского опыта. Но ни один спортсмен не смог отступить. В этом ведь и заключается парусный спорт – противостоять стихии в любую погоду. «Конечно, пойду, – думал Данька, нервно почёсывая лохматый затылок, – не для того приехал, чтоб на берегу торчать».

Полчаса на вооружение: установить мачту и парус, надеть гидрокостюм и спасательный жилет, – потом расписаться в журнале отбытия, по которому после гоночного дня посчитают прибывших на берег детей, и вот оно, море, – уже под белым сияющим днищем маленького и быстрого швертбота «Оптимист».

К линии старта отошли на довольно большое расстояние, во всяком случае, люди на берегу стали не больше блошек, а гостиница – не больше коробка из-под спичек. Данька то и дело проваливался в ямы между волнами. Это было одновременно захватывающе и страшно. Сверху над ним нависали водяные скалы, отливающие на просвет зелёными оттенками и увенчанные

сверху гребешками бурлящей пены. Волна в море была совсем другая, не то что у берега, – неровная, рваная, непредсказуемая.

На главном судейском судне дали первый сигнал и задёргались флаги – процедура старта началась. Лодки зашевелились, затолкались, занимая выгодные позиции. Тут же послышались крики: «Не дави!», «Ты меня вытолкал!», «Протест!».

Данька умел стартовать. Он обладал хорошим глазомером, позволяющим мысленно рисовать чёткую грань стартовой линии, за которую нельзя было высовываться, рискуя нарваться на «чёрный флаг». Он установил обратный отсчёт на своих часах и стал ждать, удерживая занятую позицию. Прозвучал сигнал открытия старта.

С первых минут стало везти. Справа из-за судейского судна шёл порыв. Данька увидел его на воде. Она стала тёмной и как будто шагнутой. И когда вся толпа взяла длинный галс к знаку, Данька ушёл вправо, куда двигалась «чёрная вода». Поскольку в море ветер редко дует в постоянном направлении, во время гонки надо уметь использовать каждый его заход, чтобы хоть недолго, но пройти круче – выиграть высоту, как говорят яхтсмены. Порыв шёл незаметно, но быстро. Данька повернул, подобрал шкоты. Одна секунда, две, три – и вот он, порыв! Здесь мальчишка резким движением вывесил свой корпус из лодки, рванув ногами ремни. Швертбот накренился на левый борт. Парус набрал ветер, надулся, как кожа на барабане, и вынес его вперёд! «Оптимист» превратился в спортивный снаряд. Данька выжимал скорость, держа рулём и ремнями лодку в положении «на боку». Сцепление с водой стало минимальным, и швертбот почти летел над водой. Вот это удача! Первый знак приближался с невероятной скоростью. Гонщики один за другим оставались позади. Ребята кричали, закрывали друг другу ветер, кренили лодки, но не могли выжать из них нужную скорость. Данька грамотно обогнул знак, подтравив парус, выдернул шверт и, снова натянув шкоты, стал держать курс на второй «оттяжной».

«Оттяжной» знак, роль которого выполнял старый оранжевый буй, находился

на значительном расстоянии от первого. Его специально поставили так, чтобы растащить флот по акватории, дабы гонщики не мешали друг другу встречным движением. Очень важно здесь было сохранить преимущество перед противниками. Ноги в ремнях болели от напряжения, живот превратился в камень, мышцы затекли, но Данька терпел.

Отрыв от основной массы гонщиков стал довольно большим. Впереди были только пара лидеров: Макар Соболев и девочка из местного клуба. Но уже спустя минуты три девчонка начала сдавать позиции и оказалась позади Даньки.

– Гикоттяжку подбери! – крикнул ей Данька, пролетая мимо. «Стопор, что ли, у неё не держит?..»

Глиссировать вдоль крупной волны – непередаваемое удовольствие! Фонтаны солёной воды бьют из-под рулевого пера, брызги клюют лицо, скорость, как на «Формуле-1»! Сердце у мальчишки заходило от восторга, кровь кипела от адреналина. «Так бы и до Турции долетел, – думал Данька, – вышел бы на берег: "Здорово, турки! Хаю ваше ду ю ду?.."»

«Оттяжной» приближался. В сильный ветер поворот фордевинд, необходимый на этом знаке, повернуть было совсем непросто. Можно получить по шее металлическим гиком при перебрасывании паруса, или шкотами, или вообще перевернуться! Макар пролетел поворот мастерски. Данька катился за ним следом с волны, как на санях. На такой бешеной скорости он совсем не ощущал давления на парус, и тот без труда перекинулся на другую сторону. Всё! И этот знак пройден! Правда, ветер дул теперь в спину, и маневрировать парусом стало сложнее.

Макар не привык оглядываться. Он знал, что он первый. Он смотрел вперёд, на следующий знак, ведь здесь только один победитель. Каково же было его удивление, когда рядом с собой он увидел вихрастую голову и смуглую физиономию вчерашнего салаги-москвича. Лицо его перекосило. Он сунул ноги в ремни и, развернувшись вдоль швертбота, начал раскачивать его, то подтравливая, то подбирая шкот. Это было против правил, но лодка его стала продвигаться вперёд довольно быстро. Данька

завертел головой в поисках ампайров, которые смотрят за дисциплиной на воде. Но катер с ними задержался ещё на первом знаке, спасая перевернувшихся ребят.

Отрыв, однако, между Макаром и Данькой, несмотря на усилия лидера, медленно, но верно сокращался. Данька был легче своего противника, и это давало ему преимущество. Он накатывал с подходящим сзади ветром, закрывая его Макару. До знака было ещё далеко, но, отыгрывая метр за метром, Данька всё же обогнал противника!

Поменявшись местами, Макар, как опытный гонщик, мгновенно взял Данькину тактику, вставая в корму и прикрывая ветер. В штормовую погоду на попутном курсе сила ветра почти не ощущается, и «в пылу сражения» Данька потерял осторожность. Он решился качнуть пару раз свой «Оптимист», чтобы отыграть поломанный Макаром ветер, но, получив небольшой импульс, швертбот то ли на подошедшей волне, то ли на внезапно подкравшемся заходе выпрыгнул из-под Даньки, как скользкое мыло, и накрыл сверху своего капитана. В ушах загрозотали воздушные пузыри. Мимо с шипением пролетела лодка Макара, чудом не зацепив противника. Холодная вода медленно начала затекать под неопрен... «Приехали!..»

Оказавшись в воде, Данька не испугался. Нет. Во-первых, всё произошло очень быстро, и шоковая терапия работала. Адреналин всё ещё мешался с кровью. Во-вторых, он уже не раз переворачивался и оказывался под лодкой. А в-третьих, страх пришёл позже.

Когда Данька перевернулся, глаза его оставались открытыми, и он с удивлением обнаружил, что вода внутри моря такая же силенозелёная, как и снаружи. «Вот так видят свой мир рыбы», – некстати подумал он. Под водой было удивительно. Сверху мутным покрывалом опускался свет. В нём медленно и неторопливо покачивали щупальцами студенистые медузы, похожие на сгустки белого комковатого тумана. Чёрные тени странными и пугающими силуэтами шевелились внизу справа и слева от него. Там, в непостижимой мутной глубине, таилась невидимая жизнь.

Мальчик вынырнул у правого борта лодки. Шкот оставался в руке. Это было главное – не потерять шкот, иначе лодку унесло бы первой же волной... «Спокойно, – сказал себе Данька, – всё под контролем». Но всё не было под контролем. С поверхности воды волны казались невероятно большими. Они то увлекали его вниз, в глубину, то поднимали на свои горбатые спины. Они казались живыми, эти волны, живыми и страшными. Откуда-то вдруг пришло осознание, что берег далеко, очень далеко, а внизу, под ним, – невероятная глубина, и он над этой глубиной висит один, как паучок на невидимой ниточке, такой хрупкой и тоненькой, что даже непонятно, за счёт чего он держится. И как мало нужно, чтобы эту ниточку оборвать. Жар ударил в голову. Сердце сжалось в холодных тисках ужаса. Данька стал дышать на счёт «три», как при беге: «раз-два-три» – вдох, «раз-два-три» – выдох, и снова «раз-два-три...». Обычно это помогало. Но сейчас он тщетно пытался обуздать панику. Мальчик дотянулся и вытащил шверт, затем, подтянувшись, надавил на него. Лодка подалась, левый борт показался из воды. Теперь осталось только приналеечь, перехватить руками борт лодки и заставить её принять правильное положение на воде. Потом влезть внутрь, вычерпать всю воду и догонять улетевших к финишу гонщиков. Теория-то была известна, но на практике почему-то ничего не получалось. Руки дрожали и соскальзывали, тело стало таким тяжёлым и ватным, что сил подтянуться не осталось. А сердце ухало в груди, как африканский тамбурин, гулко и больно. Данька держался за скользкий гладкий шверт, мачта с парусом полоскались в воде, и выдернуть их оттуда было невозможно. Море их не отдавало. Волны с шумом набегали одна за другой, накрывали с головой, стараясь оторвать лёгенького мальчишку от судна и унести с собой. Данька отчаянно боролся, но паника жаркими волнами страха захлёстывала его изнутри. Он уже наглотался морской воды, но крепко держался за своего «Оптимиста», потому что твёрдо знал правило: если отпустить лодку, то это может стоить жизни.

Боковым зрением он заметил движение в воде неподалёку. Серая горбатая спина выныр-

нула и скрылась под водой. Акула? Пальцы у Даньки побелели – так отчаянно он вцепился в лодку. Мальчик стал озираться по сторонам. Но вокруг были лишь вода и белые гребни волн. Большая грузная чайка, хлопнув крыльями над ним, пронзительно закричала. Мальчишка снова предпринял отчаянную попытку подтянуться и перевернуть лодку. Нервное напряжение и паника отнимали все силы. Но странное дело – мачта с тяжёлым парусом вдруг дёрнулась, как от толчка, подпрыгнула и показалась из воды. Данька, который отчаянно цеплялся за шверт, вдруг смог утопить его, схватиться за борт и перевернуть «Оптимист». Дальше стали происходить уж совсем непонятные вещи: ноги вдруг ощутили опору и сильный толчок. Было страшно, но совершенно очевидно, что кто-то, выплывший из мутных глубин моря, помогает ему. Данька перевалился в лодку и встал на колени. Серая блестящая спина снова показалась над водой и скрылась в глубине. Дельфин! Это был дельфин! Он кружил рядом, метрах в двух, и не уплывал. Данька смотрел на него, как заворожённый.

– Эй, – позвал он негромко. – Дружище!

Острая мордочка дельфина высунулась из воды. Пасть приоткрылась, обнажив ровный ряд белых зубов. Данька услышал громкий свистящий звук, потом странное пощёлкивание. Умные глаза животного смотрели на него. Не оставалось сомнений – дельфин с ним разговаривал! Через минуту длинная мордочка уже скрылась, и только горбатая спина его время от времени показывалась над водой, отражая свет влажной кожей.

Ветер полоскал парус. Он хлопал над головой огромным белым крылом. Данька сидел в лодке, полной воды, и смотрел на море. Время перестало существовать для него. Он с трудом очнулся, достал черпаки и стал убирать воду, облегчая лодку. Затем выровнял парус по ветру, заставив «Оптимист» двигаться.

– Спасибо! – крикнул он дельфину, чья спина снова показалась над зелёной поверхностью воды.

Весь флот уже двигался к финишу. Гонка заканчивалась, и трудно было предположить,

успеет ли он уложиться в гоночное время, чтобы не заработать позорный «нефиниш». Пришлось напрячь все силы. Внимательно отслеживая заходы ветра, отчерпывая на ходу воду, мальчишка откренивал лодку и набирал скорость. Вот он проехал «ворота» и взял курс на последнюю вешку с синим флажком финиша. Отстающие «чайники» приближались к ней, и он замыкал эту колонну неудачников. С берега что-то кричали болельщики, но ветер мешал их голоса с ветром и шумом волн и превращал в неясный гул. Закончившие гонку ребята кружили за финишным знаком, не пытаясь двигаться к берегу. Они толкались тучей белых крылышек и тоже что-то кричали друг другу.

Данька знал, что потерпел неудачу, отстал позорно и бесповоротно, успев обогнать только с десяток плетущихся сзади новичков. Он выжимал из лодки скорость, смотря вперёд и думая только об одном: «Успеть финишировать». Гул голосов висел над водой. Мальчишка не понимал, что происходит. Было ощущение, что все ребята, весь флот, в котором было не менее двухсот лодок, болеют за него.

Приближаясь к судейскому судну, где фиксировалось финишное время, он позволил себе мельком оглянуться. Огромное стадо дельфинов сопровождало его. Животных было десятка два! Они выпрыгивали из воды, сверкали влажной глянцево-кожей и снова погружались в зелёные волны моря, чтобы выскочить через несколько метров. Дельфины держались позади швертбота, не отвлекая внимания гонщика, но сопровождая его с обеих сторон. Данькино сердце наполнилось таким восторгом, такой радостью, которой он не испытывал ни разу в жизни. Море приняло его! Море признало его своим!

– Э-э-эй! – закричал Данька и замахал дельфинам рукой. – Эге-гей!

Ребята за судейским судном тоже кричали на разные голоса, вторя ему: «Эй! Эге-гей!» – и, раскачивая свои лодки, махали крылышками белых парусов.

Данька финишировал. Он был в последней десятке, но его встречали как героя, как какого-то выдающегося человека. Если бы не море, ребята качали бы его на руках. Все испытывали

невероятный эмоциональный подъём, восторг, потрясение. И причиной этому был он, никому не известный маленький вихрастый мальчишка, за которым по непонятным причинам увязалось стадо дельфинов.

Конечно, был и следующий день гонок, а за ним ещё день и ещё. Дельфины ждали детей в открытом море. Близко они не подходили, но каждый день вдалеке были видны их глянцево-горбатые спины с ножевыми плавниками, сверкающие в мокрых бликах лазурных волн. И дети кричали друг другу:

– Смотрите, это же Данькины дельфины! Эге-гей! – и махали им руками, и смеялись. Много тогда смеялись.

Погрузив лодки на прицеп для отправки домой, ребята отправились в гостиницу, а Данька побежал на длинный гранитный мол, уходящий далеко в море. Волны шумели и пенились, налетая на неожиданную преграду, разлетались миллионными брызгами в воздух. Данька смотрел на синюю беспокойную воду и ждал. Колючий комок поднимался из груди к горлу, и больно щипало глаза от поступавших слёз. Но только солёный ветер носился над морем да белые чайки кружили вдалеке. Изредка одна из них падала камнем вниз, чтобы зацепить зазевавшуюся рыбку, но отсюда не было видно, удачен ли улов.

– Ушли?..

Данька быстро смахнул рукавом солёную каплю со щеки и обернулся. Рядом с ним стоял Макар. Он и в этих соревнованиях стал победителем. И Данька посчитал нужным подойти и пожать ему руку после церемонии награждения.

– Ушли, – грустно отозвался Данька.

– Но ты вернёшься, – улыбнулся Макар, – и они вернутся.

– Мы вернёмся, – поправил Данька и шмыгнул носом.

Они постояли ещё немного, глядя на синее море, – две худенькие мальчишеские фигурки на тонких загорелых ногах. И ветер раздувал на них футболки белыми парусами и сушил солёные брызги на щеках. Постояли и пошли собираться.

Продолжение

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Ликует вся природа!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Ликует весь народ!
Душа поёт! Душа стремится к Богу!
Душа сегодня с тем, кто главный для неё!
И звон колоколов нам слышен отовсюду!
И птиц весёлых раздаётся трель!
Ушла вся боль! Душа летает!
Душа сегодня с тем, кто самый главный
для нее!

БОГ С НАМИ!

Бог с нами!
Он у нас один!
Он с нами! Он в душе!
Он любит нас! Он нас хранит!
Он с нами! Он везде!
И мы храним его в душе всю жизнь,
пока живём!
Пока, оставив этот мир, к нему
не попадем!
Ведь жизнь бессмертна, в этом суть!
Понятен жизни путь!
Хотим ли мы того иль нет всему есть
свой черед!
Ну, а пока, друзья мои, мы рады
просто жить!
Мы рады каждый день встречать!
И всем приветы свои слать!

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сегодня все мы за столом
Ещё едим блины с медком,
С вареньем и сгущенкой,
С икоркой и селедкой!
Прощенье просим друг у друга!
За то, что сделали не так!
За то, что с кем-то злыми были!
За то, что всем наговорили!
За то, что не смогли понять!
Господь нам это завещал для нашего спасенья,
Для воскресенья наших душ!
Сегодня, в воскресенье!
Уйдут обиды и печали,
Уйдёт из сердца наша злость!
Наполнится душа любовью и
Сердце будет биться вновь!

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Благая весть! Благая весть!
Летит со всех краев на свете!
Она для нас важнее всего!
Для нас её дороже нету!
И радуется сердце и душа!
Ликует и природа!
У нашей Богородицы
Появится дитя, Спаситель наш,
Спаситель христиан на этом свете!
Так было, есть и будет!
Пока на этом свете мы!
Богородица хранит!
Она нас любит!
Она нам дарит то, что просит вся душа!

ГОСПОДЬ ВСЕМ ПО ТРУДАМ ВОЗДАСТ!

Нам Господь всем по трудам воздаст!
И на мечту даст сил и на работу!
Даст сил поднять детей!
Даст сил нам и на внуков!
Нам надо просто это знать!
Нам надо просто радоваться жизни!
Нам надо просто посмотреть ему в глаза!
Нам надо, чтоб души были чище!
Ему от нас не нужно ничего.
Он с нами в трудную минуту,
Он с нами на рассвете дня,
Он с нами на его закате!
Друзья мои, давайте жизнь любить и
Радоваться ей, и улыбаться!
Она дана нам от Него,
Чтоб никогда нам с ним не расставаться!

ПОДАРОК БОГА

Нам каждый день подарки Господь дарит!
Их только нужно правильно понять!
Кому-то нужен отдых ежедневный!
Кому-то труд!
Кому-то просто жизнь свою принять!
А нам, так часто хочется другого!
Кому машину! А кому жилье!
Кому-то денег, да побольше, чтобы!
Кому-то счастье, но не знаем в чем оно!
Так и несутся наши годы!
А мы все ждём, что счастье вот придёт!
О нас ведь Бог давно о всех подумал,
Давно помог, давно нас всех сберёг!
Давайте это видеть будем!
И вот тогда легко и будет жить!
Всего-то надо быть всегда нам с Богом!
И, главное, его благодарить!

УСПЕНИЕ

Пресвятая Богородица,
Спаси нас!
В этот день ты к Сыну вознеслась!
Отдала Богу светлую душу
И ушла в небо к нему навсегда!

Мы тебя чтим непременно!
Ты с нами, для нас ты одна!
И только тебе мы все верим,
И любим, в сердце храним!
Ты даёшь нам веру и силу!
Ты даёшь счастье любить!
И это великое чудо у нас в нашем сердце
живёт!
Оно будет жить с нами вместе!
Его никто у нас не заберёт!

ВЕСЕННИЙ СОН

Я ландышей букет увидела во сне!
На улице февраль!
Наверное, к весне!
Весна мне на ухо шептала,
Что ждёт она поезда у вокзала!
Ждёт свой вагон и свою остановку!
Ждёт нашу встречу и нашу обновку!
И будет она греть холодные души!
И трели всех птиц будут литься нам в уши!
Цветами украсит все наши дороги!
И зелень листвы зашуршит у дороги!
Опять все мы будем смотреть на закаты!
Ведь рядом весна!
Ее ждём мы, ребята!

ВЕСНА ПРИШЛА К СЕДОМУ ФЕВРАЛЮ!

Весна пришла к седому февралю!
Красивая и молодая!
Он понял, что пропал!
Пропала жизнь его седая!
Ему осталось мало дней!
Ему осталось только память!
Как сыпал снег, мела метель,
И небо, что с землёй сливалось!
Приходит время уходить,
Весны приметы уже рядом!
И эта молодость весны ему уже
не помогает.
И он собрался уходить!
Уходит в прошлое былое!
Нет у него уж больше сил!
О нем осталась только память!

ОПЯТЬ НАМ МАРТ ВСЕМ ИЗМЕНЯЕТ!

Опять нам март всем изменяет!
Его мы ждали целый год!
То он идёт к зиме на север!
То вдруг спешит весне наперекор!
Как Донжуан в непостоянстве
Запутался ты в чувствах и словах!
То хочешь ты побольше ласки,
То флирта ждешь, то даришь милые слова!
Как видишь, нам с тобою трудно!
Но без тебя ещё трудней!
И ждём мы от тебя терпение и мудрость,

ПРИШЛА ВЕСНА!

Пришла весна!
И ей мы рады!
Мы так устали от зимы!
Устали мы от зимней вьюги!
Устали ждать приход весны! !
Весна несёт нам обновленье!
Несёт тепло! Несёт нам свет!
И мы готовы наряжаться!
Готовы любоваться ей!
Ещё деревья без листочков!
Ещё нет даже зелени травы!
Но мы готовы с этим примириться!
Готовы ждать весенней красоты!
Уже немного ждать осталось!
Придёт красавица весна!
Она придёт в шикарных ярких платьях,
Что сшила впрок, пока была зима!

А Я ХОЧУ В ЛЕТО!

А я хочу в лето!
Что может быть краше!
Чем цветы на поляне!
Чем грибочки в лукошке!
Чем солнце в окошке!
Чем птиц щебетанье!
Чем радуг сиянье!
Чем море без края!
Чем песня простая!
Мы ждём тебя, лето!
С твоим чемоданом!

С твоими дождями!
С твоими плодами!
И будет у нас разговор очень долгим!
Про то, как все ждали тебя очень долго!
Про то, как морозила зимняя вьюга!
Про то, как весны была длинной дорога!
Про то, как осенью все мы трудились!
Про то, как летние сны нам всем снились!

ДАВАЙТЕ ВИДЕТЬ КРАСОТУ!

Давайте видеть красоту!
Она вокруг!
Она нас окружает!
Ее мы видим каждый день!
Ее почти не замечаем!
Сейчас нет буйства красок и цветов!
Стоит унылая погода!
И солнца золотого луч земли почти
не достигает!
Но, посмотрите, сколько радости вокруг!
Висят сережки на деревьях!
Скворцы вьют гнезда там и тут!
Ручьи запели, даже зазвенели!
И эта кутерьма весны нам греет сердце,
будоражит души!
Весна! Весна! Открой нам дверь!
Пусти к себе, чтоб соловья послушать!

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Весна пришла! Звенит апрель!
И от зимы осталась память!
Берез оживших хоровод,
Уж будоражит наши души!
Нам на березах виден сок!
Стекает он ведь прямо в лужи!
И нам смотреть на это жаль!
О чем вы плачете березы?
Кто вас забыл?
Обидел вас?
А может вовсе не ответил?
Мы любим вас!
Для нас вы все!
В России нет деревьев краше!
Пройдет в душе и эта боль!
И будете ещё вы краше!

История с ёжиками

У нас в доме на даче всегда водились мыши. Старый дом постройки 1912 года, переживший революцию и три войны, насквозь был прошит мышинными ходами. Сколько мышинных выводков одновременно воспитывалось в его стенах – не передаётся исчислению! Ночами то тут, то там возились, попискивали, скреблись своими спичечными лапками мелкие приживалы. Всё съестное приходилось прятать в плотно закрывающиеся лари, коробки, ящики. И всё равно потерь не удавалось избежать. Не помогали ни расставленные в тёмных углах мышеловки, ни насыпанная в подполе отравка. Мыши были неистребимы!

Для более успешной борьбы с хвостатыми нахлебниками нами был заведён (получен, так сказать, по ленд-лизу у знакомой бабульки Егоровны) большой пушистый серый с серебристым отливом кот. По словам его хозяйки, Бурбон (так почему-то звали котяру, наверное, в честь династии французских королей – не иначе!) был непревзойдённым охотником на крыс. И поскольку благодаря его стараниям в доме у Егоровны крыс не осталось, она передала Бурбона во временное пользование на лето

нам. Не знаю, как хваленый крысодав охотился у себя дома, у нас он ловить мышей принципиально не хотел. Наверное, мыши как добыча были неинтересны для такого патентованного истребителя крыс. Целыми днями нежился на крыльце на солнышке, жмуря лимонные глаза.

Ночью, видно, тоже спал – непрекращающаяся мышинная возня никак не мешала его сладкому сну.

В общем, нам это вскоре надоело...

Лопал он немало, меню наёмника было весьма питательным и разнообразным. Мы всеми силами старались создать коту необходимые условия для выполнения его миссии. Хозяйка предупредила, что Бурбон очень равнодушен к мясному фаршу и сметане. Фарш, по словам Егоровны, «возбуждал в коте тягу к охоте», так сказать кровожадность, а вот что возбуждала в нём сметана, оставалось только догадываться, скорее всего – аппетит и тягу ко сну...

Сколько фаршу ни давай – всё одно: кот лапой не пошевелил, чтобы навести порядок в мышинном царстве-государстве. Утром плотно кушал, отдыхал до обеда на крыльце, после обеда гулял вдоль забора, потом валялся, как

меховой коврик, на ступеньке, вечером съедал порцию фарша для «озверения» и мирно почи-вал до утра в широкой корзине на чулане. Так продолжалось дольше недели.

Моя мама, на которую была возложена «почётная» обязанность кормления кота-наёмника, первая разуверилась в его боевых ка-чествах.

– Что это такое! Лопает за пятерых, а ни-какого толку, только ленивее становится! – воз-мутилась она. – Если этот котище считает, что может объедаться и нежиться на солнышке, то он очень ошибается! Шиш ему, а не фарш! – И спихнула тапком сонного кота с нагретой солнцем ступеньки. Бурбон обиженно мявкнул и тяжело свалился с крыльца.

Несмотря на досаду, отдавать обратно че-рез полторы недели взятую на всё лето ленивую животину – «дачника», как окрестил Бурбона за богемный образ жизни мой отец, – было, по мнению мамы, не очень удобно.

На семейном совете решили взять си-туацию в свои руки и провести последнюю проверку серого лентяя на профпригодность. Раз кот сам не собирается «знакомиться» с мышиным населением, нужно их познако-мить. Как говорится, «если гора не идёт к Ма-гомету...» В общем, закрыли на ночь котяру в подполе, где, по нашим сведениям, по ночам собирался весь цвет мышино-го общества. Зря мы это сделали. Очутившись в тёмном под-поле вместо удобной корзинки, Бурбон начал жалобно проситься обратно. Около часа его заунывные стенания глухо доносились из-под пола, и мы уж было решили выпустить узника. Но вдруг наступила тишина, и после минутной паузы раздался оглушительный грохот, сопровождаемый истошным коша-чьим воплем.

– Мыши жрут его там живьём, что ли? – спросил сам себя отец и проворно поднял крышку подпола. Оттуда стремглав вылетел вымазанный в чём-то кот, вскочил на стол и сиганул в окно.

Спустившись в подпол, мы увидели опро-кинутые с полок и разбитые банки с яблочным соком и повидлом (в этом, видно, и извальный

по уши наш борец с мышами). Чего или кого испугался Бурбон, – может быть, мышей? – так и осталось неизвестным.

После этого случая у нас Бурбон больше не появлялся.

Дня через два мы, идя в магазин, увидели спящего «дачника» на скамейке возле дома Егоровны. Приблудный потомок династии Бур-бонов вернулся в своё «королевство». Как позже рассказала Егоровна, кот ей на следующий день после нашей попытки свести Бурбона с мышами принёс сосед. Кот каким-то образом пробрался к нему на кухню, выловил из ка-стрюли со щами кусок мяса и сожрал жареную курицу, с обглоданным крылом которой в зубах и был схвачен. Егоровна сначала как могла вы-гораживала пойманного с поличным хулигана и обжору, а потом, сама разочаровавшись в коте, от души вмазала по его усатой морде мо-крой тряпкой. После чего Бурбон был посажен на хлеб и воду, а вера в его «охотничьи честь и совесть», по словам Егоровны, в её глазах была серьёзно поколеблена...

Вот так вышло у нас с котом-наёмником.

Нужно было искать другое средство борь-бы с мышинной ордой.

И тут кому-то из нас пришла гениальная мысль – поймать ежа. Тем более что ежей возле нашей деревни вечерами можно было встретить очень часто. Они выходили на охоту ближе к сумеркам и шебурились до рассвета на полях, в огородах и садах.

Что ж, сказано – сделано!

Ближайшим вечером мы с отцом пошли искать ёжиков. Счастье улыбнулось нам, и вскоре мы вернулись домой, осторожно неся в корзинке большого возмущённо пыхтящего ежа.

Выкатили его на пол среди комнаты и по-тихоньку стали наблюдать. Ёж, туго свёрнутый в клубок, бормотал и шипел, негодуя на наше невежливое с ним обращение, но постепенно, не чувствуя опасности, стал приоткрывать свою колючую защиту. В наметившуюся щёлочку среди пёстрых иголок осторожно высунулся чёрный кожаный нос и тотчас же спрятался обратно. Немного погодя опять... Принюхал-ся, смешно посапывая, и вот уже ёжик, совсем

осмелев, развернулся и, встав на лапы, пошёл обследовать своё новое жилище.

Мы, наблюдая за новым жильцом, приготовили и поставили на пол посреди комнаты блюдо с молоком и кусочками белого хлеба. Стали ждать, когда ёж, обходя свои владения, заметит предназначенную для него еду. Вскоре ёжик учуял вкусные запахи и направился к блюду. Тщательно обнюхал его и, громко чавкая, принялся за трапезу. Сытно поужинав, он снова пошёл знакомиться с нашим домом.

Пришло время ложиться спать. Ёж куда-то запропастился, притих. Погасили свет. Наступила тишина. Потихоньку стал одолевать сон. И вдруг громкое шуршание прогнало прочь все мысли о сне: ёж, а это был он, вышел на охоту.

Не обращая внимания на включённый отцом свет, он, плотно прижимаясь боком к стене, бежал вдоль плинтуса, в клочья раздирая обои своими иглами. Вдруг немного впереди него из круглого отверстия в обоях выпрыгнула на пол большая мышь. Но не успела она пискнуть, как оказалась в зубах колючего охотника.

Все мы – свидетели этого момента – изумлённо вздохнули: нас поразила неожиданная находчивость и лихость нового жильца. Шурша иголками по обоям, выпугивать, гнать мышей к выходу из надёжного убежища и там с ними так ловко расправляться – это нужно уметь!

Да, теперь мы были спасены от мышьи напасти! Можно было ложиться спать спокойно (несмотря на продолжающуюся ежину топотню и шуршание).

Наутро возле печки мы нашли трёх раздавленных мышей. Ёж их не съел, только как-то замусолил. Сам колючий охотник к завтраку не появился. Только к полудню послышалась какая-то возня за старым дедовским буфетом, неплотно стоявшим у стены, и вскоре наш гость «вышел к столу».

«Ага, – понял я, – там и находится ежиная спальня...»

К вечеру ёжик почему-то начал рвать лежавшие пачкой возле печи старые газеты, приготовленные для растопки, и носить клочки бумаги за буфет – строить гнездо.

Прошла ещё одна полная охотничьей суеты ночь. И опять утром возле печи мы нашли пару дохлых мышей...

Прошло дня три-четыре...

Наш «охотничий» ёжик вдруг как-то загрустил, заметно похудел и почти перестал вылезать из своего укрытия, даже последнюю ночь не выходил на охоту, и мыши, было притихшие, видимо, почувствовав слабинку, вновь зашуршали по углам.

Первой не выдержала мама:

– Наш ёжик загрустил неспроста, может, ему у нас плохо? А может, у него остались детки, и он по ним скучает? Жалко – нужно его выпускать!..

Где-то через неделю такого рода разговоров мы с папой сдались. Завернули в старый плащ некстати выглянувшего из-за буфета ежа и уныло поплелись к тому месту, где его поймали. Идти нам почему-то очень не хотелось. Какое-то нехорошее предчувствие давило нам на душу. И, как потом выяснилось, оно нас не обмануло...

Пока мы относили нашего ёжика, мама решила убраться в ежином жилище. Она чуть отодвинула от стены тяжёлый буфет и махнула за ним веником, стараясь вымести натасканную ежом туда бумагу.

Р-р-ра-аз-з! И вся рваная бумага – на середине комнаты! А вместе с бумагой выкатились из-за буфета маленькие репейнички – новорождённые ежата!

Вот те на!

И чего теперь с ними делать?

Мама поспешно собрала их в подвернувшуюся пустую коробку из-под обуви и помчалась за нами вслед.

Но она опоздала. Мы уже донесли ежиху до пологого оврага за деревней и выпутали её из складок плаща у развесистого куста бузины. Она потихоньку раскрутилась из шара, обнюхала траву, но убежать в кусты не спешила. Эх, знать бы нам о маминой находке! Но, постояв немного над ежихой, мы поплелись к дому.

И тут на околице встретились со спешащей нам навстречу мамой. Узнав о ежатах, мы поспешили к месту, где оставили нашу

несчастную ежину мамашу. Но у бузины её уже не было...

Мы втроем стали прочёсывать высокую траву возле куста, расходясь по спирали всё шире и шире, но тщетно. Ежихи и след простыл...

И как всё нелепо получилось!

Дома ждёт ежиный выводок, а мамашу мы сами выгнали из дома.

Да, есть над чем задуматься...

Пока шли, прибитые свалившейся на наши головы проблемой, думали, как быть дальше:

– Ежат не выбросишь – совесть не позволит.

– Их мамашу не вернёшь.

– В хозяйстве у нас никакой «кормилицы» для ежат нету.

– Значит, нужно самим находить какой-то способ кормления ежиной детворы.

Решили попробовать кормить «репейников» с помощью пипетки козьим молоком, которое покупали у соседки.

Придя домой, тут же кинулись к коробке с ежиками. Посчитали поголовье. Ежат оказалось шестеро. Маленькие, с розовыми пятчиками и брюшками, но уже покрытые белёсыми иголочками. Кстати, очень остренькими! Ёжики не терпели фамильярности и здорово кололись, если их кто-нибудь брал в руки, упруго подпрыгивая в ладони, чтобы уколоть побольней, и тоненько фукая. Кстати, нас с отцом они так

и не признали, а вот маму, которая кормила их из пипетки, никогда не кололи!

Думаю, что процесс кормления следует описать особо.

Кормить ежат нужно было часто – где-то раз в три часа, ночью они отдыхали.

Мама аккуратно брала ежонка из обувной коробки, ставшей на время их домиком, пристраивала его пузиком кверху на своей ладони. Набрав в пипетку подогретого козьего молока из чашки, не спеша, по капельке выдавливала его ёжику в рот. Не дай бог попадёт молочко в нос! По капельке, по капельке...

Насытившийся ежонок начинал уворачиваться от пипетки, и мама, обтерев его ваткой, смоченной в тёплой водичке, положив его, чистенького, в коробку, принималась за кормление очередного «репейничка».

Сытые ёжики мирно лежали рядком на подстилке из рваных газет, сменённой мною за время ежиного обеда. Подстилка менялась поэтапно, под каждым ежонок, взятым мамой для кормления.

После того как последний ёжик был накормлен, коробка накрывалась старым полотенцем и убиралась в дальний тёмный угол. В одном из номеров «Юного натуралиста» (слава богу, вовремя статья эта вышла!) я прочитал, что маленьких, слепых ежат нужно беречь от солнечного света, ультрафиолет, оказывается, для них смертелен. Поэтому ёжики жили у нас в тени.

Дней через пятнадцать, когда глаза у них открылись и они стали рваться из своей уже тесной коробки на прогулки, мы переселили их в более просторный ящик из-под инструментов, чтобы им было повольготнее.

Стали понемногу приучать их к той пище, которая может попасться им в «дикий» жизни. Ведь когда-то их нужно было выпускать на волю...

Решили попробовать прикармливать ежат земляными червями. Накопали немного мелких под яблоней и выложили на пол перед мордочкой одного из подросших «репейников». Ёжик потянул своим смешным носиком, принялся и слопал одного червячка.

Мы облегчённо вздохнули. Так! Дело пошло!

Пипетке можно немного передохнуть, а то мама уже стала уставать...

Через день испытали размятое варёное яйцо. Ёжикам понравилось...

С этого времени стол наших питомцев с каждым днём становился всё богаче и разнообразней. Как-то раз мы с отцом кололи дрова – здоровенные толстые еловые кряжи, привезённые из лесничества. После очередного удара колуном от одного из пней отлетел широкий пласт коры, под которой обнаружилось несколько крупных белых личинок жука-дровосека. Решили предложить их на закуску нашей колючей семейке. Ежата после некоторого раздумья умяли предложенное лакомство. Так же они расправились и с личинками ручейника, однажды оставшимися после рыбалки.

Пролетело ещё около двух недель. В ежином ящике теперь стояли блюдечки с питьём и пищей. Ёжики научились есть самостоятельно. Корм задавали им уже дважды в день.

Время шло, ёжики выросли, становились крупнее. Ящик тоже стал им мал. Мы выпустили их на пол в доме. Пусть выбирают и живут где захотят!

У наших воспитанников начал проявляться характер. Один стал весьма нетерпим к своим родичам и теперь жил отдельно под допотопной этажеркой, стоящей в углу, натаскав под неё всякого хлама. Другой ушёл за дедовский буфет. Остальные тоже постепенно нашли себе убежище по вкусу. В общем, в каждом уютном углу у нас теперь жило по колючему квартиранту.

Вообще наблюдать за ёжиками было интересно. Ежи – очень забавные животные.

Как-то раз нам пришла мысль дать каждому ежонку имя, но от этого пришлось отказаться – слишком они похожи друг на друга, а пометить их нет никакой возможности. Ошейник не наденешь, ленточку на лапку не повяжешь, иголки не покрасишь...

Ночами, когда ежата становились наиболее активными, нужно было быть особенно осторожным, чтобы не наступить на подвернувшегося под ноги ёжика. Да, ночки стали

шумными! То ежиха-мама спать не давала, теперь смена подросла!..

Занятые почти всё лето воспитанием ежат, мы даже не сразу заметили, что так досаждавшие нам мыши куда-то тихо исчезли, наверное, ушли на колхозные пшеничные поля отъедаться перед зимой. Да, в нашем доме им стало неуютно...

Правда, на мышей наши ёжики пока не охотились – им хватало всяких вкусностей: хлебушка с колбаской да молочка, заботливо приготовленных мамой. Кстати, стоит заметить, что питались наши питомцы теперь отдельно друг от друга. У каждого была отдельная столовая. Рядок блюдец стоял вдоль стен на приличном расстоянии, чтобы не провоцировать драк из-за лакомства. Несмотря на это, парочка основных драчунов из числа наших воспитанников нет-нет да и сцеплялись колючками, с уморительным пыхтением пытались отогнать друг друга от спорного кусочка вкуснятины.

Прошло около двух месяцев с тех пор, как мама обнаружила ёжиков за буфетом.

Лето подкатилось к концу. Осень нетерпеливо стучалась в окна мелким дождиком.

Пора пришла выпускать наших воспитанников на волю.

Собрали мы колючую, пыхтящую братию в большую бельевую корзину и понесли к оврагу. Выпустили наших ёжиков под тот же куст бузины, куда и их маму.

До свидания! Приходите в гости!

Мы вступили в юбилейный для нашей страны год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Сегодня мы расскажем, какую работу, посвящённую памяти тамбовчан, отстоявших свободу и независимость страны в той страшной войне, проводит региональное отделение Российского военно-исторического общества.

За последние 15 лет на территории области в рамках проекта «Историческая память» возведён 131 мемориальный комплекс. На них увековечены имена наших земляков, не вернувшихся с полей сражений Великой Отечественной войны. Работа эта сложная, кропотливая, списки фамилий приходится перепроверять, находить средства на сооружение памятников, разрабатывать проекты, искать подрядчиков. И всё же на начало 2020 года из 196 тысяч тамбовчан, погибших и пропавших без вести, увековечены имена 150 тысяч фронтовиков. Большая работа в этом направлении была проделана в 2019 году, проходила она под знаком предстоящего юбилея. В 11 населённых пунктах области были возведены мемориальные комплексы.

Первый мемориал был открыт 6 мая в посёлке Пригородный Крюковского сельсовета Моршанского района, на его гранитных плитах высечены имена 507 земляков, не вернувшихся с войны. На открытие собрались практически все жители близлежащих населённых пунктов, у многих из них на памятнике увековечены фамилии дедов и прадедов. Приехали депутаты областной Думы, руководители многих предприятий и организаций. В центре мемориала Российское военно-историческое общество установило скульптуру «Советскому солдату от благодарных потомков». По ходу дела хочется отметить, что в Моршанском районе в этом году возвели ещё два комплекса, в сёлах Плоская Дубрава и Устье, а на 2020 год запланировали мемориалы в сёлах Новотомниково и Носины.

А уже на следующий день церемония открытия прошла в селе Павлодар Уваровского района. 627 фамилий односельчан увековечены на этом мемориале. Для большинства детей, молодых людей эта война – уже далёкое прошлое, но ещё живы те, кто испытал на себе и горечь потерь, и все тяжести лихолетья.

У 90-летней жительницы Павлодара Марии Андреевны Тюриной на фронт ушёл отец, Андрей Петрович Кулешов. Она рассказывает, что очень хорошо помнит, как прощались с папой во время проводов её братья и сёстры. Они долго бежали за повозкой и кричали, чтобы быстрее приезжал домой. Андрей Петрович не вернулся в родное село, пришло извещение, что пропал без вести. Таких историй очень много, практически в каждой семье.

«...И наша общая задача – сохранить эту память для наших детей, внуков, правнуков, чтобы они знали, какой страшной ценой нам досталась эта Победа. Поэтому совместными усилиями администрации области, Российского военно-исторического общества, местных органов власти, жителей Тамбовщины мы возводим мемориальные комплексы», – подчеркнул первый заместитель председателя областной Думы, руководитель регионального отделения Российского военно-исторического общества Владимир Карев.

22 июня, в День памяти и скорби, в селе Устье Мичуринского района состоялась церемония открытия мемориального комплекса, на котором увековечены имена 304 земляков, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. В центре мемориального комплекса установлена коленопреклонённая скульптура советского солдата, изготовленная Российским военно-историческим обществом и переданная в дар нашей области.

Монумент привлекает внимание, каждый видит в нём своего отца, деда, прадеда. И очень хорошо сказала глава Мичуринского района Галина Шеманаева: «Сразу понимаешь, как этим сапогом наш солдат растоптал нацистскую гадину. Мы гордимся тем, что в нашем селе есть такой памятник. Благодарим от всего сердца за такой подарок. Мы этой памяти будем достойны». Тёплые слова признательности и благодарности за громадную работу по патриотическому воспитанию молодёжи, сохранению и увековечению памяти наших земляков, не вернувшихся с полей сражений, высказал в адрес главы администрации области Александра Никитина, председателя областной Думы

Евгения Матушкина советник председателя РВИО Ростислав Мединский.

В конце сентября при большом стечении людей в селе Заворонежское Мичуринского района прошла церемония открытия мемориального комплекса. Пришёл и Владимир Дмитриевич Заборовский, единственный ветеран Великой Отечественной, доживший до сегодняшнего праздника. Владимира Дмитриевича призвали на фронт в 1944 году, он служил водителем в артиллерийском полку. Был ранен, контужен. Победу встретил в Австрии. На мемориальном комплексе высечена фамилия его старшего брата Виктора, погибшего в сражении под Харьковом.

Военно-историческое общество установило на мемориале скульптуру «Защитнику Отечества от благодарных потомков», изготовленную Денисом Стретовичем по проекту советника председателя общества Ростислава Мединского.

1 ноября в сквере Победы посёлка Сатинка установили два памятных знака: «Труженикам тыла от благодарных потомков» и «Участникам локальных конфликтов». Оба знака изготовлены по заказу регионального отделения Российского военно-исторического общества. Финансовую помощь оказали не только предприятия нашей области, но и руководители московских организаций. Знаки гармонично вписались в уже существующий сквер, на котором возведён мемориальный комплекс жителям Сатинки, не вернувшимся с полей сражений Великой Отечественной войны, и установлены четыре бюста Героев Советского Союза – уроженцев Сампурского района.

131-й мемориал за последние 15 лет в рамках проекта «Историческая память» и заключительный в этом году был открыт в райцентре Петровское. Торжественное событие происходило, когда жители района отмечали 77-ю годовщину почина по сбору средств на строительство танков. Несмотря на ненастную погоду, более тысячи человек собрались в парке Победы, чтобы отметить этот исторический день. Для многих он ещё важен тем, что фамилии их родственников увековечены на этом мемориале. Игорь Харитонов рассказал, как воевали братья его деда, кто и где погиб:

«Слава богу, что мой родной дед вернулся домой живым». Что такое война для нас, очень проникновенно сказал первый заместитель председателя областной Думы, руководитель регионального отделения Российского военно-исторического общества Владимир Карев: «Более 27 миллионов наших соотечественников погибли, многие остались неизвестными, и наш долг вернуть каждое имя в родной дом. В нашей области эта работа проводится благодаря громадной поддержке со стороны руководства области, и в первую очередь главы администрации области Александра Никитина и председателя областной Думы Евгения Матушкина». Владимир Николаевич отметил, что в России нет других таких регионов, как Тамбовская область, где областная власть так целенаправленно проводит работу по увековечению имён земляков, не вернувшихся с войны. «Мы благодарны Российскому военно-историческому обществу за ту помощь, которую оно оказывает нам в создании мемориалов, и сегодня оно передало жителям области очередной подарок для жителей Петровского района – это скульптура «Солдату-победителю» и барельеф с композицией передачи танков бойцам Красной армии», – добавил Владимир Карев.

Помимо вышеперечисленных, мемориальные комплексы в этом году были открыты в сёлах Верхнее Нащёкино и Митрополье Бондарского района, селе Соколово Кирсановского района и селе Ильинка Умётского района.

Уже сейчас в разных муниципальных округах области идут строительные работы на 13 мемориалах, в том числе и на двух очень больших – это Моршанск, где будут увековечены имена 3 231 жителя города, и райцентр Первомайский, где списки ещё уточняются, но ориентировочно около 1 600 человек. Российское военно-историческое общество планирует для мемориала в посёлке Первомайский и для воинского захоронения в Мичуринске поставить скульптуры «Солдату-победителю», и мы заранее благодарим общество за столь ценные подарки. Ведь, как точно заметил известный тамбовский скульптор Виктор Остриков, «скульптура на мемориальном комплексе – это бриллиант в кольце оправы».

ЧЕХОВ, СИМОНОВ, БЕРГГОЛЬЦ, БОНДАРЁВ...

ЗАПУЩЕНА ПРОЦЕДУРА ПРИСВОЕНИЯ ИМЁН ПИСАТЕЛЕЙ НОВЫМ ДЕРЕВЬЯМ

Главный редактор журнала «Александръ» выступил с инициативой и стал организатором проекта, по которому Федеральный научный центр имени И. В. Мичурина и Союз писателей России объявили конкурс на «литературные» названия для новых сортов яблони, вишни, черешни и груши, а также таких кустарников, как малина и смородина. Дружба между писателями и селекционерами зародилась в год 60-летия Союза писателей во время посадки сада Шолохова в станице Каргинская Ростовской области, мероприятие описывалось на страницах нашего журнала.

В настоящее время уже есть «литературные» сорта, такие как «цветаевская» и «гумилёвская» яблони, «тургеневская» вишня и «тютчевская» черешня. Как сообщает пресс-служба Союза писателей, предложения по названиям принимаются до 15 февраля. Наименования, получившие большее количество голосов, будут вынесены на рассмотрение секретариата.

Утвердят самые удачные и популярные «литературные» названия в апреле во время выездного секретариата Союза писателей России, который пройдёт в Мичуринске с участи-

ем представителей научного центра. На новые сорта будут получены подтверждающие сертификаты.

Исходя из решения секретариата, Анатолий Сергеевич Труба, отвечающий за проект по присвоению имён писателей новым сортам деревьев, дал более обширное толкование инициативы.

В частности, он изложил требования Федерального научного центра им. И. В. Мичурина к предложениям по наименованию новых сортов деревьев.

Согласно законодательству, могут возникнуть следующие права на сорт растения:

- авторское право;
- право на сорт;
- право на распространение сорта.

Государственным органом, который регистрирует и выдаёт охранные документы на сорта растений, является Государственная комиссия Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений (Госкомиссия).

Сорту предоставляется охрана, если он обладает рядом признаков, а именно:

- новизной;
- отличимостью (от любого другого общеизвестного сорта);
- однородностью (размножение растения однородно);
- стабильностью (его основные признаки остаются неизменными после его размножения).

После подачи всех документов начинается предварительная экспертиза заявки, которая обычно длится один-два месяца. При условии положительных результатов предварительной экспертизы заявитель уведомляется о приёме заявки, и сведения о заявке публикуются в официальном бюллетене. Затем начинаются экспертиза на новизну, испытания на однородность, отличимость, стабильность, а также на хозяйственную полезность. Этот этап может занять от одного до трёх лет.

При положительных результатах испытаний и экспертизы на новизну принимается решение о возникновении прав на сорт, и заявителю выдаётся патент, свидетельство о государственной регистрации сорта и свидетельство об авторстве на сорт (если заявитель является автором).

24–25 апреля 2020 года в г. Мичуринске Тамбовской области планируется выездной секретариат Союза писателей России по защите родной природы. В рамках мероприятия будет подписан меморандум между Союзом писателей России (СПР), Федеральным научным центром им. И. В. Мичурина и Госкомиссией РФ по испытанию и охране селекционных достижений, по которому пяти-семи новым сортам растений, изобретённых селекционерами Мичуринска, будут присвоены «литературные» имена, предложенные СП России.

Документ (меморандум) необходим по той причине, что все сорта будут включены в Международный кодекс номенклатуры культурных растений. Это новое требование, которое закрепляет название сорта на международном уровне, даёт возможность избежать повторов и обеспечить оригинальность.

Для присвоения названия СП России необходимо предложить несколько вариантов наименования сорта с кратким обоснованием. Это может быть как фамилия писателя (необходимо согласие самого писателя или родственников), так и названия литературных произведений. Ограничений по датам жизни нет, возможно присвоение названия в честь ныне здравствующих литераторов. Учёные просят не предлагать в качестве названий такие словосочетания, как «Памяти...». Для предложения необходимо использовать просто имя писателя – «Александр Пушкин», не стоит предлагать «Пушкинская».

В дальнейшем ФНЦ будет предоставлять вначале технические характеристики будущего растения, и уже по ним секретариату СП России будет легче определиться с предложениями.

Эта акция не единоразовая. Сотрудничество планируется многолетнее. При этом необходимо учитывать, что производство и сертификация новых сортов проходит в постоянном режиме в течение всего года. По этой причине необходимо оперативно реагировать на появление новых растений и вносить предложения по названию.

Для примера: 17 января из ФНЦ поступил запрос на название выведенного нового сорта вишни. На заседании секретариата 21 января были предложены пять вариантов названия сорта – в честь писателей Антона Чехова, Константина Симонова, Ольги Берггольц, Юрия Бондарева («Горячий снег») и «Пиковая дама». ФНЦ принял четыре предложения писателей, отклонив вариант «Пиковая дама». На ближайшем совете будет принято решение и выдан документ для закрепления названия сорта.

Сертификаты и патенты предполагается торжественно вручать представителям СП России. В 2020 году будут названы деревья – яблони и вишни, в дальнейшем планируется называть и новые сорта цветов, что будет особенно приятно женщинам-писателям.

Анатолий ТРУБА

